

ГЕО-КОНСАЛТ
консалтинговый центр

ЛЕВ КРИШТАПОВИЧ

**БЕЛАРУСЬ
КАК
РУССКАЯ СВЯТЫНЯ**

УДК 930.1(476+470+571)

ББК 71.05

К 82

Криштапович Л.Е.

К 82 Беларусь как русская святыня.

Раскрывается историософское и цивилизационное единство белорусского, русского и украинского народов.

Представляет интерес для философов, историков, политологов, культурологов, для всех, кто занимается изучением философии истории русской цивилизации.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

- Глава I.* **Общерусские корни белорусской народности**
1. Миф о "балтском субстрате"
2. Антиисторизм на службе национал-русофобии
- Глава II.* **Латинско-иезуитская организация Великого княжества Литовского и Речи Посполитой**
1. Западная Русь. Литва. Польша
2. Люблинская уния
- Глава III.* **От Руси к Беларуси**
1. "Тутэйшыя" — значит русские
2. Под лозунгом "белорусскости"
3. Литвины — не белорусы
- Глава IV.* **Брестская церковная уния: прошлое и настоящее**
1. Беларусь и Украина накануне церковной унии
2. Протестантизм в Беларуси
3. Православие и католичество в Беларуси
4. Иезуиты в Беларуси
5. Православные братства в Беларуси
6. Церковная уния 1596 года
7. "Апокрисис" Христофора Филалета и "Берестейский собор" Петра Скарги
8. Церковная уния и наше время
- Глава V.* **Строительство общерусской цивилизации**
1. Под знаком воссоединения с Россией
2. Фальсификации "национально-сознательных" о польском восстании 1794 год
3. Панский синдром
4. Цивилизационное единство белорусского и русского народов как фактор победы в Отечественной войне 1812 года
5. О некоторых фальсификациях истории Отечественной войны 1812 года
6. Беречь общерусскую историю
7. Наша общая вера
8. Какой дорогой идти белорусу (Вместо заключения)

БИБЛИОГ
РАФИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

История народа – это не летопись частной жизни человека. Об истории народа нельзя сказать: это было, это прошло. История имеет дело с вечным – с духом народа, его делами. «Народы, – отмечал Гегель, – суть то, чем оказываются их действия»¹.

Но некоторые историки так далеки от этого воззрения, что считают достаточным свести историю народа к архивной пыли, временами удобряя ее субъективными политическими и моральными сентенциями, которые, по их мнению, являются лучшим материалом для построения национальной концепции истории Беларуси. Согласно таким взглядам, любой литературный графоман, зачисливший себя в разряд «национально-сознательной» интеллигенции и потративший некоторое время на переписывание или прочтение нескольких книг, способен написать историю белорусского народа. Это – типичные «представители субъективной образованности, которые не знают мысли и не привыкли к ней...»².

Выдающийся украинский и русский языковед и мыслитель XIX века Александр Потебня справедливо заметил, что «никто не имеет права вlagать в язык народа того, чего сам этот народ в своем языке не находит»³. Эту мысль А. Потебни с полным основанием можно отнести и к истории. Исследователи, не знающие действительной логики исторического процесса, заполнили свои писания всем чем угодно, но только не подлинной историей Беларуси. Особенно заметно, как представители «субъективной образованности» усердствуют в отрицании общерусской природы белорусского народа. В своей антиисторической затее они напоминают евангельских фарисеев, «оцеживающих комара, но поглощающих верблюда».

Противников единения белорусского и русского народов условно можно разделить на две группы.

Первая из них представляет собой «кликушествующую» публику из числа обиженных жизнью людишек, которые готовы говорить всякий вздор с единственной целью выпросить у своих западных хозяев очередную порцию грантов для своих якобы научных и политических исследований. Представьте себе: какие-то малозначащие личности с кругозором обитателей «желтого домика» вдруг попадают в разряд видных политических деятелей, разъезжают по заграницам и вообще говорят от имени «мирового» сообщества. Тут действительно голова пойдет кругом и немудрено приравнять свои аляповатые «мыслишки» к идеям демократии и национального возрождения. Хотя по существу их аргументация против Союзного государства такого же уровня, как и рассуждения чеховского Василия Семи-Булатова из села Блины Съедены о пятнах на Солнце. Разбирать всерьез аргументы политических «семибулатовцев» против Белорусско-Российского Союзного государства то же самое, что ~~«метать бисер перед свиньями»~~.

¹ Гегель. Философия истории. – М., 1935. – Т.8. – С.71.

² Там же. – С. 62.

³ Потебня А. Мысль и язык. – Харьков, 1892. – С. 146.

Другую группу противников Союзного государства составляет определенная часть нашей гуманитарной интеллигенции, которая во мгновение ока совершила умственное сальто-мортале. Свою «переоценку ценностей» эти интеллигенты обычно объясняют невозможностью говорить правду в эпоху «тоталитаризма», ссылаясь на некие новые исторические факты, которые, дескать, партократы скрывали от общественности. В действительности же проблема подобной интеллектуально-нравственной метаморфозы лежит совершенно в другой плоскости. Дело в том, что в эпоху массового «производства» интеллигенции, в том числе и ученых (такое явление характерно сегодня для всех стран), значительная ее часть никакого отношения к науке не имеет, хотя и называется научной. Причина этому – подмена научного исследования резонерством. Как отмечал великий немецкий мыслитель Гегель, в наше резонирующее время совсем нетрудно научиться подыскивать доводы «за» или «против» какого-нибудь изучаемого явления.

Отсюда и тот кажущийся парадокс, когда одни и те же ученые в советское время аргументировали за Союз с Россией, а в нынешнее – против Союза с Россией. Это были и есть ученые-резонеры. Задача таких ученых – уметь подыскивать аргументы «за» или «против» в зависимости от обстоятельств, политической конъюнктуры. Отличие ученого-резонера от подлинного ученого состоит в том, что первый ищет доводы, за которые в данное время хорошо платят, а второй – истину, которая не находится в прямой зависимости от вознаграждения. Поэтому для ученого-резонера не существует проблемы научной добросовестности, честного сопоставления с тем, что он писал раньше и тем, что он утверждает сегодня. Его мысль заикливается лишь на выдумывании абстрактных возможностей, а не на анализе реальной социально-политической ситуации, которая в своем развитии раскрывает себя не как возможность, а как необходимость. Ученый-резонер мыслит категориями возможности. Истинный ученый мыслит категориями необходимости.

В этом нетрудно убедиться на аргументах ученых-резонеров против Союзного государства.

Основной их довод против Союзного государства с той или иной вариацией сводится к тому, что Беларусь в таком государстве будет превращена в периферию или колонию России.

Вдумайтесь в «логику» этих резонеров. Мол, поскольку Беларусь экономически во много раз слабее России, постольку она должна быть против Союзного государства, ибо окажется на задворках экономического и политического развития. С научной точки зрения, эти доводы абсолютно несостоятельны. Как известно, Беларусь, будучи в составе СССР, не только не являлась окраиной Союзного государства, но относилась к самым высокоразвитым странам мира как в экономическом, так и в политическом, культурном, научном отношении. Почему же тогда в восстановленном Союзном государстве Беларусь должна занять маргинальное место? Доказывать подобное – значит исходить не из исторической необходимости, а из надуманных абстрактных возможностей.

Каких? Разумеется, таких возможностей, которые исходят из интересов западных стран. Отсюда и главный тезис ученых-резонеров – «независимая Беларусь», или, другими словами, «наш путь – в Европу». При этом ученые-резонеры не соображают, что именно вхождение Беларуси в «европейский дом» как раз и отбросит нашу республику на экономические и политические задворки Запада. Парадокс резонерствующего мышления в том и состоит, что оно не замечает собственного превращения в свою противоположность. Ибо, выступая против белорусско-российского Союзного государства, ученые-резонеры на самом деле доказывают невозможность демократического и прогрессивного развития Беларуси в рамках «независимого» развития республики, то есть такой политической модели белорусского государства, на которой настаивает Запад. В самом деле, нельзя же отрицать, что в экономическом плане Беларусь многократно уступает так называемому «европейскому дому». Наивно рассчитывать, что западные толстосумы просто из чувства платонической любви к белорусам возьмут их к себе на содержание и будут развивать экономику, науку, культуру, чтобы мы поскорее стали жить, как на Западе. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Логичнее умозаключить, что финансовая олигархия Запада отводит нам в своих глобальных сценариях совсем другую роль.

Какую? Сошлемся на Збигнева Бжезинского. Как известно, что у вашингтонской администрации на уме, то у Бжезинского на языке. Послушайте: «Сохранение этого плацдарма (европейского. – Л.К.) и его расширение как трамплина для продвижения демократии имеет прямое отношение к безопасности Соединенных Штатов»⁴. Таким образом, выступая против Союзного государства, ученые-резонеры фактически озвучивают натовские схемы мирового развития, то есть отстаивают интересы США, а не Беларуси.

Почему так несостоятельны доводы этих ученых на тему Союзного государства? Потому что они не способны увидеть разницу между натовской интеграцией и белорусско-российским союзом. Расширение НАТО на Восток и строительство «европейского дома» идет в русле консервации несправедливых отношений на международной арене. Это вполне вписывается в концепцию «нового мирового порядка», разработанную в стратегических институтах США. Напротив, создание Союзного государства базируется на принципах равноправия государств, социальной справедливости и гуманизма. Наш Союз положит конец разрушительным процессам, укрепит Беларусь и Россию, создаст предпосылки для подлинно прогрессивного развития наших братских народов.

⁴ *Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. – М., 1998. – С. 91.*

Глава 1. ОБЩЕРУССКИЕ КОРНИ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

1. Миф о «балтском субстрате»

Культурологической особенностью националистической исторической школы, которая совершенно необоснованно претендует на роль в белорусской национальной историографии, является школярское изучение истории Беларуси. Такое изучение, не требуя вдумчивого исследования, обычно удовлетворяется поверхностными историческими аналогиями и внешней фактурой. Говоря словами видного английского мыслителя XIX века Бокля, такие историки «наполняют свои сочинения самыми пустыми и ничтожнейшими подробностями: анекдотами о государях и их дворах, нескончаемыми рассказами о том, что сказал один министр, что подумал другой, и – что еще хуже – длинными реляциями о походах, сражениях и осадах»⁵. Например, прочитают так называемые «национально-сознательные» ученые, что в Московском государстве жителей Беларуси называли литвинами, вот и расписывают, что наши предки были литовцы, а не русичи. Встретят на территории Беларуси литовские названия – и делают вывод, что наша земля называлась Литвой, а не Белой Русью. Услышат, что галицко-волынские князья Даниил и Василько Романовичи воевали с литвинами под Новогрудком – тут же заявляют, что Новогрудчина – это литовская земля, а Новогрудок – литовский город. На подобной гносеологической основе обычно конструируются все исторические доказательства современной «возрожденческой» философии истории.

Главное в этих доказательствах – отрицание Древнерусской цивилизации как этнической, геополитической и культурной основы генерации трех братских народов: белорусского, русского и украинского. Для отрицания общерусской природы белорусской народности изобретена «теория балтского субстрата». По мнению «белорусизаторов», именно балтский субстрат явился корневой основой этнического формирования белорусов.

Основной порок «балтской теории» в том, что она изображает этнические процессы в примитивно-упрощенном виде. Время формирования Древнерусской цивилизации характеризуется интенсивными миграционными движениями различных племен и рас. Источники той эпохи говорят о миграции не одних только восточных славян, но и других народов: финно-угорских, скандинавских, аварских, болгарских, готских. Причем это Великое переселение народов было многоплановым, охватывало огромные территории. Представлять себе некий неподвижный «балтский субстрат», который только и дожидался того, чтобы наложить свою этническую печать на белорусов, – антинаучно. Балтские ориентиры необходимы «белорусизаторам», чтобы поставить барьер на пути этнического единства белоруса и русского и доказать, что этнически белорус – больше балт, чем славянин. Раз белорусская народность сформировалась на другой этнической основе нежели великорусская, то,

разумеется, отпадает необходимость говорить о родственных народах. Таково «философско-историческое» обоснование отрицания общерусских корней белорусской народности.

Следует заметить, что подобный вывод современных адептов «балтского субстрата» не оригинален. Еще в первой половине XIX века провинциально ориентированный этнограф и историк Павел Шпилевский, «собиравший белорусские слова, песни, присказки и другие виды народной словесности, называл белорусов «кривичами» для того, чтобы показать, что они не имеют ничего общего с русским народом»⁶. «Белорусизаторы» так далеки от усвоения подлинного белорусского национального духа, что в их среде распространено наивное воззрение, будто бы задача историков – переписывать страницы более ранних исторических произведений, осовременивая их некритическими политическими и нравственными сентенциями, которые, по их мнению, являются наиболее прибыльными в данное время.

На основании «балтской теории», заимствованной у антирусски настроенных писателей, «белорусизаторы» обычно начинают изучение истории Беларуси с XII–XIII веков, когда на наших землях несомненно видно присутствие исторического литовского элемента. Тем самым из истории Беларуси невольно выбрасывается период протяженностью в четыре столетия. Общеизвестно, что до этого исторического этапа на территории современной Беларуси жил древнерусский народ и находилось Древнерусское государство с общеполитическим и национально-религиозным центром в Киеве. Первоначально некоторые города на нашей территории прямо назывались русскими. Например, Брест-Русский, Каменец-Русский. Так, польский историк XV века Ян Длугош отмечает, что в 1409 году польский король Ягайло встретился с великим князем литовским Витовтом в Бресте-Русском. Из Бреста Ягайло отправился в Каменец-Русский, а оттуда на охоту в Беловеж⁷.

Чтобы как-то обойти ясные указания исторических источников о несостоятельности «балтской теории», «белорусизаторы» пускаются на следующую хитрость. Они рассматривают местное русское княжество с центром в Полоцке в качестве самостоятельного белорусского государства со своим отличительным национальным характером, якобы ничего общего не имевшего с народами других русских земель. Столкновения, например, полоцких князей с киевскими в таком случае следует анализировать в плоскости борьбы между белорусским и украинским государствами, а не как обыкновенное проявление политической междоусобицы в рамках единого Древнерусского государства. Если согласиться с такой логикой, то тогда постоянные военные стычки между черниговскими и киевскими князьями также должны квалифицироваться как межгосударственные столкновения. Только между какими государствами? Россией и Украиной? А военное противоборство между Полоцком и Смоленском, наверное, следует считать выяснением отношений между Беларусью и Россией?

С какой стороны ни подходи, но логика «белорусизаторов» для понимания истории того времени просто нелепа. В действительности это были конфликты не между различными государствами, а между областными русскими княжествами за право владения общерусским княжеским престолом – Киевским.

Исторические источники того времени убедительно свидетельствуют, что понятия «Русь», «русская земля» были общим наименованием для всех восточнославянских княжеств, в том числе и Полоцкого. Аналогичные иностранные источники, например, «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, описывающая завоевания немецких рыцарей в Латвии и Эстонии в первой четверти XIII века, отождествляют Полоцкое княжество с русским, а полоцкого князя Владимира называет русским королем. И Полоцк, и Псков, и Новгород предстают в «Хронике Ливонии» в образе единой Русской земли – «Руссии» – с ее национально-религиозным отличием как от меченосцев, так и от литовских племен. Эту же мысль об общей русской природе местных княжеств на территории современной Беларуси проводит и Ян Длугош. «В 1388 году король польский Владислав в сопровождении польских и литовских князей и вельмож направился сначала в Витебскую, а затем в Полоцкую области Руси, где пребывал много дней; за это время он подавил и погасил мятежные движения (восстание полоцкого князя Андрея и смоленского князя Святослава против Польши и Литвы в защиту русского и православного начала. – *Л.К.*), о возникновении которых ему было сообщено, причем главарей мятежа наказал тюрьмой и лишением имущества»⁸. Характерный пример: в Полоцком княжестве вместе со всей Русью глубоко почитали русских князей-мучеников Бориса и Глеба. До сих пор на самом западе Русской цивилизации – на Гродненщине, сохранились остатки памятника древнерусской культуры XII века – Коложская церковь Бориса и Глеба.

Что же касается обособления Полоцкого княжества от других русских земель, то оно было обусловлено не мифическим «балтским субстратом», а главным образом экономическими причинами. Эпоха феодальной раздробленности объективно вела к политической замкнутости областных русских княжеств. Но эта замкнутость русских земель несколько не является аргументом против их общерусского единства. Укажем хотя бы на религию, церковь и язык, которые объединяли в то время воедино Русскую цивилизацию. Эти цивилизационные факторы – религиозно-идеологический и культурный – создавались как самими русскими, так и их иностранными современниками. «Название государства Русь стало обозначать не только занимаемую территорию, но превратилось также в этническое название, поскольку у всего населения этого государства, края сформировались единый «русский» язык, общие черты культуры, общее этническое самосознание. Все они были связаны общей исторической судьбой, интересами защиты своего края, приобретая таким образом, значение этнической территории. Язык ее населения стал называться русским. Термин «Русь», таким образом, стал многозначным (можно сказать, цивилизационным.–*Л.К.*)»⁹.

Ослаблением Киевской Руси, вступившей в период политической раздробленности, воспользовались разные народы, стоявшие в основном на более низкой ступени культурного развития. На юго-востоке Русь подверглась нашествию монголо-татар, а на северо-западе – нападением балтских племен. Францисканский монах Плато Карпини, проехавший через Древнюю Киевскую Русь в 1245 году отмечал, что он на всем протяжении пути находился в постоянном страхе перед литовцами, которые бросились опустошать Приднепровье, так как большая часть его жителей была побита и взята в плен татарами. По словам русского летописца, «беда была в земле Владимирской от воевания литовского и ятвяжского». А ведь были времена, когда литовцы и не помышляли о набегах на Русь. Даже более. Правнук знаменитого Владимира Мономаха галицко-волынский князь Роман Великий, как сообщает польский историк XVI века Стрыйковский, впрягал пленных литовцев и ятвягов в плуги и заставлял их выпаживать коренья по новым местам. От тех времен осталась поговорка: «Роман, Роман! Худым живешь, литвою орешь». Правда, С.Соловьев разъясняет, что ее следует понимать не буквально, а в том смысле, что Роман Мстиславович заставлял литовцев заниматься не разбоем, а земледелием. Только после опустошительного нашествия монголо-татар на Русь литовцы осмелели и начали вторгаться в ее пределы. «После того как Киевская Русь, не сумевшая отразить татаро-монгольского нашествия, перестала существовать, уже в конце XIII – начале XIV вв. большая часть разрозненных княжеств, расположенных на территории современной Беларуси, была захвачена князьями молодого Литовского государства»¹⁰.

Примерно в середине XIII века им удалось утвердиться на Новогрудчине и Полотчине. И если южные Мономаховичи – Даниил и Василько – еще некоторое время с переменным успехом вели борьбу с литовским князем Миндовгом и его сыном Войшелком за земли Черной Руси, то Изяславовичи Полоцкие вынуждены были уступить свою власть литовским князьям. «Последний полоцкий князь Брючислав упоминается в летописях в 1239 г. в связи с женитьбой Александра Невского на его дочери, а в 1262 г. источники говорят, что в Полоцке княжит уже литвин Тевтивилл, племянник Миндовга»¹¹. Полоцкое княжество было отторгнуто от Русской цивилизации, подвергшись нападению как литовцев, так и ливонских немцев. Разгром немецкими рыцарями полоцких волостей Кукейноса и Герцике в нижнем течении Западной Двины (территория современной Латвии) обескровил полоцкого князя, так как значительная часть русских ратных людей вместе со знаменитым князем Вячко, как говорит Генрих Латвийский, «ушла в Россию, чтобы никогда больше не возвращаться в свое королевство»¹². С этого времени появляются литовские названия на нашей земле. К примеру, вместо Брест-Русский--Брест-Литовский, вместо Каменец-Русский – Каменец-Литовский.

В XIV веке возникает новое политическое образование – Великое княжество Литовское. Некоторые русские князья погибли в битвах с литовцами, некоторые же бежали к своим сородичам в Брянск и далее на Восток.

Завоевание Западной и Юго-Западной Руси иноземными князьями и включение русских земель в состав нового Литовского государства имело отрицательное значение для жизни нашего народа, поскольку насильственно прерывало естественный процесс развития Русской цивилизации. Правда, русское начало сознавалось не только рядовым населением, но и самой знатью Великого княжества Литовского до ее окончательного перехода на сторону пришлого этнического элемента. Так, из отказной грамоты князя Константина Острожского 5 марта 1520 года на села с угодьями и доходами в пользу Туровской соборной церкви подтверждается, что этот виднейший сановник Великого княжества Литовского ведет свою родословную от киевского князя Ярослава Мудрого и последующих русских князей. Вот выдержка из грамоты: «Я, князь Константин Иванович Острожский, пан Виленский, гетман господаря короля, староста Луцкий, Брацлавский и Винницкий, маршалок Волынской земли с сыном нашим Ильей записали к церкви соборной Успения Туровского владычества подданных мещан в Турове, а также села Ольгомле, Симоничи, Радловичи со всеми пашнями и угодьями, как издавна, от предков наших держали, от князя Ярослава Владимировича и других князей русских»¹³. Неразрывность русской истории еще более отчетливо звучит в челобитной Львовского православного братства Московскому царю Феодору Иоанновичу об оказании помощи на восстановление во Львове сгоревшей Успенской церкви 15 июня 1592 года. «Понеже в Польских странах во великих печалех обретаемся, и вси славнии и благороднейшие и могутством силнии в иноверия различна посползовением падошася; мы же, яко не имущи прибежища, к тебе благоутробному и тихому и милости требующим пристанищу благонадежному притекаем... Да уподобишия, всесветлый царю, памяти святей честного ти царства прародителю, великому Владимиру, просветившему весь род Российский святым крещением... И да будет похвала и слава везде великого царства твоего. И да прославляется имя твое во всех странах Российских...»¹⁴. Как справедливо отмечает видный литовский историк Станислав Лазутка, «белорусским же исследователям в свою очередь не следует искать в своей истории того, чего не было и согласиться с тем, что, хотя официальным языком был старобелорусский (не белорусский!), но... статуты являются *литовскими*, как и само государство. Не «Русско-Литовское» или «Белорусско-Литовское» или как там еще, а именно *Литовское*, как это убедительно показал крупный советский русский историк Владимир Терентьевич Пашуто»¹⁵.

Разве это не красноречивое опровержение рассказней «белорусизаторов» о литовско-белорусском государстве и «балтском субстрате»?

2. Антиисторизм на службе национал-руссофобии

В ряду аргументов современных «белорусизаторов», стремящихся противопоставить Беларусь России, эксплуатация «изобретения» реакционной западной, в частности польской, историографии о монголо-татарском факторе, дескать, радикально изменившем национально-психический склад русского

человека. Подобная историческая выдумка прочно вошла в набор «исторических» аргументов некоторых западноевропейских историков и философов, оправдывавших захватнические цели своих правительств против России под лицемерным предлогом защиты Европейской цивилизации от «русского варварства». Надо сказать, что на эту аргументацию европейских «цивилизаторов» попадались даже крупнейшие мыслители Западной Европы. Так, английский историк Бокль, характеризуя причины Крымской войны (1853 – 1856), писал: «Между тем в настоящее время ход дел таков, что обе нации (английская и французская. – Л.К.), отложив злобную и разрушительную зависть, которую они некогда питали друг к другу, соединились в общем деле и обнажили меч не для своекорыстных целей, а для защиты образованного мира от нападений невежественных врагов (России. – Л.К.)»¹⁶.

Кое-что из этих «аргументов» сегодня активно используется «белорусизаторами» для нагнетания русофобии в Беларуси. Именно монголо-татарское нашествие, заявляют они, окончательно отделило Беларусь от России как страну европейскую от страны азиатской. Самое интересное в этом утверждении – абсолютное историческое невежество. Очевидно, что «белорусизаторы» даже не прикасались к трудам великих историков, принимаясь рассуждать о данной проблеме. Совершенно несостоятельно утверждение, что монголо-татарское нашествие повлияло на дальнейшее историческое развитие России. Крупнейший русский историк С.Соловьев документально доказал неверность такого взгляда. Разумеется, монголо-татарское нашествие задержало развитие России, но считать, что оно изменило ее движение, – значит смотреть на всемирную историю через антиисторические европоцентристские очки. Даже кратковременное присутствие баскаков в русских княжествах не дает основания, по замечанию С.Соловьева, говорить о большом влиянии их на внутреннее управление, ибо в источниках не видно «ни малейших следов такого влияния»¹⁷. Виднейший белорусский историк второй половины XIX века Михаил Коялович, которого с полным правом можно назвать основателем белорусской историографии, подчеркивал: «Поэтому уже можно судить, как несправедливы западноевропейские суждения, особенно польские, об азиатстве русских к востоку от Днепра, о том, что они пересоздались в татар, потеряли свое славянство. В этих суждениях – еще та неправда, будто азиатство могло пересоздать русское славянство. Напротив, в истории мы видим, что оно везде уступает русскому славянству, что русское славянство обладало изумительной силой претворять в себе азиатские элементы»¹⁸.

Если подойти к этой проблеме исторически, то обнаружится, что «белорусизаторы» просто не понимают сущности борьбы между Московским государством и восточными кочевниками. В социально-экономическом отношении северо-западные соседи белорусов – литовцы – ничем не отличались от монголо-татар. Ведь многочисленные источники рассказывают о грабительских набегах литовских племен на более развитые народы и их

жестоким отношении к мирному гражданскому населению. По словам Генриха Латвийского, «литовцы превосходили другие народы быстротой и жестокостью»¹⁹. А польский историк Ян Длугош давал самую нелюбимую характеристику литовцам: «Дух у этого племени спесивый, мятежный, нечестный, дерзкий, лживый и скаредный»²⁰. Не менее примечательна его оценка литовского князя Витовта, которого «белорусизаторы» почему-то зачисляют в разряд белорусских князей и представляют только в радужном свете. «Князь Витовт, – отмечает Ян Длугош, – производил частные набеги на литовские земли, забирая в плен и убивая жителей обоюбого пола, сжигая селения и совершая много грабежей»²¹. Описание польским историком нравов литовских племен в конце XIV века ничем не отличается от аналогичного свидетельства Платона Карпини о нравах монголо-татар в XIII веке.

Если соседями белорусов были такие жестокие, необузданные, мятежные племена, наложившие не только дань на наши земли, но и установившие свое прямое правление, – то разве они не могли так же изменить характер белорусов, как монголо-татары изменили психологию русских? Уж если быть точным, то надо прямо признать, что Западная Русь в XIV веке стала добычей литовских князей. «Как это ни покажется удивительным для всякого, – замечает Ян Длугош, -- собственной ли доблестью или по трусости и бездействию соседей, литовцы достигли такого успеха, что теперь повелевают русскими, под властью которых почти в течение тысячи лет находились на положении рабской черни»²². Откуда же у современных рьяных приверженцев литовско-белорусского государства такое презрение к монголо-татарам и раболепие перед «балтским субстратом»? Не потому ли, что они не честные служители музыки Клио, а политиканы и русофобы? В противном случае они понимали бы, что характер народа определяется не внешними факторами, а господствующими принципами его естественной жизни и внутренней природой его духовно-нравственных начал. К примеру, германские племена времен Тацита характеризуются теми же нравственно-психологическими качествами, что и русские славяне времен Льва Диакона, монголо-татары времен Платона Карпини, как и литовцы времен Яна Длугоша.

Еще одна особенность современной националистической историографии – иезуитское истолкование произведений историков и теоретиков национального самоопределения Беларуси. Обычно выхватываются те отрывки из их работ, которые призваны доказать верность взглядов нынешних национал-русофобов, то есть действуют в полном соответствии с иезуитским принципом: цель оправдывает средства. Например, из «Кароткай гісторыі Беларусі» Вацлава Ластовского приводятся примеры завоевательной политики московских князей на рубеже XV – XVI веков в отношении Великого княжества Литовского и отсюда делается вывод об агрессивности русских и толерантности белорусов. Или расписываются жестокости московских войск против местного населения при завоевании Полоцка Иваном Грозным в годы Ливонской войны и заявляют «о русском империализме и его опасности». Живописание ужасов пребывания

московских войск на территории современной Беларуси не что иное, как политические спекуляции националистических историков, пытающихся вышибить слезу у белоруса и внедрить в его сознание ненависть к русскому народу. Дескать, видите, что сама история свидетельствует о том, как «москалии» проливали кровь мирных белорусов. Разве можно им доверять и вступать с ними в какие-нибудь союзы? Такова пропольская и прозападная подоплека исторических «открытий» национал-русофобов. Играя на историческом невежестве обывателя и пытаясь спровоцировать антирусские настроения у простого человека, националисты стремятся вбить клин между братскими народами, чтобы и дальше проводить антинародные и антинациональные реформы в Беларуси в угоду своим западным хозяевам. В этом-то и выражается антибелорусская сущность националистической концепции в области философии истории Беларуси.

Если бы «белорусизаторы» были способны мыслить исторически, то для них не составило бы труда установить истину. Как велись войны в ту эпоху? По понятиям того времени, справедливо указывает С.Соловьев, вести войну означало: бить, грабить, жечь, уводить в плен. «В те старые времена, – отмечает М.Коялович, – одно передвижение войска по стране равносильно бывало иногда неурожаю или моровому поветрию»²³. В этом смысле любопытна грамота польского короля Сигизмунда I от 20 марта 1525 года полоцкому воеводе Петру Кишке об освобождении Себежской волости от всех даней и повинностей на четыре года по случаю разорения ее московскими и литовскими ратными людьми. «...И от людей неприятельских и от служебных наших суть обобраны и скажоны...»²⁴. Подобный способ ведения войны характерен был как между государствами, так и внутри одной и той же державы. Разумеется, подобным образом воевали и наши древнерусские предки на территории современной Беларуси. История того времени дает много примеров, как полоцкие князья враждовали не только с другими русскими князьями, но и между собой. К примеру, Глеб Минский, сын знаменитого полоцкого князя Всеслава Чародея, делал набеги на соседние княжества, жег, грабил, уводил людей в плен. Он даже не стеснялся продавать свой христианский народ в другие страны. Аналогично действовали и другие полоцкие князья. Так же войны велись между другими русскими княжествами: Черниговским и Киевским, Торопецким и Суздальским, Суздальским и Киевским на протяжении всего периода Древнерусского государства со столицей в Киеве. Так же велись они и в более позднее время, к примеру, между Тверью и Москвой. Не менее ожесточенно воевали и в Великом княжестве Литовском. Достаточно указать на кровавые междоусобицы между Ягайло и Витовтом, Свидригайло и Сигизмундом. Так же обстояло дело и в западных странах. Например, война Алой и Белой Роз в Англии, Столетняя война во Франции, Тридцатилетняя война в Германии.

Следует заметить, что «белорусизаторы» даже в узкопрофессиональном плане не способны правильно прочитать исторические произведения, в том числе и своих любимых авторов. Ведь у того же Вацлава Ластовского в

«Кароткай гісторыі Беларусі» даецца подлинное описание отвоевания Полоцка польским королем Стефаном Баторием у московских войск. Как только Стефан Баторий взял Полоцк, пишет В. Ластовский, то начался грабеж. «Освободители», особенно венгры, со злобой уничтожали все, что нельзя было взять с собой. Во время этого погрома сгорела огромная книжница, в которой находились ценнейшие рукописи, в частности, переводы Библии, сделанные рукой Кирилла и Мефодия, – апостолов славянских. Говорят, отмечает В. Ластовский, в это время была уничтожена и летопись Полоцкой земли. Ничего подобного не было при взятии Иваном Грозным Полоцка в 1563 году. Может быть и хорошо сделал Иван Грозный, что, перевезя часть памятников культуры Полоцкой земли в Москву, спас их от погромов Стефана Батория, сохранив тем самым для потомства.

Не следует забывать и того факта, что, завоевав Полоцк, Стефан Баторий отдал иезуитам, появившимся в Великом княжестве Литовском в 1569 году, большую часть полоцких церквей с их имениями, несмотря на то, что полоцкая шляхта заявила протест польскому королю, нарушившему права и вольности народа русского (так именовались в то время коренные жители Беларуси и Украины). Именно Стефан Баторий дал прописку иезуитам в Беларуси, сыгравшим отрицательную роль в истории белорусского народа.

Насколько националистические историки неспособны в постижении философии истории Беларуси – настолько они беспомощны в оценке исторических личностей. «Белорусизаторы» слишком раболепны перед Западной цивилизацией, чтобы быть разумными историками по отношению к России. В их антиисторическом сознании Иоанн Грозный представляется в виде такого коронованного варвара, который никоим образом не вписывается в образы добропорядочных монархов Западной Европы и Речи Посполитой. Подобными антиисторическими сказаниями пронизаны выступления национал-русофобов в различных изданиях, начиная от академических и кончая статьями в периодической печати. Говоря словами К. Валишевского, «это самый любопытный пример аберрации в области не только легенды, но и исторической критики»²⁵. Конечно, Иван Грозный был деспотом, но в качестве неограниченного повелителя он ничем не отличался от своих западноевропейских собратьев. Чем, например, Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 года, устроенная королевой-католичкой Екатериной Медичи своим политическим противникам – гугенотскому дворянству, в результате которой погибли тысячи людей, отличается от опричнины Ивана Грозного? В социально-политическом плане – это события одного и того же порядка. Западная Европа знала своих Иванов Грозных еще в конце XVII века. Английского короля Иакова II писатели того времени называют не человеком, а чудовищем.

Иван Грозный – колоритнейшая фигура среди монархов XVI века. Со времени Ивана Грозного Россия вплотную приходит в соприкосновение с Западной Европой. Римский Папа Григорий XIII посылает своего посла иезуита

Антония Поссевина для посредничества между Речью Посполитой и Московским государством. А диспут Антония Поссевина с Иваном Грозным о вере обнаруживает в русском царе не только хитроумного политика, но и мастера церковной полемики.

Антиисторизм националистической историографии лишает ее способности объективно взглянуть на взаимоотношения между Москвой и Великим княжеством Литовским. За внешне обывательско-простецким осуждением агрессивной политики Москвы скрывается совсем другая цель: внедрить ложную идею, что оборонительный характер войны со стороны правительства Великого княжества Литовского позволяет считать ее войной справедливой. И это – большая неправда. Сознательно замалчивается то важнейшее обстоятельство, что, в свое время, пользуясь слабостью Москвы и других русских княжеств, литовские князья отхватили огромные территории русских земель и присоединили их к Литовскому государству. Так, во времена Гедимина и его сына Ольгерда была завоевана территория современной Беларуси, Волынь, Подолия, Киевское княжество, Черниговщина, Брянщина. Витовт покорил Смоленское княжество и даже пытался наложить свою руку на Псков, Новгород и Тверь. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, окрепнув, московские князья, начиная с Ивана III, приступают к активным военным действиям против Великого княжества Литовского за воссоединение исконно русских земель в рамках единого Русского государства. С исторической и династической точки зрения, притязания московских государей на русские земли Великого княжества Литовского были вполне обоснованны. Московские государи были правителями России, а Беларусь того времени называлась Русью – и белорусский народ назывался русским народом. Этот факт находит свое отражение в источниках. В ответе Василия Ивановича на посольские речи польского короля Сигизмунда I с требованием возвратить отнятые якобы литовские города и волости читаем: «...А от прародителей наших и вся Русская земля – наша отчина»²⁶. Когда в начале XVII века польско-литовское правительство вело самозванцев на Россию, то все понимали, что речь идет об интервенции Речи Посполитой против Москвы. И совсем иначе выглядели военные действия Москвы против Литвы и Польши. Никто не сомневался, что речь идет о восстановлении прирожденного права русского государя на свою отчизну. Польско-литовские королевские радные паны в послании на имя царских посланников князя Семена Шаховского и дьяка Нечаева в мае 1637 года оправдывали принадлежность к Литве Путивля, Чернигова и волостей Полоцких и Витебских правом отвоевания их у татар²⁷. Как татарское, так и литовское «право» были правом завоевания, а не законного владения русскими землями. Эта мысль проводилась в Универсале гетмана Богдана Хмельницкого 28 мая 1648 года. Украинские летописцы, излагая историю поляков и русских, подчеркивали, что во времена польского короля Казимира Великого в 1333 или 1339 году «над оскудевшими тогда Киевским и Острожским и иным истинным Руским князем нашим, завоевавши их и подчинили истинные с древних веков земли и провинции наши Руские от

Подоля, Волыни и Волох и аж до самого Вильна и Смоленска, а именно землю Киевскую, Галицкую, Львовскую, Хелмскую, Бельзскую, Подольскую, Волынскую, Перемышльскую, Мстиславскую, Витебскую и Полоцкую... от веры отеческой православной Грекороссийской отторгнули, и до пагубной Унии и Римского заблуждения силою, гвалтом, мучениями и тиранством привлекли и приневолили»²⁸. Объективно внешняя политика московских князей в отношении белорусского народа была прогрессивной, поскольку она была направлена на воссоединение братских народов, имевших единые общерусские корни: язык, культуру, веру, национальное самосознание.

Еще один признак антиисторического мышления национал-русофобов: стремление изобразить войну между Москвой и Литвой как войну между русским и якобы белорусским государствами. Прием очень простой. Смешивается территориальный фактор с государственным. Например, битва под Оршей в 1514 году. Раз она произошла на территории современной Беларуси, то они делают вывод, что это было сражение между русским и белорусским государствами. Территориальный фактор используется для того, чтобы затушевать общерусскую природу белорусского народа, включить его в состав чужеродного этноса и чужеродной культуры, денационализировать самосознание белорусов и тем самым внедрить в современное общественное сознание чисто иезуитскую мысль, что литвин – это белорус, а Литовское княжество – это белорусское государство. В действительности же никакого белорусского государства не существовало в то время. Это прекрасно сознавали и политики, и народ той эпохи. Не случайно великий князь Литовский одновременно именовался и великим князем русским, но не белорусским или украинским. Ни о каком добровольном подчинении русских князей Литве не может идти и речи.

И самое главное. Антиисторизм «белорусизаторов» наиболее выпукло выступает в их попытке отождествления войн между Москвой и Литвой как войн между русским и белорусским народами. Этой цели и предназначены «исследования» виднейших национал-русофобов, которые доказывают якобы азиатско-деспотическую природу русского народа и европейско-толерантную психологию белорусов. Разумеется, подобные «открытия» ничего общего с исторической правдой не имеют. Как известно, в те времена войны велись правительствами, а не народами. И в этом плане, даже если признать кровопролитный характер военных действий между Москвой и Литвой, то это еще нисколько не свидетельствует об агрессивности русского народа. Никаких принципиальных различий между русским (москвитом) и русским (белорусом) не было. Оба народа пили от одного общерусского источника (один русский язык, одна вера, одна судьба) и ревностно оберегали общерусский родник от латинско-иезуитского загрязнения.

Вот почему никакого принципиального отличия между русскими землями Московского государства и русскими землями Великого княжества Литовского не существовало. Для обеих частей единого русского народа – восточной и

западной -- характерно было господство общерусских начал жизни, своими корнями уходящими в «Русскую Правду» Ярослава Мудрого. В литовских статутах (законодательных памятниках) 1529 и 1566 годов, принятых до Люблинской унии (1569), находится немало постановлений, восходящих к истокам Древнерусской цивилизации. А некоторые из них, в частности, Закон о копном суде, представляют собой прямое извлечение из «Русской Правды». Общерусские начала были так сильны в Великом княжестве Литовском, что вошли в позднейшие польские редакции Литовского статута и сохраняли свою жизнь в Беларуси еще в XVIII веке.

Глава 2. ЛАТИНСКО-ИЕЗУИТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1. Западная Русь. Литва. Польша

Русские земли в составе Литвы и Польши с латинской точки зрения занимали положение завоеванных провинций. Отсюда своеобразный статус русской народности в государственной структуре Великого княжества Литовского и Польши. Западнорусский народ (нынешние белорусы и украинцы) рассматривался литовским и польским правительствами в качестве народа покоренного, а следовательно, неравноправного с литовской и польской народностью. Неслыханное татарское нашествие как бы завуалировало ту реальную опасность, которая угрожала Западной Руси со стороны Литвы и Польши. Даниилу Романовичу и его преемникам удалось бы справиться с последствиями татарского владычества и восстановить Русскую государственность в Западной Руси, как это удалось сделать Мономаховичам в восточной части Руси, если бы на русские земли не набросились поляки и литовцы, которые несли не только политическое (государственное), но и духовное (национально-религиозное) порабощение. «Русским на западной стороне, – справедливо указывал М. Коялович, – предстояла отчасти та же работа, что и на восточной. Против всех этих врагов западноруссам нужно было защищать не только государственное свое тело, но и славянскую свою душу. Задача была сложнее, труднее. От того и решена она была здесь более неудачно: и государственность не могла прочно устроиться, и душа славянская более пострадала. От того-то здесь русскими остались только крестьяне...»²⁹.

Поэтому проблема межэтнических (межнациональных) отношений в Великом княжестве Литовском была проблемой незатухающих противоречий между русским народом и собственно литовским этническим элементом. Первоначально трения между русскими (белорусами и украинцами) и литовцами были незначительны. Они в основном ограничивались вспышками насилия литовских язычников против православных русских. Так, во времена Ольгерда в Вильно литовские жрецы предали мученической смерти Антония, Иоанна и Евстафия – православных миссионеров. Но с течением времени эти трения усиливаются и перерастают в постоянные столкновения между русскими и литовцами. Особенно отчетливо это противостояние обозначилось во времена Ягайло, когда великий литовский князь стал польским королем и по условиям Кревской унии обязан был обратить в католичество литовский народ. Кроме того, по Кревской унии Ягайло обязуется «на вечные времена присоединить к Польше свои литовские и русские земли»³⁰. С этого времени Литва основывается по латинскому принципу, имевшему кардинальное отличие от организации материальной и духовной жизни Русской цивилизации.

В этот период в государствах, основанных на латинском вероисповедании, начинали преобладать меркантильные интересы элементарной наживы денег.

Знаменитые крестовые походы в конце XI – начале XII века, проходившие под религиозным лозунгом «освобождения Гроба Господня» от мусульман, на самом деле представляли собой первые колонизаторские движения западноевропейской феодальной знати и зарождающейся буржуазии за первоначальным капиталом. Образцовыми орудиями добывания богатств явились духовно-рыцарские ордена. «Таким образом, в латинстве являлись совершенно естественным и неизбежным развитие основной теории, употребление оружия при распространении веры, крестовые походы для защиты интересов папы. Отсюда далее выработалась мысль, что могут быть в латинстве постоянные материальные силы, постоянное насилие, чем и были духовно-рыцарские ордена и инквизиция»³¹.

После того как крестоносцы послужили римскому престолу и западным торговцам на мусульманском Востоке, они возвратились в Западную Европу, а затем некоторые из них решили продолжить свою деятельность на берегах Балтийского моря. Так, к востоку от Вислы на землях литовского племени пруссов (благодаря недальновидной политике мазовецкого князя Конрада) поселился тевтонский орден, который приступил к приобщению язычников к латинской вере. Крестоносцы мечом и огнем принялись обращать язычников-прусов в латинство и в течение полувековой борьбы сумели истребить непокорных аборигенов и основать немецкое рыцарское государство на берегах Балтики.

В начале XIII века у устья Западной Двины нашел свое пристанище еще один немецкий орден – меченосцев, или, по-другому, ливонский, который был послан поратоборствовать в пользу римского костела и немецких бюргеров на землях латышей, эстонцев и литовцев.

Религиозный латинский принцип был полностью подчинен интересам немецких торговцев. Не случайно в оба ордена – тевтонский и ливонский – вступали в основном немцы из Ганзейского союза.

Появление на берегах Вислы и Западной Двины ударных отрядов немецких феодалов представляло большую опасность для Польши, Литвы и Западной Руси. Польша в это время потеряла Поморье, Михайловскую и Хелминскую земли. Литва вынуждена была уступить немцам Жемайтию. Ливонские немцы совершали периодические набеги на псковские и новгородские земли. Римский Папа призывал ливонский орден и других западноевропейских монархов отправляться в крестовый поход на Россию. Примечательно, что именно в это время на Западе возник проект раздела Польши между тевтонским орденом, германским императором и бранденбургским маркграфом.

Общая опасность заставила Польшу, Литву и Западную Русь объединить свои силы. В Грюнвальдской битве (1410) соединенные силы поляков, литовцев, русских, чехов остановили натиск немецких феодалов и торговцев на Восток. Причем главную роль в этой битве, – по признанию Яна Длугоша, – сыграли русские полки из Смоленской земли. «В этом сражении, – отмечает польский

историк, – русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратились в бегство, и тем заслужили великую славу»³². Мужество русских воинов резко контрастировало, по словам польского историка, с поведением литовского войска Витовта, бежавшего с поля боя до самой Литвы.

После Грюнвальдской битвы, когда роль немецких крестоносцев в качестве ударной военной силы западноевропейского капитала против Польши, Литвы и Западной Руси была поколеблена, римская курия переключила свое внимание на Польшу и Литву, которые должны были продолжить политику «натиска на Восток» вместо потерпевших поражение немцев.

Польское государство было образовано на несовместимых принципах – славянстве и латинстве. Эта ахиллесова пята польской государственности приводила к тому, что Польша изначально теряла свои западные земли и искусственно подталкивалась латинской иерархией, которая была пропитана меркантильным немецким духом, на Восток, на Русь. Уже в 1147 году Папа Римский Евгений III благословил первый крестовый поход германцев против славян. Потеряв в XII веке Силезию, славянские земли между Эльбой и Одером, на которых возникло немецкое княжество Бранденбург, недалёковидные польские правители стремятся компенсировать территориальные потери захватами русских земель, не понимая, что они толкают Польшу к самоуничтожению. Польский народ был превращен в рабочий скот, а польская шляхта усваивала немецкие обычаи, денационализировалась. Отсюда резкое разделение между верхами и низами польского общества, разделение, которого Западная и Восточная Русь никогда не знала. Польское законодательство представляло собой не законы общего государства, а законы иноземных частных корпораций. Католическая церковь руководствовалась Римским каноническим правом, польская шляхта своими корпоративными привилегиями, города управлялись на основе немецкого – магдебургского права, а народ жил по своим славянским обычаям и традициям. Уже во времена польского короля Казимира IV в 1447 году было положено начало законодательному оформлению крепостного права в Польше. В отличие от Польши в России вплоть до Соборного Уложения 1649 года судебные учреждения были общими как для крестьян, так и для лиц других сословий.

Правящие классы Польши и Литвы, руководствовавшиеся не национальными, а узкоэгоистическими интересами, вступили на путь латинизации русских земель. Польский король Ягайло издал постановление о запрещении католикам вступать в браки с православными обоюбого пола, «пока наперед русин или русинка не признают покорности римской церкви». В случае нарушения этого постановления повелевалось принуждать к принятию католической веры телесными наказаниями того из супругов, который исповедовал православие³³. Городельский сейм 1413 года, на котором был составлен акт о соединении Литвы и Польши в одно государство, резко разделяет жителей Великого княжества Литовского по вероисповедному

признаку. Городельский трактат положил начало образованию литовско-католической аристократии как господствующего сословия в государстве. Все высшие должности – воеводы и каштеляны – могли занимать только литовцы-католики. Последние составляли при великом князе литовском так называемую господарскую Раду. Литовская народность заняла привилегированное положение в Великом княжестве Литовском. Такая политика не могла не вызвать чувства обиды среди русского народа. Антагонизм русских земель с собственно Литвой, наметившийся во времена Ягайло, выступил наружу.

В 1436 году в Великом княжестве Литовском была введена инквизиция. Православные, т.е. русский народ (белорусы и украинцы), впервые подверглись гонениям. Им даже запрещалось строить церкви.

И все это происходило в государстве, где литовско-латинский элемент составлял ничтожную часть как в территориальном, так и в демографическом плане. Борьба между русскими землями и латинизированной Литвой особенно проявилась в период кровавых распрей между Свидригайло и Сигизмундом. В целях примирения Руси с Литвой и привлечения на свою сторону русской шляхты польский король и великий князь литовский Казимир IV 2 мая 1447 года издал новый привилей. В нем говорилось о распространении шляхетских прав и вольностей на всю православную русскую шляхту Литовского княжества. Однако латинский принцип занятия государственных должностей только католиками оставался в силе.

Напряженные отношения между русскими православными князьями и литовскими католическими магнатами сохранялись на протяжении всего XV века и нередко принимали открытые формы выступлений Руси против Литвы. В 1471 году умер киевский князь Семен Олелькович. Правительство решило превратить Киевское княжество в литовскую провинцию, назначив в Киев наместника – литовского магната Гаштольда. В ответ на эту явно антирусскую акцию литовского правительства русские князья составили заговор против Казимира IV. Заговор был раскрыт, заговорщики казнены. Примечательно, что заговорщики действовали в расчете на помощь Москвы. Объективно литовское правительство в отношении русских земель (Беларуси и Украины) проводило политику оккупационного режима. Классическим примером угнетенного положения русского народа (белорусов и украинцев) в государственной системе Великого княжества Литовского является эпизод из жизни князя Константина Ивановича Острожского, знаменитого победителя московских войск под Оршей в 1514 году. Польский король Сигизмунд I назначил К.Острожского великим литовским гетманом. Это звание давало право русскому князю на место в составе господарской Рады. Но литовцы-католики категорически были против принятия в Раду К.Острожского на том основании, что он схизматик, т.е. православный. С большим трудом в виде исключения Сигизмунд I уговорил Раду допустить в ее состав знаменитого полководца. Этот факт также красноречиво опровергает выдумки национал-руссофобов о существовании

белорусского правительства и белорусского государства в период Великого княжества Литовского.

2. Люблинская уния

В 1563 году перед заключением Люблинской унии конфессиональная статья Городельского сейма была отменена и русская православная шляхта получила право занимать государственные должности. Но это была лебединая песня. К этому времени основная часть русской шляхты уже ополячилась и окатоличилась. Мелетий Смотрицкий в своем известном «Фриносе, или Плаче восточной церкви» (1610) констатировал смерть знаменитых русских родов, погибших в полонизме и латинстве. «Где теперь, – вопрошает Мелетий Смотрицкий, – дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей древней православной веры? Где и другие славные роды русских князей – князья Слуцкие, Заславские, Вишневецкие, Чарторыйские, Соломерецкие, Соколинские, Лукомские и другие без числа?» Высшее русское сословие пало, денационализировалось. Последние столпы русской веры, как, например, князь Константин Константинович Острожский, сходили с исторической сцены. На смену им шло молодое панство, для которого проблемы веры и русской старины отступали назад перед чисто меркантильно-карьеристскими устремлениями. Хроника жизни Льва Сапеги, перебежавшего из православия в протестантизм, из протестантизма в католичество, наглядно показывает полнейшую безыдейность и беспринципность высшего класса. Общество пожинало горькие плоды латинско-иезуитской политики.

Метаморфозы русской шляхты, их переход на сторону угнетателей русского народа не были случайны. В тех условиях защищать русскую веру, свою национальную самобытность означало защищать интересы крестьянства не только от национального угнетения, но и социального. Русское высшее сословие поступило в полном соответствии со своими классовыми интересами. Чтобы сохранить свои доходы и имения, оно пошло на предательство национальных интересов и стало ревностным сторонником латинско-иезуитской организации государства и общества. Не случайно из среды русской шляхты выходили наиболее злые враги русского народа. Чего стоит ренегат Иеремия Вишневецкий, который своим диким насилием против восставших крестьян удивлял даже поляков и литовцев.

После образования Речи Посполитой (1569) часть русских земель Великого княжества Литовского (Киевщина, Волынь, Подолия, Подляшье) были присоединены к Польше, и на территорию современной Беларуси и Украины хлынула польская шляхта. Наряду с ней в Беларуси появились иезуиты, нанешие нашему народу огромный духовно-нравственный ущерб. Польские паны и католическая церковь всячески травили белорусов, отличавшихся от них языком, национальным самосознанием и религиозной верой. «Денационализация белорусского крестьянина, отрыв его от родной веры и обращение его в католицизм составляли сущность той политической

программы, которую намеревались проводить в жизнь богатые землевладельцы и тесно связанная с ними католическая церковь»³⁴.

Положение нашего народа резко ухудшилось после Люблинской унии. Разумеется, и до нее национальные устои русского народа (белорусов и украинцев) подвергались сильному давлению со стороны польского магнатства и латинской идеологии. Однако чужеродный латинский принцип, вторгавшийся в русскую жизнь, в сущности, мало затрагивал глубинные народные пласты. Литовский статут 1566 года, принятый накануне Люблинской унии, не давал права иностранцам, т.е. полякам, на владение землей. Такое право давалось только «Литве и Руси, родичам старожитным и уроженцам Великого княжества Литовского и иных земель тому великому княжеству принадлежащих». До 1569 года поляки не имели права занимать в Литве государственных должностей, не могли даже как частные лица владеть в Литовском княжестве землей. «Польша называлась чужой страной, поляки – иностранцами. Ехать в Польшу называлось ехать за границу»³⁵.

Принципиально иная социально-политическая и национально-религиозная ситуация сложилась после Люблинской унии. Официальное введение римско-католического права в государственную и гражданско-правовую сферу русского общества существенно изменяло положение всей массы русского народа. Латинско-иезуитский принцип вторгся во внутреннюю жизнь и уже затронул не узкую прослойку русского общества, а весь народ. Усиленная полонизация и окатоличивание приобрели невиданный размах. Никакие права крестьянства, никакие обычаи, отмечает М. Коялович, не могли иметь значения по польским понятиям. «Хлоп» – безусловный раб пана. Тяжесть эта особенно увеличивалась от того, что господами становились иноплеменники или свои, отрекавшиеся от всего родного. Паны были поляки, «хлоп» – русский. Все русское делалось низким, позорным. Латинство становилось в Западной Руси панской верой. Православие – «хлопской». Такого еще не бывало в истории нашего народа. Все это мало чем отличалось от политики немецких рыцарей по христианизации языческих народов, т.е. по завоеванию жизненного пространства для западноевропейских агрессоров. Русский народ (белорусы и украинцы) не мог поступить так, как поступила русская шляхта, отрекаясь от своего языка, культуры, веры и родины, потому что он не только ничего не выигрывал от такого отречения, но и еще больше подпадал под национальное и социальное угнетение польско-литовского магнатства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что белорусы и украинцы поднялись на борьбу за свою веру и культуру.

Национально-освободительная война белорусского и украинского народов во главе с Богданом Хмельницким – это закономерный итог всей предшествующей латинско-иезуитской политики польско-литовского правительства. В этом отношении антибелорусским духом пропитаны писания «белорусизаторов» о борьбе белорусского народа с польской шляхтой и католической церковью. Дойти до того, чтобы великое

национально-освободительное движение нашего народа в середине XVII века представлять в виде национальной катастрофы, способны лишь историки, стоящие на позициях полонистов, а не белорусов. Сами поляки понимали, что речь идет не о домашней ссоре, а о непримиримой борьбе двух цивилизаций – Русско-православной и Западно-латинской. В 1651 году в Польше было объявлено о поголовном вооружении шляхты. Посол Римского Папы Иннокентия X привез полякам благословение Папы и отпущение грехов, королю – мантию и освященный меч и провозгласил Яна Казимира защитником римской веры. В свою очередь Коринфский митрополит Иосаф вручил Богдану Хмельницкому меч, который освящен был на Гробе Господнем, окропил казацкое войско святой водой и сам участвовал в битвах с поляками. Война на Украине приняла поистине народный размах и величием народного самопожертвования ужасала польские войска. «Очень трудно, – писали из польского лагеря, – достать шпиона между этой Русью: все изменники! А ежели добудут языка, то, хоть жги, правды не скажет»³⁶. Символично: как во время польской интервенции в Московское государство Великая Россия дала своего национального героя – Ивана Сусанина, так и в период всеобщей войны украинского народа против тех же польских захватчиков Малая Россия выдвинула своего великого заступника русской земли – Микиту Галагана.

В защите общей Русской цивилизации от чужеземного врага не отставал от украинцев и народ белорусский. В национально-освободительной войне против наемников и шляхетского войска Великого Княжества Литовского принимали все слои белорусского народа: крестьяне, мещане, православное духовенство. Уже к осени 1648 года жители Мозыря, Турова, Пинска, Гомеля, Речицы, Лоева и их окрестностей «все показались и поклялись один другому стоять до последнего» в своей православной вере. Простая хроника войны в Беларуси в 1654 – 1655 годах показывает, что московские войска при несомненной поддержке белорусского народа практически без всяких сражений с литовским войском занимали белорусские города. Польско-литовские воеводы жаловались польскому королю, что белорусские мужики очень нам враждебны, везде на царское имя сдаются и делают больше вреда, чем сама Москва. «Если это зло, – говорили они, – будет и дальше распространяться, то следует опасаться чего-нибудь вроде казацкой войны на Украине»³⁷. Литовский гетман Павел Сапега от имени всей литовской Рады умолял царского посла Ртищева уговорить Алексея Михайловича, как он сам говорил, самодержца «всея Великия и Малыя и Белья России» на заключение мира. Только недальновидная и неопытная московская дипломатия, поддавшаяся уговорам венских хитрецов, которые вовлекли Алексея Михайловича в бессмысленную войну со Швецией, не позволила решить проблему воссоединения белорусского, русского и украинского народов еще в середине XVII века.

Чтобы рельефнее оттенить антибелорусский характер рассуждений «белорусизаторов» о русско-польской войне 1654 – 1667 годов, сошлемся на польского историка Яна Длугоша. Оценивая значение Грюнвальдской битвы в

исторической судьбе Польши, он писал: «Все были охвачены общей безграничной радостью, потому что, одержав над грозным и сильным врагом великую и на много веков достопамятную победу, возвратили родину в руки всевышнего Бога, спасли ее от жестокого и незаконного вторжения и захвата крестоносцами, и самих себя – от неминуемо угрожавшей им гибели или пленения»³⁸. Сравните эпический стиль Яна Длугоша и раболепное резонирование «белорусизаторов» о борьбе белорусского народа против польско-литовских феодалов в XVII веке или о героическом сопротивлении белорусов в годы Великой Отечественной войны немецко-фашистским агрессорам и вы поймете всю разницу между национальной и антинациональной историографией. Белорусы, за исключением ничтожного числа ренегатов в XVII веке и коллаборационистов в 1941 – 1944 годах, рассматривали свою борьбу против чужеземных поработителей как борьбу за Русь и свободу. Когда Богдан Хмельницкий после Пилявицкой битвы вступил в Киев, то наставники Киевской Академии произносили в честь прославленного полководца панегирики, называли Хмельницкого Моисеем русской веры, защитником свободы русского народа, новым Маккавеем. Белорусский народ сыграл важную роль в победе Богдана Хмельницкого над польскими интервентами, не дав возможности литовскому войску Януша Радзивилла прийти на помощь к полякам на Украину.

Глава 3. ОТ РУСИ К БЕЛАРУСИ

1. «Тутэйшыя» – значит русские

Исторические источники довольно часто говорят о «Литве» и «литвинах» применительно к территории Беларуси и ее жителям. В частности, речь идет о следующем факте. В Московии древнюю Беларусь называли Литвой. Почему? В каком смысле? Эти вопросы, однако, не интересуют «белорусизаторов». Их логика такова: раз Беларусь называлась Литвой, значит, это и была Литва, а белорусы были литвинами. В действительности же все обстояло иначе.

В Московском государстве, как и в других государствах того времени, территория современной Беларуси называлась «Литвой» по причине не этнической, а политической. Это принципиальное различие всегда ясно фиксировалось историческими источниками, которые никогда не смешивали политические признаки с национальными. Когда, между прочим, необходимо было указать этническую принадлежность так называемой Литвы, то все в один голос утверждали, что речь идет не о литвинах, а о русском народе. Так, на Варшавском сейме 1620 года депутат и чашник земли Волынской, член Виленского братства Лаврентий Древинский, описывая положение своих соотечественников, говорил следующее: «Кто же явственно не видит, сколь великие притеснения и несносные огорчения сей древний русский народ претерпевает? Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях вместо монахов скот запирают. В Могилеве и Орше церкви также запечатаны, священники разогнаны. В Пинске монастырь Лещинского в питейный дом превращен; тела умерших без церковного обряда из городов как падаль вывозятся; народ без исповеди, без приобщения святых тайн умирает». Сами сенаторы Речи Посполитой, когда речь шла об этнической принадлежности белоруса, никогда не отождествляли его с литвином, а всегда называли русским. Вот описание положения белорусов из прошения к польскому сейму в 1623 году от имени всего русского народа Речи Посполитой. «В том же белорусском Полоцке, тот же отступник владыка полоцкий (Иосафат Кунцевич. – *Л.К.*), чтобы досадить тамошним мещанам, приказал вырыть недавно похороненные подле церкви христианские тела умерших и бросить на съедение собакам, как какую падаль. О нечестие! О невыносимая неволя! И подобные беззакония и притеснения, подобную неволю, хуже турецкой неволи, терпим по всем воеводствам и поветам мы, народ русский, не сделавший ничего дурного ни против его величества, ни против отечества... Ничто не причиняет так скоро ослабления и падения государства, говорил король Баторий, как насилие, преследование веры. Дай Бог, чтобы далеко было от нас исполнение этого королевского провидения!»³⁹

Начало складывания белорусской народности относится к концу XVI – началу XVII века. Почему именно к этому периоду? В это время произошло важнейшее событие в истории Беларуси, оказавшее огромное влияние на выработку национального самоопределения нашего народа. Речь идет о

насильственном введении в 1596 году Церковной унии, поставившей своей целью денационализацию коренного населения, его ополячивание и окатоличивание. Господствующий класс в лице польского и литовского магнатства после Люблинской унии 1569 года, соединившей Польшу и Великое княжество Литовское в одно государственное образование – Речь Посполитую, поставил перед нашим народом дилемму: или, приняв униатство, сойти с исторической сцены, или встать на защиту своих народных устоев и отстаивать свое право называться белорусским народом. К чести наших предков, они оказались на высоте исторической задачи и, благодаря прочному общерусскому корню, сумели защитить свою веру и культуру.

Корень ошибок всех «белорусизаторов» в данном вопросе – это непонимание специфики проявления национального самосознания белорусского народа в рассматриваемое время. Дело в том, что в этот период белорус, точно так же, как и украинец, выступают не столько под своими современными этническими обозначениями, сколько под общим названием древнего русского народа. Понятие «русский» было одновременно и синонимом понятия белоруса и украинца. Все источники той эпохи не противопоставляют русский народ белорусскому или украинскому – наоборот, подчеркивая особенность национального духа коренного населения, именно говорят о древнем русском народе, сохранившем в первозданной чистоте свою русскую веру, полученную от восточных патриархов. По старинному преданию, апостол Андрей был первым архиепископом константинопольским, он – патриарх Вселенский и просветитель русский, его ноги стояли на Киевских горах, очи его Россию видели и уста благословили.

Мысль о русской природе белоруса постоянно присутствует на страницах исторических источников. В известном смысле она даже приобретает императивную окраску, когда требуется подчеркнуть национальную особенность коренного жителя. Например, в послании киевского воеводы князя Константина Острожского епископу владимирскому Ипатию Потею 21 июня 1593 года по поводу замышляемой унии с римской церковью говорится: «...донести князю великому Московскому и московскому духовенству, какое гонение, преследование, поругание и уничтожение народ тутошний Русский в порядках, канонах и церемониях церковных терпит и поносит»⁴⁰.

И этот «народ тутошний Русский» (нынешние белорусы и украинцы) как раз противопоставляется полякам (ляхам) и литовцам как народам другой цивилизации, народам римским и латинским. Что же касается восточного соседа белорусов и украинцев, то он называется не столько русским народом, сколько москвитами или народом московским. Имея общую веру (культуру), общий славянский язык, принадлежа к единой общерусской цивилизации, белорус и украинец видели в москвите не своего духовного и национального противника, а один и тот же тип, объединяемый понятием Русь. Если же и возникали конфликты между русским (белорусом) и русским (москвитом), то причина этой конфликтности носила не национально-психологический, а сугубо

меркантильно-классовый характер. В этом плане любопытно признание папского посла в Польше Коммендоне, доносившего в 1564 году в Рим, что «все жители Киева и православное народонаселение в Литве симпатизируют московскому государю по причине веры»⁴¹. Появление самих терминов Белая Русь, Черная Русь, Красная Русь, Украина свидетельствовало в то время не о национальной и политической характеристике, а о географической или территориальной.

Употребление различных терминов для характеристики одного и того же явления было следствием территориальной, политической и национально-религиозной специфики Великого княжества Литовского. Так, в территориальном плане нынешняя Беларусь называлась Белой Русью; с точки зрения национально-религиозной – это уже была Русь, общерусская цивилизация, в которую входили все русские земли, невзирая на их территориальные особенности и политические границы, а в политическом отношении – Литва. Вот почему коренной житель Белой Руси мог одновременно выступать как бы в трех ипостасях: белоруса, т.е. человека, проживающего на территории Белой Руси; того же белоруса в национально-религиозном, цивилизационном аспекте называли русским человеком, представителем русского народа; а того же белоруса в смысле политического определения именовали литвином как подданного Великого княжества Литовского.

Аналогично обстояло дело с характеристикой коренного жителя Московского государства. В территориальном плане он был жителем Великой России, т.е. великороссом. Как подданный великого князя Московского он именовался москвитом, представителем народа московского; а с точки зрения национально-религиозной – это был русский человек, ничем не отличающийся от белоруса и украинца. В договорных статьях польского короля Сигизмунда III с московскими боярами 14 февраля 1610 года есть примечательный пункт, где говорится, что «Русским Московским (подчеркнуто мною. – Л.К.) в Польше и в Литве торги мають быти вольные»⁴². Тем самым сами польские дипломаты подтверждают: кроме русских в Московском государстве, были еще русские в Речи Посполитой, т.е. белорусы и украинцы.

2. Под лозунгом «белорусскости»

В настоящее время много говорят и пишут о национальном возрождении Беларуси. Принимаются декларации, учреждаются исторические журналы, работают организации, к примеру, «Таварыства беларускай мовы», которые своей целью ставят развитие национальной культуры белорусского народа, содействие духовному прогрессу белорусского общества. Не ограничиваясь днем нынешним, культуртрегеры всевозможных «суполок» при щедром финансировании западных фондов провозгласили «крестовый поход» против Истории, стараясь доказать, что во времена Великого княжества Литовского Беларусь обладала не только государственностью, но и была также конечным пунктом западноевропейской культуры, противостоящей «варварству»

Московского государства. Эти исторические измышления представляют собой насмешку над действительной историей Беларуси. Похоже, наиболее ретивые «исторические наездники» согласились признать в качестве абсолютной истины высказывание своих заокеанских покровителей: «большие деньги творят историю». И любители «белорусскости» в этом отношении не исключение. Хотя со времен македонского царя Филиппа известно, что «осел, нагруженный золотом, возьмет любую крепость», однако, думается, что современные политики и историографы не в силах переписать Историю, даже если на них прольется золотой дождь американского проповедника «открытого общества». Ниже будет показано, как под лозунгом «белорусскости» слишком «национально-сознательные» историки, внедряя дичайшие антиисторические взгляды, по сути дела ведут антибелорусскую пропаганду.

То, что понятие Белая Русь в свое время служило обозначением определенной территории Великого княжества Литовского, хорошо прослеживается в переговорах Богдана Хмельницкого с польским комиссаром Адамом Киселем и московскими послами. Так, Богдан Хмельницкий объявляет себя самодержцем русским и заявляет Адаму Киселю, что он выбьет из польской неволи весь русский народ. А когда тому же Адаму Киселю Богдан Хмельницкий указывает на жестокости литовского войска Януша Радзивилла, вырезавшего Мозырь и Туров, то он неслучайно подчеркивает не белорусское, а литовское, поскольку речь шла об иностранных наемниках литовского гетмана, главным образом немецких, оплачиваемых из казны Великого княжества Литовского. Московским же послам Богдан Хмельницкий характерно отвечает: «Если бы царское величество изволил нас принять вскоре и послал своих ратных людей, то я тотчас пошлю свои грамоты в Оршу и Мстиславль и в другие города к белорусским людям, которые живут за Литвой, и они тотчас станут с ляхами биться, и будет их 200 000»⁴³. Это означало, что Богдан Хмельницкий пошлет свои грамоты к русскому народу, живущему на территории Белой Руси и находящемуся в политическом подчинении у литовского князя.

Непонимание особенностей проявления разных признаков (территориального, национального, политического) в отношении одного и того же «тутэйшага» русского народа на территории как Белой Руси, так и Украины является причиной современных ошибочных представлений о белорусском языке того времени. Белорусский язык, или белорусское письмо, как и украинское письмо, всегда называлось русским письмом. И этот очевидный факт прямо констатируется во Втором Литовском Статуте (1566 г.): «А писарь земскій маеть по Руску литерами и словы Рускими вси листы и поэвы писати, а не иншымя языкомь и словы, и такь маеть писарь присегати»⁴⁴. О том, что русское письмо было одним из литературных языков Великого княжества Литовского, свидетельствуют произведения, написанные от Киева и Львова до Вильно и Полоцка. Поэтому не может быть и речи о противопоставлении

белоруса и украинца москвиту по той простой причине, что белорус, украинец и москвит в то время олицетворяли собой единый русский народ в смысле их национально-языковой принадлежности. Доказательство этому – «Славянская грамматика» Мелетия Смотрицкого, опубликованная в 1619 году в Вильно. «Созданием своей «Грамматики» Смотрицкий неопровержимо доказал и показал, как нужно служить действительным, а не отвлеченным потребностям времени»⁴⁵.

«Славянская грамматика» Мелетия Смотрицкого была не просто литературным памятником XVII века, а практическим учебным пособием по изучению славянского (русского) языка как в Беларуси и на Украине, так и в Московском государстве. Да и сам факт переиздания «Славянской грамматики» в Москве в 1648 и 1721 годах подтверждает сказанное. Поэтому совершенно неразумно рассматривать «Славянскую грамматику», как это делают увлекающиеся белорусские и украинские историографы, в качестве памятника исключительно белорусского или украинского языка. Очевидно, что книги, изданные в Киеве или Бресте на одном и том же языке, были произведениями не столько украинскими или белорусскими, сколько общерусскими. В то время территориальный фактор, определявший появление славянских произведений в разных местах Речи Посполитой, еще ничего не говорил об их узко национальной характеристике. Наивно думать, что Ломоносов, называвший «Грамматику» Смотрицкого «вратами своей учености», учился белорусскому или украинскому языкам, а не своему родному – русскому. «...Язык статутів и современный белорусский язык – это два разных языка, более того, что первый значительно ближе к современному русскому, чем к белорусскому»⁴⁶. И далее литовский историк Станислав Лазутка заключает: «Таким образом, остается наиболее приемлемым, хотя в известной мере тоже условным, название этого языка – *старобелорусский*, по крайней мере оно оправдано этнологически, как название языка, пришедшего с территории современной Беларуси, хотя в то время еще не было ни Беларуси, ни белорусского языка»⁴⁷. Отсюда вытекает совершенно правильный вывод – это был старорусский язык, на основе которого шло формирование трех братских языков: великорусского, белорусского и украинского.

Разница между русским и белорусским письмом того времени была не филологическая, а территориальная. Русское письмо на территории Белой Руси в силу этого обстоятельства иногда называлось белорусским. В этом плане интересен факт, когда московские послы в 1646 году, ссылаясь на давнюю традицию, напоминают польским панам, чтобы грамоты королевские к русскому государю писать белорусским письмом, а не польским. «Касательно языка грамот, – указывает С.М. Соловьев, – должно заметить, что в сношениях с литовским двором они писались по-русски, в Москве – на московском наречии, в Литве – на белорусском»⁴⁸.

На территории Речи Посполитой были два известных центра русского письма: виленский и волынский. Если виленский центр с течением времени

окатоличился и ополячился, то волынский еще долгое время являлся очагом культуры «тутэйшага» русского народа (белорусов и украинцев). И сегодня та часть территории Беларуси – а именно белорусское Полесье, тесно примыкающее к Волынской земле, характеризуется тем особенным народным говором, который в наибольшей степени сохранил свое родство со старорусским языком XVI–XVII веков. По глубокому замечанию М. Кояловича, там, у Припяти, где белорусское и малороссийское племена сходятся, и их речь объединяется, от этого объединения выходит речь чисто русская.

И самое главное. Говорят, что язык – душа народа. Но ведь нельзя ограничиться только словесной формой. Надо смотреть на содержание. А содержание как раз и может быть очень далеким от души народа. И это, в первую очередь, относится к так называемым «национально-сознательным» историкам и литераторам, которые слишком напирают на форму, совершенно игнорируя при этом само содержание.

3. Литвины – не белорусы

Кроме «национально-сознательной» интеллигенции в Беларуси появились еще «супернациональные» и «суперсознательные» исследователи. Их можно назвать «литвинистами». Некоторые из них договорились до этнического отождествления белоруса с литвином, а литовского языка – с белорусским. Их уже не устраивает само понятие Белая Русь, они доказывают необходимость замены этнонима «Белая Русь» этнонимом «Литва». «Сверхоригинальность» такого подхода обусловлена известной болезнью определенной части нашей интеллигенции. Имя ей – русофобия. Разумеется, глупо принимать болезненное состояние этой публики в качестве аргумента.

Ошибочность этнического отождествления литвина с белорусом, литовского языка с белорусским документально подтвердил белорусский этнограф XIX века П. Бобровский. Белорусский этнограф отмечал, что во время его работы в Гродненской губернии он имел этнографические списки населения от священников и ксендзов. В списках тех и других крестьяне, как православные, так и католики, названы «литвинами», и тут же были приведены образцы их языка, который оказался не литовским, а белорусским. П. Бобровский правильно объяснил это явление. Оказывается, ксендз делал подобную запись на том основании, что его прихожане когда-то входили в состав народностей Литовского княжества. Мы видим здесь, разъясняет П. Бобровский, не политическую ошибку, как мыслил Эркерт, а политическую правду и весьма грубую этнографическую ошибку. Мягко говоря, точно такое же смешение политической правды с грубейшей этнографической ошибкой характерно для «литвинистов».

«Литвинисты» не могут не знать, что термины «Белая Русь», «белорус» получают постоянную прописку в первой половине XVII века, но, желая спасти свою выдуманную литвинизацию, локализуют их восточной частью Беларуси. Ложность таких взглядов наиболее выпукло выступает на примере учреждения Белорусской епископии в первой половине XVII века. Если бы «литвинисты» были правы, то название «литовская епископия» просто бы просилось на страницы истории. А назвали почему-то не литовская, а белорусская, так как подобной проблемы для людей, причастных к учреждению Белорусской епископии, не было. Напрасно «литвинисты» думают, что раз центр управления православной епархии находился в Могилеве, Мстиславле и Орше, то духовная власть белорусского владыки над православным населением распространялась в пределах восточной части Беларуси. Это неверно. Политики и церковные деятели того времени понимали, что термин «литовский» в национально-религиозном плане никак не мог относиться к коренным жителям Беларуси, которые по своей этнической принадлежности всегда отождествлялись с народом русским.

На территории Великого княжества Литовского до введения Церковной унии в 1596 году существовала Киевская православная митрополия с семью

православными епархиями: Владимирской, Луцкой, Львовской, Холмской, Перемышльской, Полоцкой и Пинской. Все они были насильственно превращены в униатские. Борьба белорусов и украинцев за свою веру и культуру привела к национально-религиозному компромиссу между католическо-униатским и православно-русским лагерями. На сейме 1632 года при посредничестве нового польского короля Владислава IV было принято решение о восстановлении православной Киевской митрополии и четырех православных епархий: Луцкой, Львовской, Перемышльской и новой Мстиславльской (Белорусской).

Первым мстиславльским (белорусским) епископом был избран Иосиф Бобрикович. О том, что духовная власть первого белорусского епископа распространялась на всю территорию Беларуси убедительно свидетельствует жалованная грамота Владислава IV, данная Иосифу Бобриковичу на коронационном сейме в Кракове в 1633 году. В ней, в частности, говорилось, что, соблюдая «згоду межи народом Руским не в унии будучого, але сакру от патриарха Константинопольского, яко зверхнейшего их пастыра», Владислав IV вручил епископию Могилевскую ректору Виленского братского монастыря Святого Духа Иосифу Бобриковичу, которому позволялось «ехати до Полоцка, Витепска, Мстиславля и до иных мест и местечок наших, до монастыров и церквей своих, не в унии в тых воеводствах и поветах не будучими в унии и быти не хотячими»⁴⁹.

Эта же духовная власть белорусского епископа еще более определенно зафиксирована в IX артикуле «Вечного мира» между Россией и Польшей 26 апреля 1686 года «Епископиям Луцкой, Премышльской, Львовской, Белороссийской никакого утеснения и к вере римской, и к унии принуждения чинить не велит»⁵⁰. А в подтвердительном универсале польского короля Яна III Собесского литовско-польским сановникам, отчинникам и державцам от 19 июля 1686 года говорится «о повсеместном освобождении православного духовенства от всяких повинностей, поборов и военных постоев наравне с духовенством веры римско-католической»⁵¹. Аналогичные права белорусского епископа изложены в грамоте польского короля Августа II 28 ноября 1720 года. В ней гарантируется самостоятельность епископии Белорусской с двумя главными епископскими церквами: в Мстиславле – Святой Троицы, в Могилеве – Святого Спаса и со всеми церквами во всем княжестве Литовском. Далее идет перечисление ставропигиальных монастырей в Вильно, Слуцке и обычных монастырей и церквей в разных воеводствах и поветах Великого княжества Литовского обретающихся⁵².

Чтобы как-то соблюсти видимость исторических приличий, «литвинисты» приписывают название «Белая Русь» Московии, а затем делают вывод, что русский царь был заинтересован в названии «Белая Русь», так как оно оправдывало его территориальные притязания к Великому княжеству Литовскому. «Литвинисты» и в этом случае верны своей любимой теме – русофобии. Не умея осмыслить философско-исторический процесс, игнорируя

многочисленные источники, яснее ясного указывающие на закрепление за нашей землей названия «Белая Русь», «литвинисты» предаются приемам мелкой исторической критики, выхватывая отдельные факты и слова вне контекста действительной истории Беларуси.

Свою антиисторическую позицию «литвинисты» хотят подкрепить ссылками на авторитеты. Так, они говорят, что Сырокомля, Калиновский и Мицкевич считали себя литвинами, а не белорусами. И что из того? Да, определенная часть интеллигенции XIX века в Беларуси, «сочувствовавшая белорусскому крестьянину», причисляла себя к литвинам. Но поступала она таким образом не в силу обретенной этнической самоидентификации, а либо прикрывая свою антирусскую позицию, либо занимаясь наивным реанимированием смутных реминисценций прошлого величия, во многом романтического, Великого княжества Литовского. Отсюда, как бы в противовес антипольской политике царского правительства, часть настроенной пропольски интеллигенции ориентировалась на литвинизацию Беларуси. Объективно эта ориентация была антибелорусская, даже если она исходила из свободолюбивых представлений и выступала против царизма. Поэтому изображать Мицкевича, Сырокомлю, Чачота, Борщевского в качестве истинных выразителей белорусского народа абсолютно неправильно. «После подавления польского восстания 1831 года в Беларуси, – очень точно подмечает белорусский историк В.Пичета, – польские писатели, находясь в эмиграции, выпустили ряд произведений на белорусском языке. Стремление творить на белорусском языке отнюдь не было вызвано любовью к белорусскому народу и его культуре. Поляки, писавшие на белорусском языке, рассматривали Беларусь как нераздельную часть Польши»⁵³. В самом деле, за всей этой литвинизацией скрывался все тот же польский шовинизм с его реакционной политической утопией – восстановление Польши в границах 1772 года.

Например, Павел Шпилевский называл белорусов «кривичами». Отсюда уже было недалеко провести линию на противопоставление «кривичей» – русским, «Кривии» – России. Впоследствии некоторые представители этих «литвинистов» создали специальную теорию об особой «кривской расе». В 1920-е годы известный политический деятель и историк Вацлав Ластовский писал: «...Белорусы (кривичи) и русские – две разные расы... Мы, белорусы (кривичи), по антропологическим особенностям принадлежим к арийскому (западноевропейскому типу), а русские или собственно великорусы являются ослабянчившимися (по языку) монголами. Следовательно, белорусское движение по существу является не просто сепаратным от России, а движением национально-расовым...»⁵⁴. Одновременно Вацлав Ластовский был создателем антиисторической концепции о «Кривии», которая будто бы была в прошлом огромным белорусским государством. По его мнению, наш народ должен называться «кривичами», а не белорусами, так как он коренным образом отличается от русских. По справедливому замечанию белорусских историков А. Залесского и П. Кобринца, все эти расово-антропологические измышления

являлись своеобразным «кредо» тогдашних фальсификаторов и лежали в основе всех прочих «научнообразно-объективных» импровизаций⁵⁵ Эти же расово-антропологические измышления составляют основу историографии современных «литвинистов».

В доказательство антибелорусской сущности современных «литвинистов» приведем еще двух свидетелей. Белорусский историк М.Коялович в 1884 году отмечал, что поляки в Западной России стремятся сойтись с местным народом и привлечь его на свою сторону. Они говорят о своем уважении к белорусской народности и желают, чтобы эта народность развивалась и создала свою письменность, печатала книги на своем наречии. Но в то же время они говорят, что только польская народность является творческим народом и должна двигаться на Восток, т.е. белорус, получая образование, должен делаться поляком⁵⁶. А такой беспристрастный свидетель, как Александр Цвикевич который идейно и политически был руководителем национального движения в Беларуси в первой четверти XX века, в своей книге «Западно-Руссизм» отмечал, что Польша душила Беларусь своим земельным капиталом с такой силой, что даже Российская империя со всей своей государственной машиной ничего здесь не могла поделать. Польскость – как проявление польской экономической силы в крае – всегда побеждала и низводила на нет все официальные наскоки российской политической власти. «Эканоміка, культура, адміністрацыя – усе знаходзілася у руках польскай інтэлігенцыі, усе кіравалася ей. У гэтым сэнсе розніца паміж Беларусью і, прыкладам, Люблінскай, або Ломжынскай губ. была вельмі нязначная – розніца была толькі ў народных масах, якія тут заставаліся беларускімі, а там – польскімі»⁵⁷. Господствующее положение польского элемента в экономической и культурной жизни Беларуси сохранялось в течение всего периода существования царской России. Сами тутейшие русские люди (белорусы) вынуждены были признавать, что виленский поземельный банк принимает под залог исключительно польские имения, держит в своих руках все земельные богатства девяти западных губерний и стоит на страже польских интересов в Беларуси.

На что рассчитывают «литвинисты», публикуя очевидные антибелорусские опусы? Наивен был бы тот, кто искренне поверил, что «супернациональная» и «суперсознательная» интеллигенция всерьез обеспокоена восстановлением исторической правды. Подобные публикации можно лишь понять в плане определенного расчета. «Литвинисты», разбивающие свой лоб перед рыночным идолом, – настоящие приватизаторы как в экономике, так и в культуре. Они правильно учитывают, что при известном стечении обстоятельств власть может оказаться в их руках. Своей печатной продукцией они, с одной стороны, еще больше урезают самосознание нашего народа и тем самым делают его податливее к восприятию антинациональных идей, а с другой – если вдруг они окажутся у власти, готовят теоретическую платформу для реализации своей антибелорусской политики. Оказывается, у нас, белорусов, и земли своей-то нет, все это – Литва.

Глава 4. БРЕСТСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

1. Беларусь и Украина накануне церковной унии

Социально-политическая и идеологическая ситуация на территории Беларуси и Украины в период 1569 – 1596 годов характеризуется сложным переплетением международных и внутренних факторов. В 1569 году в результате объединения Королевства Польши и Великого княжества Литовского было создано новое государственное образование – Речь Посполитая. По условиям Люблинской унии Великое княжество Литовское, подавляющее большинство населения которого составляли белорусы и украинцы, вынуждено было уступить Польше Подляшье, Волынь, Подолию и Киевскую землю.

С этого времени территория Беларуси и Украины рассматривалась польскими феодалами в качестве объекта усиленной колонизации. Проникновение польских землевладельцев на белорусские и украинские земли вело к полонизации и окатоличиванию «тутэйшага» русского народа, к национально-религиозным осложнениям между польско-литовским этническим элементом и белорусско-украинским. Включение белорусских и украинских территорий в состав Польши вело к потере Беларусью и Украиной своей национальной самобытности и культуры. Такое положение закономерно вызывает протест со стороны «тутейшего русского народа»⁵⁸ против политики польского магнатства, которая была направлена на уничтожение русских народных устоев.

Таким образом, на восточных землях Речи Посполитой намечается явное столкновение между католицизмом – как официальной идеологией и политикой государства – и православием, выражавшем принцип жизни «тутейшего» русского народа. Постепенно разыгрывается великая историческая трагедия, которая предопределила дальнейшую судьбу Речи Посполитой.

Можно сказать, что первоначально обе стороны (католики и православные) не предполагали каких-либо серьезных осложнений, но с течением времени сама логика жизни привела к острой конфронтации между обеими конфессиями, что и вызвало резкое потрясение государственного механизма Речи Посполитой, от которого последняя так и не смогла до своего конца существования оправиться. Наверное, нельзя слишком сильно обвинять сторонников религиозной унии за их недальновидную политику. Это было бы исторически некорректно. Ведь церковная уния была предопределена унией политической. Поляки уже на Люблинском сейме повели речь об унии церковной в самом широком смысле. И это понятно. Присутствие польской шляхты на восточных землях требовало своего идеологического обоснования. Этим обоснованием являлась политика подведения белорусского и украинского народов под один общий государственный знаменатель. В тот период таким знаменателем могла быть только религиозная принадлежность. А поскольку в Польском Королевстве и Великом княжестве Литовском господствующей

религией являлось католичество, то общим знаменателем, по мнению польских политиков, естественно, должен был быть католицизм. Но так как в тех условиях прямая замена православия католицизмом была невозможна, то католические идеологи предложили наподобие унии политической осуществить быстро и унию церковную.

М. Коялович в фундаментальном труде «Литовская церковная уния» писал: «Мысль об унии появилась в Литве как следствие первоначальной затеи ввести здесь чистое латинство и как неизбежная уступка твердости убеждений литовско-русских православных, т.е. после того, как литовско-русские православные решительно отказались принять латинство, им предложили что-то среднее между латинством и восточным православием – унию»⁵⁹. В защиту церковной унии выступил известный польский католический писатель и иезуит Петр Скарга. В книге «О единстве церкви Божьей», изданной в 1577 году, он как ссыломками на церковную историю, так и общеполитическими рассуждениями доказывал необходимость церковного единства. Этой мысли о церковной унии не был чужд и один из столпов русской веры – знаменитый князь Константин Константинович Острожский.

Стремление польско-литовских феодалов побыстрее оформить церковную унию во многом обуславливалось сложными отношениями между Речью Посполитой и Московским государством. Польско-литовские правители не могли не видеть, что конфессионально-культурное родство «тутейшего» русского народа с народом Московским ограничивает распространение польско-латинской культуры в Беларуси и на Украине. Тем самым ставился барьер на пути проникновения польской шляхты на присоединенные к Польше земли, которые, несмотря на Люблинскую унию, считались все-таки землями русскими, а не польскими. Выходило, что белорус и украинец, относившие себя к русскому народу и ориентировавшиеся не на Варшаву, а на Москву, объективно считали не Речь Посполитую, а Русское государство своей настоящей родиной. «По странному стечению обстоятельств, – подчеркивает М.Коялович, – эта религиозная цель (уния. – Л.К.) вызывалась и, по-видимому, оправдывалась политическими видами Польши и Литвы. Литовско-русские области, при всем своем сближении с Литвой, не могли не сочувствовать родной стране – Восточной России»⁶⁰.

Можно ли было осуждать политику господствующего класса Речи Посполитой, направленную на создание крепкой религиозной связи в государстве? Казалось бы, нет. В чем же тогда заключалась проблема? В том, что не просчитывались последствия Люблинской унии. Люблинская уния была очень эфемерным политическим мероприятием. Политическое соединение разнородных в национально-религиозном и культурном отношениях земель (Руси, Литвы и Польши) «в одно тело, в одно государство, в один народ» зиждилось на узкой социальной базе и внешне конъюнктурных факторах. Неудачный ход Ливонской войны (1558 – 1583) для Великого княжества Литовского, противоречия между русской мелкопоместной православной

шляхтой и литовско-католическим магнатством позволили Польше навязать политическую унию Литовскому княжеству. Может быть, политическая уния между Польским Королевством и Литовским княжеством, несмотря на свою хрупкость, в какой-то степени и стабилизировала бы государственный организм Речи Посполитой, но только при условии, что уния не вторгалась бы в права белорусов и украинцев. Но Люблинский трактат как раз предусматривал вторжение чужеродного польского фактора в жизнь «тутэйшага» русского народа. Благодаря политической унии поляки получили право занимать в Великом княжестве Литовском различные должности, владеть землями. И главное, они могли быть правителями русского народа не только в гражданских, но и в духовных делах (*Tam in saecularibus, quam in spiritualibus rebus* – юридическое выражение того времени)⁶¹. Как видим, поверхностная экстраполяция политического объединения на область религиозно-церковную, охватывая внешнюю видимость явлений, не учитывала принципиальной разницы между политической и религиозной унией.

Могла ли церковная уния, всецело исходившая из средневековых, иезуитских представлений о роли религии и церкви в жизни общества, быть выразителем духовного единства белорусского, украинского, литовского и польского народов Речи Посполитой? Нет. Даже ренегатство (предательство) русского высшего сословия, переход его на сторону польско-католического лагеря не могли примирить непримиримые принципы. Спор шел о принципиально противоположных тенденциях философско-исторического развития. Борьба развернулась между народно-трудовым, православным и антинационально-эксплуататорским, иезуитско-клерикальным устоями социального и государственного развития.

В этом грандиозном историческом столкновении измена части русского народа, принадлежавшей к правящему сословию Речи Посполитой, ничего не значила. История католицизма со всей определенностью свидетельствовала, что католическая идеология выражала не интересы народов, а интересы римской курии. Ведь даже в самой Польше католицизм объективно сдерживал развитие польской национальной культуры, запрещая употребление народного языка в самой распространенной в то время сфере человеческого общения – в богослужении. Выдающийся польский мыслитель XVI века Анджей Моджевский в книге «Об исправлении государства» выдвигал проект создания национальной церкви, независимой от Римского Папы, освобожденной от фанатизма, нетерпимости и вражды к просвещению. Католическая церковь, по мысли Моджевского, должна была избавиться от безбрачия духовенства (целибата) и ввести причащение под обоими видами для мирян. И что самое интересное, «говоря в своем проекте об устройстве в Польше национальной церкви с богослужением на польском языке, Моджевский при этом указывал на православную церковь»⁶²

2. Протестантизм в Беларуси

Протестантизм, разорвавший средневековые путы, которые католическая церковь набросила на европейские народы, освобождает последние от материального и духовного гнета Ватикана и выводит их на дорогу развития государственной и национальной жизни. В Западной Европе на основе принципов Аугсбургского религиозного мира⁶³ постепенно пробивается идея религиозной веротерпимости, которая впоследствии трансформируется в чисто светский принцип общественной и государственной жизни. «Поэтому-то протестантизм и не был, как называли его враги, абберрацией, происшедшей от случайных причин, а был, напротив того, существенно нормальным движением и законным выражением потребностей европейского ума»⁶⁴. К этим словам английского мыслителя Бокля следует добавить, что протестантизм был не только выражением европейского ума, но и выражением всей западной буржуазной цивилизации, ориентирующейся на захват других земель и наживу.

В борьбе с протестантизмом католицизм объединяет свои силы, создает свой геростратовски знаменитый орден иезуитов, ставший во главе контрреформационного движения в Западной Европе. Постепенно религиозные войны на Западе улеглись, протестанты и католики вынуждены были на время примириться, чтобы еще раз столкнуться между собой в западноевропейских буржуазных революциях, в результате которых католическая религия в ее средневековом папистском варианте окончательно была разбита.

Широкое распространение протестантских вероучений наблюдалось и в Великом княжестве Литовском, хотя им и не удалось глубоко укорениться в национальную и государственную структуры и вытеснить католичество.

Правда, первоначально казалось, что католичество потерпело полное поражение. Протестантство к середине XVI века буквально заполонило Литву и Русь. Особенное покровительство протестантству оказывал литовский князь Николай Радзивилл Черный. В Литовском сенате, как отмечает М. Коялович, только два сенатора – виленский епископ и жмудский – были латинского вероисповедания. Остальные сенаторы-католики перешли в протестантство.

И все-таки протестанты были вынуждены уступить католикам. Причина неуспеха протестантского движения в Великом княжестве Литовском кроется как в узости социальной базы, так и в особенности мировоззрения этой формы религии. Протестантство в основном распространялось среди той части городского населения, которое было чужеродным по отношению к коренным жителям Великого княжества Литовского – белорусам и украинцам. Протестантство в форме лютеранства принимали, главным образом, выходцы из немецких земель. Протестантство в форме кальвинизма принимали литовские князья. Но протестантство практически никак не затрагивало основную массу жителей Великого княжества Литовского, которое оставалось православным. Мировоззренческая сущность протестантизма, выражающаяся в апологии индивидуального произвола и меркантилизма, в корне противоречила нравственно-религиозным и национальным устоям православного населения,

которые можно выразить следующими словами: «Кто не в Бога богатеет, недостоин звания христианина».

Протестантизм, попавший на православную почву, так и не сумел привиться и, за исключением некоторого количества городских жителей и некоторых княжеских родов, остался чужд нашему народу. В какой-то степени это сумел подметить современный белорусский философ И.Ф. Реуц: «Дело еще в том, что, являясь всецело продуктом религиозного экспансионизма, протестантское миссионерство в Беларуси всегда очень тесно переплеталось и переплетается с различными политическими акциями со стороны стоявших и стоящих за ним определенных сил Запада, что придавало и придает этому миссионерству нередко агрессивно-воинствующий характер. Как ранее, так и теперь это миссионерство осуществляется на базе мощной финансовой поддержки западных кругов и центров и, как правило, под прикрытием развертывания благотворительной, миротворческой или культурно-просветительской деятельности»⁶⁵.

Протестантизм с его меркантильным истолкованием христианской религии, с перенесением проблемы веры из сердца человека в кошелек, с апелляцией больше к земному, чем к Небесному, фактически расшатывал основы самого религиозного учения. В социально-экономическом отношении протестантизм, выражающий интересы нарождающейся буржуазии, сыграл важную роль в генезисе капитализма, хотя бы потому, что он, по выражению К. Маркса, превратил все праздничные дни в рабочие будни. В общественно-политическом отношении протестантизм стоит на голову выше схоластических манипуляций католических философов. Исторический, филологический, хронологический, рационалистический подходы к толкованию библейских текстов, церковной истории пробивают брешь в догматическом учении католицизма и никакие схоластические потуги не могут спасти церковь Апостола Петра от поражения. Кроме того, разделение на католиков и протестантов в Западной Европе носило в основном сугубо политический, экономический и конфессиональный характер, очень слабо затрагивая национальную проблему.

3. Православие и католичество в Беларуси

Иначе обстояло дело на Руси. Католическая церковь, чувствуя себя обделенной на Западе, резко активизируется на Востоке. Католицизм полностью восстанавливается в Польше, а орден иезуитов раскидывает свои сети на территории Беларуси, Украины и Литвы с целью распространения власти Римского Папы на православное население. Правда, пока идет Ливонская война, правительство Речи Посполитой, польский король понимают неуместность и несвоевременность всяких проектов о церковной унии; ведь в польско-литовских войсках едва ли не большая половина – это представители тугейшего русского народа (белорусы и украинцы). Более того, на сейме в

Варшаве 28 января 1573 года была принята Конституция о религиозной веротерпимости в стране, о свободе и ненарушимости греческой веры, т.е. православия.

Однако механизм контрреформации (орден иезуитов) запущен, остановить его невозможно, столкновение между православием и католицизмом, несмотря на временное протестантское препятствие, неизбежно. Иезуиты ведут целеустремленную критику варшавской Конституции о религиозной веротерпимости; новый польский король, Сигизмунд III, надеясь вернуть себе шведский престол, делает ставку на иезуитов в вопросе о церковной унии. Идеологическое противостояние между православием и католицизмом разгорается. Это противостояние характеризуется некоторыми особенностями по сравнению с религиозной борьбой в Западной Европе.

На Западе протест против католической церкви идет как бы из среды самих католических идеологов. Например, основатель немецкого протестантизма Мартин Лютер был членом августинского монастыря, а затем доктором богословия Виттенбергского университета. Католичество выступает против протестантизма в качестве правоверного учения против ложной, неистинной религии. Истинная, Божья церковь, берущая свое начало от Апостола Петра, борется против изобретенного Лютером или Кальвином по существу своему еретического учения. Так аргументировали сторонники католицизма на Западе. Искренне верующий человек, воспитанный в лоне католической ортодоксии, вполне мог сомневаться в правоверности лютеранства или кальвинизма. Откуда простой человек мог разобраться в тех евангельских или догматических спорах между протестантами и католиками, в тех протестантских обличениях Римского Папы и всего его двора в антихристианском образе жизни. Неслучайно, что страны наиболее отсталые в экономическом отношении (Испания, Португалия, Италия) так и не примкнули к протестантизму. Они в другое время и в другой форме сделали то, что сделал протестантизм в Англии, Голландии, Германии.

Не так складывалась ситуация во взаимоотношениях между православием и католичеством в Великом княжестве Литовском. Здесь их роли как бы поменялись. С точки зрения православия именно католицизм как раз является ложным учением, поскольку его происхождение и догматическое «обоснование» совершилось в более позднее время. Так, например, один из известных защитников и пропагандистов русской веры, сыгравший значительную роль в развитии национальной культуры Беларуси и Украины, московский перебежчик князь Андрей Курбский в письме к православному виленскому мещанину Кузьме Мамоничу говорит о православной религии как о «правоверии» или «истинном богословии» в противоположность католичеству, которое является лишь «полуверием» или «новомысленной и хромой феологией».

Как доказывали православные идеологи (клирик⁶⁶ Острожский, Стефан Зизаний и др.) ложность католической доктрины? Обычно доказательство

неистинности католического учения велось с точки зрения православной догматики. Опровержение католической аргументации шло как по линии привлечения соответствующих библейских текстов, так и путем обращения к авторитету отцов православной церкви – Иоанну Златоусту, Василию Великому, Григорию Богослову, Афанасию Великому, Иоанну Дамаскину. Такие догматические споры между православием и католичеством, как, например, об исхождении Святого Духа, об опресноках, о чистилище, о субботнем посте, о бракосочетании священников, которые велись в то время, традиционно разрешались православными богословами авторитетом Библии и святых отцов церкви.

Такой способ аргументации свидетельствовал о том, что защитники православной веры борются против католицизма с позиции догматики и церковного авторитета. И в этом смысле их логика, так сказать, уступает «диалектическим софизматам» (выражение князя Андрея Курбского) католических писателей, которые защищали римский костел не только с позиции Священного Писания и Церковного предания, но и определенной системой логических рассуждений. Казалось бы, такое интеллектуальное превосходство неминуемо приведет православных ревнителей к поражению. Однако этого не случилось. И этому есть свое объяснение.

Католические мыслители, отшлифовавшие методы борьбы в схватках с протестантами заимствовали от последних оружие рационалистической критики христианских произведений и церковной догматики. С этим, уже в достаточной степени освоенным опытом соединения догматического и критического мышления, католические идеологи вступили в религиозную полемику с православием, где под видом рационалистической критики православной религии, преследовали цель окатоличивания белорусского и украинского населения. Исторически вышло так: православные защитники белорусской народной культуры, чтобы противодействовать агрессии католического рационализма, вынуждены были облачаться в наряд православной догматики.

В тех конкретно-исторических обстоятельствах православный догматизм защитников русской веры был прогрессивнее католической диалектики, так как за внешне религиозно-догматической полемикой между идеологами «истинного богословия» и «ложной феологии» скрывалось реальное содержание демократического протеста «тутэйшага» русского народа (белорусов и украинцев) против польско-литовского угнетения. Объективно выходило, что защита православной религии в то время означала защиту национального развития Беларуси и Украины. Историческая заслуга православных писателей накануне церковной унии состоит в том, что их просветительская деятельность способствовала консолидации «тутэйшага» русского народа (белорусов и украинцев) и теоретически обосновала необходимость подготовки национальных кадров, способных идейно противостоять католической экспансии.

Решающим фактором, обострявшим религиозную полемику и осложнявшим возможный компромисс между православием и католичеством, был фактор национальный. Конфронтация двух вероисповеданий одновременно вела к столкновению различных национальностей, поскольку православные отождествлялись с русским народом (белорусами и украинцами), католики же – с поляками и литовцами. Религиозная борьба тесно переплетается с национальной и классовой проблематикой. С одной стороны, польско-литовские магнаты, к которым в последующем переходит денационализировавшаяся православная шляхта, а с другой – крестьяне, мещане, духовенство, казачество.

4. Иезуиты в Беларуси

Бесспорно, что мысль о церковной унии была навязчивой идеей польско-литовских католиков. Но бесспорно и то, что это зло не приобрело бы такого ужасающего характера, если бы не яростная антиправославная деятельность иезуитов. В 1565 году иезуиты проникли в Польшу, а в 1569 году уже появились в Вильно. «Иезуитство, – по замечанию М. Кояловича, – составляет самое логическое, неизбежное развитие латинской системы веры»⁶⁷. И с этим заключением белорусского историка следует согласиться. Ибо латинский принцип наделяет своего верховного владыку – Римского Папу – духовной и светской властью, что абсолютно несовместимо с духом христианского вероучения. «Отсюда правило, выработанное латинством, что цель оправдывает средства, что для святого дела все позволительно. Отсюда же вышло и иезуитство».

Орден иезуитов, специально созданный для противодействия государственному и национальному развитию европейских народов, играл самую отрицательную роль в любых странах. Даже в Польше против иезуитов поднялось грозное волнение. «Сеймы оглашались криками против них. Имя «народной язвы» сделалось обыкновенным названием иезуитов и лучшие люди того времени серьезно советовали польскому правительству выгнать их из литовско-польского государства»⁶⁸. Когда во Франции в 1764 году орден иезуитов был запрещен, то в качестве мотива приводилось указание, что «существование такой корпорации не может быть терпимо в благоустроенном государстве»⁶⁹.

Еще менее терпимым, а точнее, просто нетерпимым было существование иезуитов в Беларуси. Если на Западе, в какой-то степени в Польше, иезуиты, заменив собой духовно-рыцарские ордена, хотя и препятствовали социальному и духовному развитию общества, но не затрагивали сущности Западной цивилизации, выражавшейся в грабительской политике «крестовых походов», «натиска на Восток», то в Великом княжестве Литовском иезуиты в еще большей степени способствовали столкновению двух различных цивилизаций – Русско-православной и Западно-латинской. На территории Беларуси иезуиты действовали не столько хитростью и коварством, сколько прямым насилием.

«Где было русское братское училище, там редко когда ученики возвращались из училища домой с неповрежденными лицами. На них нападали и били иезуитские школьники, которые не давали житья и никакому иноверцу, так что иноверцы даже объезжали обыкновенно на далекое расстояние иезуитские школы»⁷⁰.

Практически между иезуитами и немецкими крестоносцами не было никакой разницы. Религиозная война, которую члены «Общества Иисуса» объявили православному люду, освящалась папским престолом. Это находило свое отражение в устройстве иезуитских заведений. «Коллегии иезуитские не были ни монастырями, ни светскими училищами, а то и другое вместе. Самую низшую степень иезуитства составляли так называемые новиции. Они должны были открывать всю душу своим руководителям и, кроме того, следить друг за другом и доносить обо всем начальству. После надлежащего искусства, новиции поднимались на более высокую ступень, становились схоластиками. Схоластики изучали высшие богословские науки или занимались преподаванием учебных предметов в училищах. Далее следовали коадьюторы, которые были двух родов: или схоластики, которым поручались более важные занятия, проповедничество, преподавание высших предметов, или люди, поступавшие в иезуитский орден без ученого приготовления и занимавшиеся исполнением разного рода поручений. Высшую степень в иезуитском ордене составляли так называемые профессы. Они занимали все важнейшие должности и исполняли самые секретные дела»⁷¹.

Опираясь на мощную поддержку католической церкви, Римского Папы, государственной власти, иезуиты развернули широкое наступление на православие и протестантизм. Первоначально все свои миссионерские усилия они сосредоточили на высшем сословии Великого княжества Литовского с целью отрыва его от не католических вероисповеданий. В короткое время иезуиты обратили из протестантизма в католичество сыновей Николая Радзивилла Черного, Льва Сапегу, Ивана Ходкевича, Ивана Чарторыйского, Самуила Сунгушко, Януша Заславского. Из православных в католики были обращены Януш Острожский, жена Ивана Ходкевича и другие русские паны.

Значительное содействие иезуитской деятельности в Беларуси оказывал польский король Стефан Баторий, который рассчитывал на дипломатическую помощь иезуитов, в частности, папского посла Антония Поссевина в Ливонской войне с Иоанном Грозным. В 1578 году Виленская иезуитская коллегия была преобразована в Виленскую иезуитскую академию с солидным финансовым обеспечением. Отвоевав Полоцк у Иоанна Грозного, Стефан Баторий в 1581 году возвел также Полоцкую иезуитскую коллегию в степень Иезуитской академии. А в 1582 году польский король передал иезуитам в Полоцкой земле большую часть православных церквей и монастырей. Иезуитские коллегии были основаны в Несвиже, Бресте, Бобруйске, Витебске, Гродно, Минске, Могилеве, Орше и других белорусских городах.

Основная деятельность иезуитов в Беларуси сводилась к денационализации нашего народа, хотя она и прикрывалась якобы высшими

государственными и религиозными целями. Это хорошо понимали и чувствовали белорусы. «Иезуиты, поселенные в Полоцкой области в 1582 – 1583 годах, так много наделали зла православным до 1587 года, что в этом году белорусские дворяне требовали на сейме, чтобы они были изгнаны из их областей»⁷². Руководствуясь ложно понятым государственным интересом, польско-литовское правительство делало вид, что не замечает, какое губительное влияние оказывали иезуиты на все сферы жизни в Речи Посполитой. Особенно распоясались они во время правления Сигизмунда III, который был не столько королем Речи Посполитой, сколько орудием иезуитов в реализации их антиправославных и антирусских замыслов.

Обратив в католическую веру большую часть русского высшего сословия, иезуиты приступили к осуществлению своей главной цели – церковной унии, предназначенной для всего «тутейшего» русского народа (белорусов и украинцев). «При непосредственном попечительстве Римского Папы в Риме было открыто униатское училище для юношества восточной церкви и в нем несколько вакансий для православных русинов»⁷³. А в это время иезуит Антоний Поссевин хлопотал об устройстве в Вильно типографии для издания книг против православной церкви. Ему в этом принялся с жаром помогать иезуит Петр Скарга. В общем, все самые деятельные католические силы были брошены на уничтожение православной русской веры. Однако эта политика католическо-иезуитского лагеря встретила упорное сопротивление со стороны нового русского института – православных братств, вызванных к жизни всем предшествующим развитием общерусского национального характера.

5. Православные братства в Беларуси

В борьбе против католическо-иезуитской политики в отношении белорусского и украинского народов главную роль сыграли православные братства. Братства, представлявшие собой национально-религиозные союзы православного населения на территории Беларуси и Украины, были тем бастионом русской народности, который отразил атаки иезуитов. Эти национально-религиозные союзы городского и сельского населения (мещан и крестьян) явились тем центром, к которому стягивалось православное население, в том числе и православная шляхта в борьбе за свою веру и свободу.

Правда, первоначально функция представителей и покровителей русского народа и русской церкви принадлежала русскому высшему сословию в лице князей и крупных православных землевладельцев. «Эти покровители православной церкви в западной России получили особое название, назывались патронами»⁷⁴. Патроны обладали рядом существенных прав. «Они обладали правом обеспечивать русскую церковь и православные монастыри материальными средствами (*jus donandi*); избирать настоятелей, священников (*jus praesentandi*) и охранять от беспорядков, обид и притеснений (*jus patronandi*)»⁷⁵. Например, в жалованной грамоте польского короля Сигизмунда I от 12 марта 1510 года вдове умершего польского короля Александра Елене Иоанновне, дочери московского государя Ивана III, на право «поданья» (*jus patronatus*) Виленского монастыря, говорится: «...Дали в ее милости поданье, до ее милости живота. Мает ее милость обирати архимандрыта к тому манастыру и подавати тому, кому будет воля ее милости; а нам ся в то, а ни митрополиту не вступати; бо есмо ее милости тот манастыр в ее поданье дали, до ее милости живота...»⁷⁶.

Главное место среди патронов принадлежало виднейшему русскому князю Константину Константиновичу Острожскому. Польский король Стефан Баторий признал за князем Острожским право на высший и самый обширный патронат в Западнорусской церкви и назвал его верховным хранителем и защитником ее. Как отмечает М.Коялович, такой титул князя К.К.Острожского не был одним почетом.

Когда иезуиты появились в Беларуси, они обратили внимание именно на православных патронов с целью обращения их в католическую веру. Это было делать нетрудно, поскольку к концу XVI века русские князья и магнаты практически ополячились и потеряли всякую связь со своим русским народом. Единицы, как, например, князь К.К.Острожский, оставшихся преданными вере своих предков, уже сходили с исторической сцены. В результате право патроната превратилось в свою противоположность. Стоило только патрону поменять свою веру, как он из защитника православия превращался в гонителя. Таким образом, русская народность подверглась двойному удару. С одной стороны, против русской веры изошренно работали иноземцы-иезуиты, а с другой – ополячившиеся и окатоличившиеся русские князья. Наступила самая тяжелая пора в жизни нашего народа. Необходимо было из собственно

народных недр найти силы, которые бы встали на защиту национального развития «тутейшего» русского народа (белорусов и украинцев). Такой силой и оказались православные братства.

Наиболее крупными из братств, оказавших решающее влияние на весь ход национально-освободительного движения белорусов и украинцев, были Львовское и Виленское. Во время посещения Львова в 1586 году Антиохийский патриарх Иоаким учредил Львовское братство с правом наблюдать за высшей православной иерархией и даже подвергать ее суду на церковных соборах. Львовское братство вело большую просветительскую деятельность среди православных. Оно основывало школы, где дети учились славянскому и греческому языкам, обзаводилось типографиями, издавало книги, обличало злоупотребления и недостойное поведение высшей церковной иерархии. При конфликте между львовским епископом Гедеоном Балабаном и братством сам Константинопольский патриарх Иеремия стал на сторону братства и грозил Львовскому епископу низложением.

В 1589 году православную церковь в Речи Посполитой посетил Константинопольский патриарх Иеремия. По требованию православных мирян он низложил Киевского митрополита Онисифора за его нежелание защищать права народа русского и на его место поставил минского архимандрита Михаила Рогозу. Кроме того, Константинопольский патриарх утвердил права Львовского братства, сделал его ставропигиальным, т.е. полностью независимым от епископа и митрополита. В это же время Патриарх Иеремия санкционировал основание Виленского братства в Троицкой церкви. Была утверждена программа Виленского братства, в которой предусматривалась учеба детей языкам – русскому, греческому, латинскому и польскому, а также печатание книг как церковных, так и школьных на греческом, славянском, русском и польском языках.

В 1592 году было учреждено Брестское братство. В жалованной грамоте польского короля Сигизмунда III 11 октября 1592 года брестским православным жителям говорится, что «на чоломбитье мешан места нашего Берестейского, людей народу Русского закону Греческого, з ласки наше господарское позволяет им церковное братство учинить, а для науки детей хрестьянского позволяем мети школу Греческого, Латинского, Польского и Русского языка»⁷⁷. В этом же году была выдана жалованная грамота на основание Минского братства со школой на греческом и русском языках.

Православные братства объединили вокруг себя весь русский народ, за исключением незначительной группы русского высшего сословия и высшей православной иерархии – митрополита и епископов. Деятельность братств отражалась на всех институтах русской цивилизации, начиная от церковной организации и кончая гражданскими сообществами. Православные братства как выразители русских начал жизни выступили против засилья иноземщины в

Беларуси, в частности, против магдебургского, или немецкого права. Известно, что феномен Магдебургского права «национально-сознательная» интеллигенция выставила в качестве европейской сущности Великого княжества Литовского. В этом смысле миф о демократическом характере магдебургского права на территории Беларуси ничем не отличается от точно такого же мифа, который создан «белорусизаторами» вокруг церковной унии.

Что касается введения магдебургского права в Великом княжестве Литовском, то большой ошибкой было бы рассматривать в радужных красках появление этого института, абстрагируясь от конкретно-исторических обстоятельств. Магдебургское право имеет определенное историческое значение в Германии. И все. За пределами собственно Западной Европы магдебургское право теряет свою прогрессивную окраску. Немецкое право, искусственно пересаженное на почву русской цивилизации, не выходило за пределы упорядочения фискальной политики великого литовского князя. «Города, получившие немецкое право, освобождались от натуральных повинностей, взамен чего платили в казну денежные подати с разных торгов и промыслов, что на практике обыкновенно сводило на нет дарованное право»⁷⁸.

Кроме того, внедрение немецкого права в Великом княжестве Литовском вело к ущемлению национальной самобытности коренных народов, к вытеснению русского права и русской культуры чужеземными правовыми и культурными нормами, что не могло не вызывать протеста со стороны русского народа. Обратимся к источникам. 22 февраля 1507 года волковыским мещанам была выдана жалованная подтвердительная грамота на магдебургское право, где прямо указывается, что «право Немецкое Майтборское держать, отдаляючи вси иные права, Польские и Литовские и Русские, вси обычаи иные, которые же бы были на переказ праву тому Немецкому Майтборскому»⁷⁹. А что были обязаны исполнять мещане? «А пашню нашу (великокняжескую. – *Л.К.*) толокою два дни мають орати и два дни жати. И теж для тых платов и подачек, што есмо им отпустили, мають нам в каждый год давати по тридцати золотых. Мають они тьи платы збирати на одно место и в одну скринку класти, и с того серебщизну и ордынщину мають давати. А мещанам Волковыйским велел его милость на службу свою, на войну, ходити, водле уставы, как из иных мест»⁸⁰. Аналогична жалованная грамота жителям Новогрудка Литовского на магдебургское право 26 июля 1511 года: «Место наше Новгородок с Права Литовского и Руского у право Немецкое, которое зовется Майтборское, переменяем на вечные часы, устовляем... Мають мещане нынешние и по них будучи в каждый год давати нам до скарбу нашего по пятидесяти золотых угорских... А серебщизну нашу великую и малую, и теж ордынщину, коли положим по всим городом и местом и волостем нашим у отчизне нашей великом князьстве Литовском, мають нам мещане Новгородские без кождое вымовы давати, по давному...»⁸¹.

Учреждение православных братств объективно подрывало влияние немецкого права, всех чужеземных институтов на территории Беларуси. Это понимало польско-литовское правительство и сознательно ограничивало

юрисдикцию братств. В жалованной грамоте могилевским мещанам Православной веры 21 марта 1597 года об учреждении при Спасском монастыре церковного братства имеется примечательное пояснение. «Мають мещане наши Могилевские того братства уживати на вси потомные часы, згожаючися во всем подлуг веры и закону Руского, будучи в речах духовных под послушенством владыки теперешнего Полоцкого и напотом будучих, а в справах светских под владою вряду местского права Майдеборского мешкаючи и трываючи»⁸². Здесь можно видеть, как господствующий класс Речи Посполитой стремится поставить деятельность Могилевского братства в зависимость как от полоцкого униата-архиепископа, так и от польских урядников, прикрывающих вмешательство в русскую жизнь могилевчан ссылкой на «дарованное» немецкое право.

Историческая заслуга православных братств состоит в том, что они в труднейших условиях сумели убедить русское общество в необходимости возложения задачи защиты русской цивилизации от посягательств иезуитов и правительства Речи Посполитой на плечи самого русского народа (белорусов и украинцев). По глубокому замечанию М.Кояловича, «история западной России получает с тех пор по преимуществу народное направление»⁸³. Православные братства, будучи знаменем трудового люда Беларуси и Украины, «составляли исключение не только в западнорусской церкви, но и во всем мире христианском»⁸⁴. Эта исключительная роль православных братств в истории Беларуси дает право говорить о своеобразном православном социализме, выступившем против средневекового католицизма, который являлся главным орудием духовного, национального и социального угнетения белорусского народа.

Осмысливая философско-историческое развитие Беларуси, выдающийся белорусский историк М. Коялович высказал изумительную мысль, которая и сегодня звучит как никогда актуально. «Западнорусская история, – говорил наш великий соотечественник в 1864 году, – есть история социализма, ищущего восстановления древних, родных порядков жизни, т.е. тоже русских и православных»⁸⁵. Думается, что гениальное положение основоположника белорусской исторической школы полезно было бы заучить нынешним недалеким «западникам», толкающим Беларусь в Западную цивилизацию.

6. Церковная уния 1596 года

Формально церковная уния была союзом или объединением Православной церкви на территории Беларуси, Украины и Литвы с католической на условиях подчинения православного духовенства Римскому Папе и признания основных догматов католицизма при сохранении православной обрядности. Объединение православия с католичеством привело к образованию так называемой униатской церкви или, другими словами, греко-католической.

Церковной унии предшествовала идеологическая подготовка со стороны католического духовенства и правительства Речи Посполитой. Еще в 1577 году

иезуит Петр Скарга издал книгу «О единстве церкви Божьей», в которой обосновывал верховенство римского бискупа⁸⁶ над всем христианским светом, в том числе и над восточными патриархами. Отсюда Петр Скарга выводил идею объединения русской и католической церковью под главенством Римского Папы. В третьей части своей книги он убеждал, что уния необходима в интересах самих православных христиан, что никакой опасности от унии нет, что спасение только в ней одной. Это издание польского иезуита было посвящено русскому православному князю Константину Острожскому. Скарговские идеи о церковной унии полностью воспроизводили все последующие сторонники униатства.

Князь Константин Острожский первоначально и сам склонялся к унии, считая ее главным фактором консолидации господствующего класса и прекращения внутренних трений в самой православной церкви (намек на существующие раздоры между братствами и владыками).

Правда, князь оговаривал возможность введения унии рядом условий, наиболее важные из них заключались в требовании ограждения имущественных прав православной церкви, в согласии самих восточных патриархов на унию как духовных пастырей русской церкви в Речи Посполитой, в присоединении к унии народа московского и волошского, об учреждении школ и наук вольных для «народа тутошнего Русского».

Желали унии и православные владыки, которые никак не могли смириться с контролем их духовной власти со стороны братств. Православные владыки, завидовавшие положению католических бискупов, мечтали через унию освободиться от вмешательства мирян в церковные дела. Показателен в этом плане аргумент луцкого епископа Кирилла Терлецкого Ипатию Потею. Смысл его таков: «Патриархи открыли дорогу в Москву, будут часто туда наезжать для получения подарков от московского государя, а значит, и нас не минуют и будут хозяйничать в наших епархиях, вот уже и братства устраивают. Польский король дает уряды до живота, а патриарх за мелкие проступки нас этого может лишить. Не лучше ли отступить от патриархов и до послушенства папежского приступить, возможно, мы даже станем сенаторами»⁸⁷.

Стремилась к унии и польско-литовские феодалы, которые, видя оживленные отношения восточных патриархов с Москвой, побаивались установления тесных национально-религиозных связей между белорусскими православными братствами и Московской патриархией. Польско-литовским правительством уния рассматривалась в качестве барьера на пути воссоединения Беларуси с Россией.

Разумеется, самую широкую поддержку униатским замыслам оказывала римская курия.

Практическое осуществление церковной унии оказалось значительно более трудным делом, чем это задумывалось иезуитами и правительством Речи Посполитой. Тот же Петр Скарга во втором издании «О единстве церкви Божьей» (1590), посвященной уже не князю Константину Острожскому, а

королю Сигизмунду III, вынужден был признать, что трудно обратить русских в другую веру, поскольку свою религию они основывают на предках и старине. Становилось ясным, что и условия, выдвинутые Константином Острожским, не могли быть приняты ни одной из сторон. Католическое духовенство вряд ли соблюдало бы нейтралитет в вопросе о православном церковном имуществе и стремилось бы прихватить его в свои руки.

Но, как бы то ни было, большинство православных владык во главе с митрополитом Михаилом Рогозой, желая полностью освободить себя от опеки православных братств и духовной власти восточных патриархов, в союзе с правительством и королем Речи Посполитой тайно вели дело к принятию унии. В письме Киевского митрополита Михаила Рогозы польскому гетману Замойскому и в наказе православных епископов королю Сигизмунду III в декабре 1594 года излагаются условия, на основании которых высшая православная иерархия согласна перейти под верховенство Римского Папы. «Первое. Все церкви и епископии греческой религии навеки сохраняют свои обряды и церемонии. Второе. Место в сенате и почет в сейме. Третье. Духовная власть восточных патриархов не распространяется на митрополита и владык. Четвертое. Монахи из Греции, т.е. посланники патриархов, не допускаются в Речь Посполитую и не пропускаются в Московскую землю. Пятое. Отмена патриарших постановлений о православных братствах. Шестое. Указанные условия подтверждаются грамотой короля Сигизмунда III, написанной латинским и русским письмом»⁸⁸.

Догадываясь о тайных происках православных епископов, князь Константин Острожский 24 июня 1595 года издает окружное послание для православных в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском, в котором убеждает твердо стоять в православной вере и предупреждает митрополита с епископами о недопустимости введения новомышленной унии. Вскоре от сторонников унии отпал один из ее главных инициаторов львовский владыка Геден Балабан. Он заявил, что проект унии составлен в нарушение всех правил православной веры, прав и вольностей русского народа, без воли самого православного населения и без ведома и дозволения патриархов и духовного собора. А поэтому уния не имеет законной силы. Затем к противникам унии перешел владыка перемышльский Михаил Копыстенский. Но наиболее деятельные сторонники церковной унии во главе с владимирским владыкой Ипатием Потеем и луцким владыкой Кириллом Терлецким при поддержке короля Сигизмунда III ведут дело к подчинению православной церкви Римскому Папе. Механизм введения унии был прост: православные владыки должны были признать верховенство Римского Папы, иначе они не допускались до управления своими епархиями. В жалованной грамоте короля Сигизмунда III архимандриту Кобринского монастыря Ионе Гоголю на Пинскую и Туровскую епископию и протонотарию Киевского митрополита Григорию Загорскому на Полоцкую архиепископию прямо указывалось, что они должны принять

верховенство «папежа Римского и ему послушенство отдати, которое до того часу патриарсе Константинопольскому признавали и отдавали»⁸⁹.

24 сентября 1595 года король Сигизмунд III публично объявил о соединении православной и католической церквей и об отправлении епископов-униатов, т.е. Ипатия Потей и Кирилла Терлецкого в Рим. Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий в ноябре прибыли в Рим, где были официально приняты Папой Климентом VIII. Была зачитана грамота по-латински и по-русски о воссоединении русской церкви с римским костелом. В ознаменование этого события была выбита памятная медаль с надписью Ruthenis rescertis в знак присоединения русской церкви к Риму. Как же реагировал русский народ (белорусы и украинцы) на этот акт церковного объединения?

Православное население, включая и духовенство, заявило о предательстве митрополита и епископов и через своих депутатов подало протест на Варшавский сейм в начале 1596 г., требуя, чтобы Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий, которые отступили от Православной веры, были лишены церковного сана, а всем обывателям земли волынской, киевской, брацлавской, русской король дал новых православных епископов. Сигизмунд III не принял протеста депутатов русского народа, тогда князь Константин Острожский от имени депутатов заявил, что православные не будут признавать Потей и Терлецкого своими епископами.

14 июня 1596 года король Сигизмунд III издал окружную грамоту литовско-русскому православному духовенству и мирянам, в которой разрешил митрополиту Михаилу Рогозе созвать Церковный собор в Бресте для окончательного суждения об унии. На соборе разрешалось присутствовать православным и католикам, а «иншыи люди розное веры на тот синод не были припущаны»⁹⁰.

И вот в начале октября 1596 года собрался в Бресте высший цвет духовной и светской знати. С самого начала возникли два враждебных стана. Православные собрались в большом частном доме, так как брестский староста⁹¹ Дмитрий Халецкий велел запечатать соборную церковь святого Николая. Со стороны православных присутствовали: Никифор Фока, экзарх⁹² Константинопольского патриарха; владыки львовский и перемышльский Гедеон Балабан и Михаил Копыстенский; князь Константин Острожский, воевода киевский, староста владимирский и маршалок⁹³ земли волынской; его сын Александр Острожский, воевода волынский и староста переяславский; православное духовенство и множество православной шляхты. Сторонники унии были представлены митрополитом Киевским и пятью владыками. Кроме них были послы Римского Папы Климента VIII: Ян Дмитрий Соликовский, арцыбискуп (архиепископ) львовский; Бернард Мацеевский, бискуп луцкий; послы королевские: князь Николай Криштоф Радзивилл, воевода Троцкий; Лев

Сапега, канцлер литовский; Дмитрий Халецкий, подскарбий⁹⁴ литовский. Все попытки обеих сторон достичь компромисса не увенчались успехом.

8 октября 1596 года в соборной церкви святого Николая униаты объявили свое решение о вступлении их в союз с римской церковью и признании над собой верховной власти Папы Климента VIII и его преемников. Архиепископ полоцкий Герман (Гермоген) на пергаментном листе зачитал текст унии. В этом документе кратко излагалась церковная история, свидетельствующая, по мнению униатов, что Римский Папа является главой всего христианского мира, а константинопольские патриархи, от которых произошла русская вера, верховенству столицы Римской церкви подчинялись и от нее благословение брали. Далее говорилось, что несмотря на отступничество восточных патриархов от Римской церкви, всегда к последней возвращались, как это и произошло на Флорентийском соборе в 1439 года, когда Константинопольский патриарх Иосиф и византийский император Иоанн Палеолог приняли решение о церковном соединении. Особенно отмечалось, что именно на этом Флорентийском соборе присутствовал наш Киевский и Всея Руси митрополит Исидор, который все церкви в крае русском в послушание и верховенство римского костела привел. Далее шло обвинение патриархов в отступничестве от Римского Папы и в потворстве ересям, которые «всю Русь опановали». В заключении указывалось, что униаты, не желая быть участниками греха константинопольских патриархов и невольства поганского и не желая церковного разъединения, отправили в прошлом году своих послов к Римскому Папе Клименту VIII, чтобы он принял их под свою руку и от верховенства патриархов константинопольских освободил, сохраняя в униатской церкви обряды и церемонии православной веры⁹⁵. Подписали унию митрополит Киевский Михаил Рогоза, владыка владимирский и брестский Ипатий Потей, владыка луцкий и острожский Кирилл Терлецкий, архиепископ полоцкий и витебский Герман, владыка пинский и туровский Иона Гоголь, владыка холмский и бельский Дионисий Збируйский.

Узнав о происшедшем событии, православное собрание (коло), заседавшее в частном доме, со своей стороны издало соборную грамоту, в которой объявило о низложении святительского сана с Киевского митрополита Михаила Рогозы и владык, принявших унию. Со своей стороны, митрополит и епископы-униаты также издали грамоту о низложении сана с перемышльского и львовского владык и тех архимандритов и игуменов, протопопов и попов, которые отреклись присягнуть унии⁹⁶.

Каковы же последствия церковной унии? Привела ли она к тому согласию (згоде) между различными вероисповеданиями, как об этом говорил Петр Скарга? Оказывается, нет. Напротив, церковная уния вызвала еще большее ожесточение между православием и католичеством, чем это было до унии. Прав был автор «Апокрисиса», отметивший, что, судя по первым шагам унии, вместо церковного соединения положено начало раздорам и мятежам, которые могут привести к гибели или по крайней мере к смятению в Речи Посполитой⁹⁷.

Следует заметить, что введение унии нисколько не затрагивало существующего положения католической церкви. Фактически объединялось не православие и католичество, а происходил перевод части православной церкви в разряд униатской. Уния не объединила христиан, а разделила русскую церковь на православную и униатскую. Сама же униатская церковь была не самостоятельной церковной организацией, а промежуточной ступенью на пути перехода от православия к католицизму. Униаты, как всякие ренегаты, были большими католиками и злейшими преследователями православных, чем Римский Папа и его иезуиты. Уния имела определенную установку: сделать в Речи Посполитой всех католиками. Статус-кво для католической церкви и нарушение этого принципа для православной – что могло быть более несправедливым в глазах человека русской веры. В своей речи в Сенате князь Константин Острожский прямо обвинил короля Сигизмунда III в насильственном насаждении унии. «За веру православную наступаешь на права наше, ломаешь вольности наше, и наконец на сумнение наше налегаешь: чим присягу свою ломаешь, и то што – кольвек еси для меня учинил, в нивошто остатнею ласкою своею оборочаешь... Але вижу, иж то к остатней згубе всее короны Польское идет...»⁹⁸.

Несправедливый и незаконный характер унии в отношении православной религии был очевидным не только для православного населения, но и для виднейших государственных деятелей того времени. Напрасно Петр Скарга, защищая униатов, доказывал, что решение православного собрания в Бресте о низложении епископов-униатов незаконно, потому что ваша (православных) сходка (схажка) не только собором не может называться, но даже и сеймиком шляхетским. В церковный вопрос активно включился король Сигизмунд III. В окружной грамоте к русскому народу 15 декабря 1596 года говорилось: «Вам воеводам, старостам, державцам, тивунам самим и наместникам и врядником их, также войтом, бурмистром, райцом, лавником приказуем, штобы есте и сами тому постановленью синоду Берестейского ни в чом противны не были и других подданных наших, которые бы тому сопротивлялися, карали»⁹⁹. Насильственное вмешательство королевской власти в церковные дела, разумеется, ничего доброго не могло обещать самому государству. «Ничто не причиняет так скоро ослабления и падения государства, – говорил король Стефан Баторий, – как насилие, преследование веры»¹⁰⁰.

Со всей определенностью можно утверждать, что церковная уния, как она замышлялась иезуитами и польско-литовским правительством, не достигла своей цели. Поскольку с православными было велено поступать как с преступниками, то уния не потушила религиозные распри, а скорее послужила той искрой, от которой разгорелось пламя национально-освободительной войны белорусского и украинского народов под предводительством Богдана Хмельницкого. Что подобный вывод не плод досужей мысли, а отражение реальной социально-политической и национально-религиозной ситуации, которая сложилась на белорусских землях после введения унии, доказывает

красноречивое письмо литовского канцлера Льва Сапеги к полоцкому униатскому архиепископу Иосафату Кунцевичу, написанное 12 марта 1622 года. Приведем наиболее характерные выдержки из него. «Это правда, – писал Лев Сапега, – что я сам являюсь автором унии, но я не мог предполагать, что Ваша милость будет обращать людей в унию насильственными действиями... Ты, Ваша милость, пишешь, что политикой не интересуешься, а я добавлю и Речью Посполитой, ибо от их (православных. – Л.К.) повиновения в Речи Посполитой зависит больше, чем от унии Вашей милости... Укажи, Ваша милость, кого привлек, кого поймал ты своей суровостью, резкостью, запечатыванием, закрытием церквей. Напротив, тех, которые уже были в послушании Вашей милости в Полоцке, оттолкнул от себя, из овечек сделал козлицами, ввергая тем самым общество и государство в опасность, обрекая нас, католиков, на погибель. Ваша уния нам только навредила, и лучше бы нам было без нее, из-за нее у нас постоянные хлопоты, заботы, трудности. Поистине прекрасная уния, которая возбуждает в людях и в государстве постоянные замешательства... Что касается полочан и других бунтующих против Вашей милости, то скажу: возможно, они и бунтовщики. Но Ваша милость сама дала им повод для бунта и сделала бунтовщиками... Вот почему мы не желаем, чтобы эта бесполезная уния принесла и чинила вред обществу и государству»¹⁰¹. Комментировать этот ценнейший исторический источник, ярко освещающий действительное значение церковной унии в жизни общества и государства, не приходится.

Пагубный характер унии для общества и государства приводил правительство Речи Посполитой к мысли о необходимости ограничения униатской деятельности. И если во время царствования Сигизмунда III, горячего покровителя церковного объединения, униаты сохраняли свое государственное значение, то после смерти Сигизмунда III его сын Владислав существенно сузил сферу государственного влияния униатов. В результате его посреднических усилий униаты и православные согласились на примирение. Было решено, что Киевская митрополия будет иметь двух митрополитов: православного и униатского, и полоцкая епархия двух епископов: полоцкого униатского и мстиславского православного. Епархия львовская, луцкая, перемышльская и Киево-Печерский монастырь уступались православным.

В 1632 году Владислав был избран польским королем, а православным митрополитом стал архимандрит Киево-Печерской лавры и основатель Киево-Могилянской Академии Петр Могила.

7. «Апокрисис» Христофора Филалета и «Берестейский собор» Петра Скарги

Брестская церковная уния, разделившая русскую церковь на православную и униатскую, увеличила значительный поток религиозно-полемической литературы, в которой каждая из враждебных сторон старалась или оправдать введение унии, или доказать ее вред для социально-политической и духовной

жизни Речи Посполитой. Эта литература представляет не только важный исторический источник для изучения эпохи XVI – XVII веков, но имеет актуальное значение для постижения сегодняшней социально-политической и идеологической ситуации в Беларуси.

Среди этого жанра литературы, внесшей свой вклад в историю культуры, бесспорно, первые места по праву занимают «Апокрисис» Христофора Филалета и «Берестейский собор и оборона его» Петра Скарги.

Петр Скарга – красноречивый оратор и ученый иезуит, придворный проповедник Сигизмунда III и главный инициатор унии, знаток религиозной истории и плодовитейший католический писатель, воспитанный в духе идей средневековой схоластики, был ярким защитником и пропагандистом власти Римского Папы в Речи Посполитой. Он с одинаковым упорством боролся как против протестантов, так и православных. Благодаря ему католическая партия полностью привязала к себе польского короля Сигизмунда III, династические амбиции и иезуитское воспитание которого во многом предопределили негативное развитие общества и, в конечном итоге, обусловили крах всей политики господствующего класса Речи Посполитой.

На фоне писателей того времени величественно выделяется автор знаменитого «Апокрисиса, или Ответа на книжку Петра Скарги о Брестском соборе»¹⁰², эпохального произведения в истории национальной культуры белорусского и украинского народов, под псевдонимом Христофор Филалет¹⁰³ (до настоящего времени не имеется точных данных, кто скрывался за этим литературным именем). Он сделал максимум возможного в этом жанре литературы для обоснования своей гуманистической позиции. Христофор Филалет – это выдающийся защитник православной веры, крупнейший просветитель белорусского народа. Он, как бы чувствуя недостаточность тех религиозно-политических форм и способов защиты своих взглядов, стремится вырваться за пределы этого жанра литературы и стать на позиции светского обсуждения религиозно-церковной проблемы. Мировоззрение Христофора Филалета представляет собой сочетание двух противоположных принципов: духовного и светского, которые в ту эпоху не столько противоречат друг другу, сколько находятся в определенном органическом единстве.

Итак, с одной стороны, перед нами предстает ученый иезуит, расточающий весь свой ум и все свое красноречие на пропаганду, в общем-то, исторически безнадежного дела, а с другой – православный просветитель, защищающий не интересы существующих церковных институтов, а право «тутэйшага» русского народа на развитие своей общерусской цивилизации. Присмотримся внимательнее к аргументам знаменитых полемистов.

Чтобы убедить православных в правомерности унии и ее благодетельности для настоящего и будущего Речи Посполитой, Петр Скарга после Брестского собора пишет книгу «Берестейский собор и оборона его» (1597). Излагая фактические обстоятельства заключения унии и основные аргументы в пользу

законности Брестского собора, Петр Скарга говорит, что собор созван с разрешения Римского Папы, а поэтому решение собора не может подлежать никакой отмене. Если собор – власть духовных, то миряне, по мысли Петра Скарги, не могут влиять на соборные решения. Отмечается, что собор собирався на дело святое и нужное для христианской церкви. Петр Скарга подчеркивает, что не о вере, не об отмене греческой религии ставился вопрос, а только о признании верховной власти Римского Папы, чтобы в церковном единстве жить. Те возражения, которые выдвигались православными против законности унии, так как владыки на соборе отреклись от своих духовных начальников (восточных патриархов), Петр Скарга парирует методом дискредитации. Дескать, какие там могут быть духовные начальники, когда они находятся в неволе турецкой и больше думают о деньгах (пенежах), чем о церковном достоинстве: «Ради патриархов гибнуть, а згоды и единства христианского не хотеть – это великая безбожность и глупство»¹⁰⁴.

Автор обороны Брестского собора также отмечает, что противниками унии выступают не столько православные, сколько различные еретики (ариане, протестанты), которые выдумывают всякие новые веры на погибель греческой и всей христианской религии. Уния, по мнению Петра Скарги, законна и справедлива, всякое выступление против нее преступно. Поэтому в своем предостережении противникам Брестского собора католический полемист предупреждает православных в незаконности противодействия унии, поскольку они не на соборе были, а на каком-то сейме с маршалком новокрещенным и не в церкви, где соборы бывають, но в частном доме против Бога выступали и теперь выступают¹⁰⁵.

Если проанализировать приведенные Петром Скаргой доказательства в пользу унии, то следует отметить, что главный адвокат церковного единства, не говоря уже о фактической несостоятельности его аргументации, даже с точки зрения формальных соображений во многом грешит против объективности. Так, автор «Берестейского собора» постоянно повторяет, что уния законна, поскольку она освящена Римским Папой. Не отрицая формальной значимости этой санкции, тем не менее любой беспристрастный исследователь должен признать, что подобный аргумент был бы основателен при условии, если бы такая санкция исходила и от восточных патриархов как верховных владык православной веры в Речи Посполитой. Ведь сам Петр Скарга признает, что «овца за пастырем идет, не пастырь за овцою: он рядит и ведет, не овца рядит и вождем является»¹⁰⁶.

Почему же право высшей духовной власти отрицается у восточных патриархов? Чтобы как-то оправдать нарушение церковных прав православных патриархов, Петр Скарга прибегает к обыкновенной инвективе, выставляя патриархов в невыгодном свете.

Поэтому Христофор Филалет, не занимаясь софистикой и фарисейством, вполне резонно объяснял Петру Скарге, что если он решил таким способом оправдать епископов-униатов, то такую аргументацию с еще большим

основанием следует применить к самому Римскому Папе: «Что, если в ту пору, как ты подметил пылинку в глазах Патриархов, мы покажем бревно в глазе пап, и притом очень и очень большое? Что делается в Греции не с умыслом, а по неволе, по насилью, того тысячекратно больше делается в Риме и римской церкви, хотя ее никто к этому не приневоливает и не принуждает»¹⁰⁷. И Христофор Филалет со всей исторической справедливостью заключает, что в Римской церкви культ денег (мамоны) введен добровольно, намеренно и обдуманно – расчетливо. Отсюда вытекает логичное требование автора «Апокрисиса» к Петру Скарге: «Когда не будет этих святокупств, указанных в римском костеле, тогда и будет можно ему говорить с нами о соединении с ним»¹⁰⁸.

Что же касается скарговского упрека в религиозной неволе восточных патриархов, то, по замечанию православного полемиста, это, напротив, говорит об их искреннем служении своей вере, ибо исполнение их должностей скорее связано с личными тягостями, чем с прибыльностью. В этом плане менее всего можно упрекнуть православных властителей в церковном нерадении. В самом деле, много ли надо прилагать духовных усилий, чтобы продемонстрировать свою веру при благоприятных условиях? Еще большой вопрос, является ли такой человек верующим или он только фарисействует? «Небесные награды, – глубоко замечал Гельвеций, – не должны быть в религии за какие-то мелочные обряды, дающие жалкое представление о Всевышнем и ложное представление о добродетели»¹⁰⁹. Не такой ли была вера Петра Скарги? Это не праздные вопросы. Они проясняют принципиальное различие в аргументации двух полемистов.

Петр Скарга, находящийся в плену иезуитской идеологии, мыслит по логике всех фарисеев: если восточные патриархи бедствуют, то это – результат Божьего наказания. Здесь слышится голос не христианского проповедника с его заповедями – не унижать, не оскорблять другого человека, а евангельского фарисея, выставляющего напоказ свои мнимые достоинства перед мытарем. По-иному подходит к этой проблеме Христофор Филалет. Он как бы говорит: все мы люди, все мы с недостатками, устранение последних возможно при условии, если мы не будем фарисеями-иезуитами, ибо всякий возвышающий себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится. Христофор Филалет, в отличие от Петра Скарги, не прикрывает своих земных интересов Небесным Престолом, а документально точно указывает, что только на основе учета этих земных интересов возможно религиозное примирение.

Автор «Апокрисиса» убедительно разбивает аргументы своего католического оппонента, разъясняя, что уния при данной исторической ситуации, сложившейся в Речи Посполитой, ведет не к государственному единству, а к усилению борьбы между различными национально-религиозными общинами. Защитник православия приводит конкретные юридические документы, устанавливающие религиозную веротерпимость в государстве. Польские короли Сигизмунд II Август, Генрих и Стефан Баторий, сеймы Речи

Посполитой законодательно закрепили право свободного исповедания греческой религии. Уния же как раз разрушала это право, поскольку выводила из-под юрисдикции православных братств униатское духовенство и разрешала вторжение в имущественные права Восточной церкви. Христофор Филалет справедливо подчеркивает, что поведение митрополита и его сообщников явно противоречит законам государства и дает повод к нарушению закона и худого примера на будущее время¹¹⁰.

Далее защитник православия доказывает, что уния совершает насилие над религиозной совестью православных. Петр Скарга ошибается или сознательно не замечает, что принятие унии якобы ничего не меняет в учении русской церкви. Униаты, признавая верховную власть Римского Папы, вторгаются в догматические вопросы, которые в ту эпоху имели самое злободневное значение. Речь шла о вере, признать догматы другой церкви значило поступиться своей совестью. Такое положение для религиозного человека понималось как измена своему народу, своим предкам. Думать, что такой вопрос мог бы разрешиться бесконфликтно, когда вся европейская жизнь состояла из религиозных войн, было большой наивностью. Поэтому Христофор Филалет обоснованно заявляет, что уния неизбежно ведет к подчинению православной церкви определениям Тридентского собора¹¹¹, т.е. собора, санкционировавшего наступление Контрреформации. Между правилами Тридентского собора были такие, которые никак не могли быть приняты православными. Например, провозглашалась анафема тем, кто будет говорить, что священникам позволительно иметь жен; предписывалось, чтобы богослужение велось на латинском языке; утверждалось, что вне католической церкви нет спасения ни для кого.

Уния, подчеркивает автор «Апокрисиса», несомненно ведет к нарушению общегосударственного права Речи Посполитой и всей нормальной жизнедеятельности государственного организма. Эта мысль Христофора Филалета является основной в смысле доказательства того положения, что уния не объединяет, а еще больше разъединяет людей разных вероисповеданий. От того, что Петр Скарга поет дифирамбы церковному единению, еще несколько не вытекает действительного единства. Православный просветитель резонно замечает, что не всякое согласие и единство ведут к доброй цели¹¹². Когда Петр Скарга поместной католической церкви присваивает права, принадлежащие всей Вселенской церкви, то вместо единомыслия мы получим споры и расколы между христианами, заключает Христофор Филалет. Великий мыслитель глубже и основательнее подходит к проблеме унии, чем иезуитский истолкователь.

Факт церковного и религиозного разделения в Речи Посполитой не мог быть устранен чисто формальным актом создания униатской церкви. Принцип «чья власть, того и вера» в условиях хрупкого сожительства двух различных цивилизационных принципов – русского и западного – вел бы не к религиозному компромиссу, а к прямому вмешательству государственной власти на стороне католической церкви. Все это вело к нарушению прав

русского православного населения, к гражданскому несогласию в самом обществе. Выход из положения был один. Оставить все так, как было до унии. Например, касаясь вопроса, почему православные не хотят принять новый (григорианский) календарь, православный полемист остроумно подмечает: если дело идет о согласии политическом, мы не видим, почему бы могла мешать ему теперь разность календарей, когда она не мешала ему прежде. А если дело идет о согласии духовном, то начинать его принятием календаря значило бы начинать с весьма тонкого конца; потому что за несколько лет пред сим мы имели один календарь и все-таки твердого согласия между нами не было, поскольку была разность в других вещах¹¹³.

Три законных и справедливых требования, соответствующих конституциям Речи Посполитой и королевским грамотам, предъявили православные на своем собрании в Бресте, подчеркивает Христофор Филалет. Это, во-первых, чтобы духовные, которые отступили от власти патриаршей, были наказаны лишением церковных должностей. Во-вторых, чтобы не было устроено соединение с Римской западной церковью без позволения патриархов и всей Восточной церкви, без основательного соглашения о всех разностях в вере. В-третьих, не принимать нового календаря, явно противного правилам церковным, сохранить нерушимо свободное употребление старого, на основании грамоты короля Стефана¹¹⁴. Законны эти требования были потому, что полностью соответствовали законодательству Речи Посполитой, в частности, Конституции Варшавской конфедерации 28 января 1573 года, провозгласившей религиозную веротерпимость в государстве. Справедливы же они были потому, что православное население, держа свое духовенство, вправе отказаться кормить тех священнослужителей, которые отреклись от православной веры.

Осуждая православное собрание за конфронтацию, Петр Скарга выступил не как открытый полемист против православия, прямо выставляющий свое католическое знамя, а как жалкий сикофант ордена иезуитов, лицемерно доказывающий, что уния, дескать, ничего нового в религиозную жизнь православных не вносит, но стремится лишь к общественному согласию¹¹⁵.

Наиболее значительная часть «Апокрисиса» Христофора Филалета посвящена разбору аргументов Петра Скарги о Римском Папе как верховном властителе всей христианской церкви. Петр Скарга, апеллируя к христианским и церковно-историческим источникам, доказывает, будто бы изначально римский епископ обладал верховной властью над церквами и епископами всего христианского мира¹¹⁶. Христофор Филалет, разбирая эту часть аргументации своего оппонента, убедительным анализом содержания евангельских историй раскрывает субъективизм скарговских доказательств¹¹⁷.

В то же время Христофор Филалет не ограничивается лишь тем, что с православной точки зрения показывает несостоятельность иезуитских аргументов Петра Скарги о верховенстве Римского Папы. Если бы автор «Апокрисиса» ограничился только таким опровержением доказательств ученого

иезуита, то он не вышел бы за пределы чисто богословской учености. Такой литературы с обеих сторон в то время было предостаточно. Великий мыслитель рассматривает данную проблему не по-богословски, а исторически. Именно такой подход отсутствует у Петра Скарги, что ставит его в научном отношении гораздо ниже православного автора.

Так, например, Христофор Филалет справедливо спрашивает: почему же римские епископы, имея привилегии от самого Апостола Петра, молчали о них в течение 600 лет? Ведь один из крупнейших римских пап, Григорий Великий, спустя 600 лет не только не приводил этих привилегий, отмечает православный автор, для подтверждения своего верховенства, но даже горячо восставал против того, чтобы кто-нибудь из патриархов или пап присваивал себе первенство и вселенское папство. Тот же Григорий Великий, указывает Христофор Филалет, титул вселенского епископа называл «титулом новым, нерассудным, глупым, служившим к пышности и наружному блеску, злым, суеверным, мирским, злостным, а также именем заблуждения, суеты, легкомыслия и хуления»¹¹⁸.

Объяснение этого высказывания очень просто. До определенного времени Римская церковь не могла претендовать на свое первенство в силу того, что это первенство принадлежало патриарху Константинопольскому, престол которого был главным престолом христианской церкви. Лишь по мере социально-экономического и политического упадка Византии постепенно утверждается ведущая роль римской курии в церковной политике христианского мира. Этот длительный процесс с взаимными трениями и конфликтами между Восточной церковью и римским костелом окончательно привел к церковному расколу (1054) на две конфессии: православную (Греческую) и католическую (Римскую). Христофор Филалет объясняет, что вся аргументация Петра Скарги о верховной власти Римского Папы, игнорирующая историю развития христианской церкви, базируется на папистском истолковании евангельских произведений и церковного предания вне всякой связи с историческими условиями развития церковной организации.

Широта кругозора автора «Апокрисиса» проявляется в том, что он в своем анализе церковной истории применяет все способы исследования, выработанные наукой того времени, относительно исторических памятников. Петр Скарга обычно констатирует тот или другой эпизод церковно-исторической литературы прошлого, который в выгодном свете представляет его точку зрения. Христофор Филалет, не ограничиваясь приведением цитаты какого-нибудь отца церкви, ставит своей целью рационалистически осмыслить и поставить литературные источники в соответствующие исторические условия.

Ученый иезуит в «Брестском соборе» и других своих произведениях воспроизводит лишь католическую схему церковной истории, а великий православный мыслитель пишет действительную философско-историческую

картину религиозной жизни человечества. Например, когда Петр Скарга приводит письмо Афанасия Великого, одного из отцов православной церкви в IV веке, к Папе Феликсу, в котором якобы Афанасий признает верховную власть Римского Папы, то Христофор Филалет на основании филологического анализа данного источника вскрывает подложный характер этого письма.

История римско-католической церкви со всей определенностью свидетельствовала, что в своих необоснованных претензиях римская курия не останавливалась перед подделкой и фабрикацией исторических источников в целях доказательства верховенства Римского папы в христианском мире. Одной из таких разоблаченных фабрикацией папского двора была так называемая грамота «Константинов дар» императора Константина I, данная якобы римскому епископу Сильвестру, на которой папство основывало свои притязания на руководящую роль в христианском обществе. Знаменитый итальянский гуманист Лоренцо Валла в трактате «О ложном даре Константина» (1440), впервые изданным немецким гуманистом Ульрихом фон Гуттенем в 1517 году, опираясь на исторические и филологические данные, неопровержимо доказал подложность этой грамоты. Наш великий соотечественник, знакомый с работой Лоренцо Валлы, приводит ее в качестве документа, разоблачающего действительную ценность всех аргументов Петра Скарги в защиту мнимых привилегий Римского Папы. Поэтому бесспорен выдающийся вклад автора «Апокрисиса» в развитие национальной культуры белорусского народа, культуры, преодолевавшей конфессиональный горизонт средневекового мышления и приобщавшейся к достижениям передовой гуманистической литературы той эпохи.

В разделе восьмом своей книги Петр Скарга защищает церковную унию тем доводом, что она не вносит никаких нововведений в религиозные отношения, а лишь восстанавливает церковное единство, существовавшее еще с Флорентийского собора 1439 года. Именно на этом соборе, по мысли Петра Скарги, произошло окончательно соединение (зъедночньне) греков и католиков, а Константинопольский патриарх Иосиф оставил завешание, в котором признал господином Восточной церкви Римского Папу. Флорентийский собор (1439) в униатском представлении явился историческим предшественником собора Брестского еще и потому, что во Флоренции митрополит Киевский и Всея Руси Исидор подписал Флорентийскую унию, соединившую, так сказать, русскую церковь с римским костелом. История Флорентийского собора вызывала страстную полемику между православными и католиками. Как же оценивает это событие автор «Апокрисиса»? Как настоящий рационалист и гуманист своего времени, прекрасно зная, что вся история папства является историей узурпации и насилия, он решает сложнейший полемический вопрос литературно корректно и логически безупречно. «Завешание Иосифа подложно, как и Константинов дар»¹¹⁹.

Еще один из аргументов, приводимых Петром Скаргой для оправдания церковной унии, – это указание на существующее неустройство в греческой церкви, являющееся следствием верховенства мирян над духовенством, овец над пастырями¹²⁰. Обращаясь к русскому народу, защитник униатов рассуждает о благотворном влиянии унии в плане восстановления порядка в русской церкви, в почитании русского духовенства наравне с римским. Христофор Филалет не без иронии замечает, что там, где господствует римская церковь, церковникам действительно принадлежит власть над мирянами. Но подобная власть клерикалов в государстве приносит не пользу обществу, как считает Петр Скарга, а громадное бедствие. Ведь, отмечает автор «Апокрисиса», даже светские люди католического исповедания сетуют на то, что католическая церковь в Польше нарушает государственные законы, запрещающие выдавать из Королевства так называемые аннаты¹²¹, которые по конституциям 1563 и 1569 годов должны были оставаться в стране для защиты государства. Известно также, что гражданские процессы, возникавшие между католиками-мирянами и церковниками, последние переносили на рассмотрение в Рим, выводя тем самым себя из-под юрисдикции государства. Подобные привилегии католической церкви как независимой частной корпорации были несовместимы с общегосударственными интересами и оказывали пагубное влияние на всю общественную жизнь.

Необходимость ограничения аппетитов католической церкви в Речи Посполитой признавалась всеми здравомыслящими людьми в государстве. Автор «Апокрисиса» обоснованно заключает, что православные миряне никак не могут согласиться, чтобы их духовные властители уподоблялись католическим плебанам¹²² и прелатам¹²³. Напротив, необходимо, чтобы духовенство знало пределы своей власти и не вмешивалось в светскую жизнь.

Разительно отличаются друг от друга эпилоги «Апокрисиса» и «Берестейского собора». Петр Скарга, предостерегая противников церковной унии, характеризует деятельность защитников православия как глупость, о которой не стоит вести и речи «о том глупстве шкода болш мовить»¹²⁴.

Видный иезуитский проповедник, ослепленный ложным блеском папского величия, апологет отживающих социальных отношений, оказался лишенным исторического чутья в своих советах господствующему классу Речи Посполитой. На этой антиисторической позиции стоит Петр Скарга и в своей книге «Предостережение Руси насчет жалоб и воплей Теофила Ортолога», написанной в 1610 году в ответ на работу Мелетия Смотрицкого «Плач восточной церкви». Негативное значение литературной деятельности Петра Скарги состоит в том, что она теоретически разоружила сознание польского общества, закрепила идейную и духовную стагнацию в государстве и ускорила наступление общенационального кризиса в Речи Посполитой.

Напротив, провидчески звучат заключительные слова Христофора Филалета, обращенные к господам сенаторам Римского исповедания, в

частности к Яну Замойскому, коронному канцлеру, одному из умнейших польских политиков, акцентируя их внимание на обязанность охранять законы, защищать свободу богослужения и предупреждая об опасности для всего государства, какую может породить эта новая и ненадежная уния, насильственно вводимая¹²⁵

8. Церковная уния и наше время

Сегодня, когда много говорится о необходимости развития национального самосознания белорусского народа, как никогда актуально звучат антиуниатские идеи «Апокрисиса» Христофора Филалета. Опираясь на историософию Христофора Филалета, не составит труда отыскать искомые понятия, которые не только выдвигались белорусским просветителем XVI века в качестве основополагающих элементов культуры нашего народа, но которые и сегодня реально функционируют в современной белорусской культуре. Вот эти понятия: *братскость, общерусскость, светскость*.

Братскость, или общинность – это понятие выстрадано нашим народом в ходе своей многострадальной и в то же время прогрессивной многовековой истории. Принцип братскости получает свое окончательное оформление на рубеже XVI – XVII веков, когда на территории Беларуси учреждается широкая сеть православных братств. Братскость национального самосознания указывает на решающего субъекта, творца национальной культуры. Человек труда, труженик – вот с кем в первую очередь ассоциируется понятие братскости.

Сегодня можно видеть ту опасность, когда развитие национального самосознания белорусского народа связывают не с трудящимся человеком, а с так называемыми приватизаторами. Фактически в настоящее время пропагандируется не идеал труда, а культ мамоны. Национальное самосознание, основанное на золотом идоле, на частной собственности, не объединяет людей, а разъединяет их. Не случайно современные скаргианцы так усиленно предлагают белорусскому народу вхождение в «общеевропейский дом», т.е. своеобразную унию нашего времени, потому что нет иного пути для разрушения нашего общества, кроме как превращения людей в жалких слуг западного капитала. Покровительствовать мамоне и в то же время фарисейски разглагольствовать о национальной культуре – значит смотреть на эту культуру сквозь иезуитские очки Петра Скарги и Сигизмунда III. Такое понимание национальной культуры антинародно и антинационально.

Общерусскость, или народность. Это понятие окончательно сложилось в то же время, что и понятие братскости в противовес иноземному немецко-латинскому и католическо-иезуитскому принципу общественного устройства. Посмотрим через призму понятия общерусскости на проблему развития белорусского национального самосознания. Не секрет, что в нашем обществе существуют латинизированные группы наподобие иезуитских коллегий XVI – XVII веков, которые под флагом возрождения национальной культуры контрабандой проводят идею недоверия ко всему русскому и

православному, с одной стороны, а с другой – фактически реанимируют средневековые взгляды Петра Скарги, занимаются безудержной апологией той части западной культуры, которая как раз характеризуется своим антируссизмом. Разве, вбивая клин между родственными по языку, территории, образу жизни народами (белорусским и русским), правомерно вести речь о подлинном развитии Беларуси? Нет. Вот почему, когда идет речь о возрождении белорусской национальной культуры, всегда следует сверять свои мысли с идеями нашего белорусского мыслителя, который под национальным развитием понимал не введение униатства, а проповедь общерусскости и братскости, потому что это были истины, в которых нуждались наши народы.

Светскость, или секуляризованность. Это понятие также органично входит в концепцию «Апокрисиса» о развитии белорусского народа. Православные братства были пронизаны не узкоцерковным представлением, а широкими национально-культурными и цивилизационными взглядами. В известном смысле можно утверждать, что православные братства закладывали основы светского мировоззрения белорусского общества, освобождая его от диктата церковных начальников. Вообще, религиозный характер сознания не содержит в себе необходимой связи с понятием национальности. Дело в том, что любая религия обращается не к человеку определенной национальности, а к человеку определенной конфессии. Для церкви важен не национальный, а конфессиональный признак. В этом историческая ограниченность религиозного сознания. Вот почему светскость национального самосознания – это его важнейший, атрибутивный признак.

Сегодняшняя социально-политическая и духовно-культурная ситуация в Беларуси во многом напоминает, разумеется, понимая историческую относительность подобной аналогии, время Брестской церковной унии. В этом аспекте совсем неумно выглядит попытка «национально-сознательных» литераторов (этих современных скаргианцев, в частности, Рыгора Бородулина) связать возрождение белорусской культуры с такой формой «национальной церкви» как униатство¹²⁶. Куда бы ни шло еще православие, которое в Беларуси в определенное время, начиная от возникновения Великого княжества Литовского и кончая примерно второй половиной XIX века, играло прогрессивную роль в деле защиты национального развития белорусского народа. Но выдавать униатство в качестве национальной религии белорусов – значит становиться на точку зрения какой хотите идеи, но только не белорусской. «Национально-сознательная» интеллигенция и прозападные партии не прочь разыграть в своей антинародной игре не только политическую, но и религиозную карту. Современные скаргианцы, выставяющие ярого противника русской православной веры униата Иосафата Кунцевича великим святым Беларуси, а униатство национальной религией белорусов, заботятся на самом деле не о возрождении белорусской национальной культуры, а ставят своей целью осуществить латинофикацию и западнизацию общественного сознания, что неминуемо приведет к денационализации нашего народа. Вместо

действительного свободомыслия и светского мировоззрения белорусскому народу навязываются клерикальные рецепты иезуита Петра Скарги и религиозное насилие униата Иосафата Кунцевича, ведущие к национальной и гражданской конфронтации в белорусском обществе. Подобная антинациональная политика чревата огромными социальными потрясениями в государстве и в конечном итоге, лишает белорусский народ подлинной перспективы национального развития.

Глава 5. СТРОИТЕЛЬСТВО ОБЩЕРУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Под знаком воссоединения с Россией

Общерусскую цивилизацию строили все русские: белорусы, великороссы, украинцы. Это строительство было территориальным, экономическим, церковным и культурным. В результате складывалась самобытная и жизнестойкая цивилизация со своими пространственными, временными и духовными параметрами. В самые тяжелые периоды национально-освободительной войны белорусов и украинцев против польских угнетателей Московское государство открывало свои границы, предоставляя место жительства своим общерусским братьям. В течение XVII – XVIII веков переселения белорусов и украинцев к востоку за Днепр носили непрерывный характер. Причем на восток бежали не только из ближайших приднепровских регионов Речи Посполитой, но даже с Волыни и Полесья, поскольку гнет польских панов в западных районах Беларуси и Украины был сильнее, чем на Киевщине и Могилевщине. Польско-литовское правительство всячески препятствовало подобному переселенческому движению, но наши предки снова уходили и нередко с боем пробивали себе дорогу к родной Восточной России. По глубокому замечанию М.Кояловича, «этому-то направлению, этому голосу народа, объявлявшего, что спасение для него – в восточной России, последовал и Хмельницкий»¹²⁷.

Белорусы принесли в Восточную Россию новое слово – мещане. В 1679 году за Сретенскими воротами для них была построена Мещанская слобода, и мещане были взяты в ведомство Малороссийского приказа¹²⁸. Существует точка зрения, что белорусские мещане во многом определили формирование московского говора с характерным для него аканьем, который лег в основание великорусского литературного языка.

Тесное переплетение между белорусами и великороссами, их совместное участие в строительстве общерусской цивилизации происходило в религиозно-церковной и духовной сферах жизни общества. Общеизвестно, что преподаватель Полоцкой братской школы Симеон Полоцкий одновременно был выдающимся белорусским и русским общественно-политическим и церковным деятелем. Переехав в 1664 году из Полоцка в Москву, Симеон Полоцкий становится одним из виднейших сподвижников царя Алексея Михайловича. Белорусский просветитель был не только воспитателем детей Алексея Михайловича, но и активным разработчиком проекта создания Славяно-греко-латинской Академии в Москве по образцу Киевской Академии. Симеон Полоцкий стоит у истоков формирования русской поэзии и русского театрального искусства. Большую помощь Симеон Полоцкий оказал Алексею Михайловичу на церковном поприще. Он поддержал русского царя в его религиозно-политической борьбе с Патриархом Никоном. На Московском соборе 1666 года была рассмотрена и издана книга Симеона Полоцкого «Жезл

правления», направленная против раскольников. В то же время раскольники оказали влияние на белорусскую церковную жизнь. Именно среди белорусов сторонники протопопа Аввакума получили широкое распространение, подтверждая тем самым факт существования тесных древних устоев общерусской жизни наших народов.

Интенсивный культурный обмен в рамках общерусской цивилизации происходил между Великой Россией и Малой Россией. Достаточно указать, что Киевская Академия вплоть до конца XVIII века поставляла в Восточную Россию высших церковных иерархов и богословов.

В общем, не подлежит никакому сомнению самое деятельное участие всех представителей восточнославянской народности в созидании своего общерусского Отечества. Иногда даже затруднительно определить, кто больше положил сил на общерусский алтарь: полочанин Скорина или москвитин Иван Федоров, подолянин Мелетий Смотрицкий или холмогорец Михаил Ломоносов, киевлянин Феофан Прокопович или псковитянин Василий Татищев, белорус Михаил Коялович или великоросс Сергей Соловьев? Видимо, в истории нельзя сказать, кто больше, а правильное – кто дольше. А это уж зависело не от умственных и психических способностей, а от физических возможностей каждого из них. Кроме того, не будем забывать, что главную роль в строительстве общерусской цивилизации играли не отдельные выдающиеся личности, а сами наши народы.

В процессе дальнейшего исторического развития Беларуси происходит разделение первоначально древнего русского народа, как именовали себя белорусы и украинцы в XVI – XVII веках, на два, хотя и родственных, но отдельных народа. Более или менее фиксированным этапом в этом процессе складывания собственно белорусского народа, не растворявшегося уже в едином древнем русском народе, можно считать вторую половину XVIII века. В этом плане симптоматично высказывание белорусского епископа Георгия Конисского (выходца из православной украинской шляхты) на коронации Екатерины II, где бывший ректор Киевской Академии прямо говорит о православном белорусском народе, ожидающем избавления в Польше от национально-религиозных гонений. Примечательно, что на коронации Георгий Конисский приветствовал Екатерину II как государыню не только от своего имени, но и от земель Беларуси¹²⁹. К этому времени относится завершающий этап формирования и великорусской народности. «Грамматика русского языка» Михаила Ломоносова вбирает в себя все лучшее от общерусской грамматики Мелетия Смотрицкого.

Начинается сожителство трех братских народов – великорусского, белорусского, украинского, составляющих единую общерусскую цивилизацию, разделенную пока политическими границами.

Весь XVIII век до окончательного раздела Речи Посполитой в 1795 году характеризуется ожесточенной борьбой белорусов и украинцев против польских панов и католическо-униатских священнослужителей и миссионеров. Эта борьба

с обеих сторон принимала такие чудовищные формы, что порою воскрешала самые мрачные страницы из истории религиозных войн. Крупное восстание белорусских крестьян против польских феодалов было в 1740 – 1744 годах в Кричевском старостве, принадлежавшем князю Радзивиллу. Последний обложил непомерными повинностями не только крестьян, но даже мелкую белорусскую шляхту и православное сельское духовенство. Восстание продолжалось четыре года. С помощью королевских войск князю Радзивиллу удалось расправиться с восставшими. «Многих мужиков, поймав, за ребра на кручье, других по деревьям перевешено», – отмечал современник¹³⁰.

Крупнейшим национально-освободительным движением на Украине было знаменитое Уманское восстание в 1768 году под руководством Ивана Гонты и Максима Железняка. Оно распространилось с необыкновенной быстротой и подходило к границам Волыни и Беларуси. Только помощь царских войск спасла поляков от всеобщего пожара истребительной войны белорусов и украинцев против шляхты и католическо-униатской церкви. Символично, но восставший народ совместно с казаками шел на Умань – владение польского магната Потоцкого – под русским военным знаменем. Польские историки, замалчивая причины национально-освободительных восстаний в Беларуси и на Украине, обычно объясняли их «дикостью», «грубостью», «невежеством», «гультайством» белорусов и украинцев, «поддержкой царизма», «агитацией православного духовенства»¹³¹.

Несмотря на жестокое подавление крестьянских восстаний в Беларуси и на Украине, было очевидно, что процесс воссоединения белорусов и украинцев с русским народом остановить нельзя. Хотя официальные российские представители в Польше (например, русский посол в Варшаве князь Репнин – друг польской знати) весьма недружелюбно относились к защитникам белорусского и украинского крестьянства в Польше, в частности, – к белорусскому епископу Георгию Конисскому, однако, остановить стремление белорусов к воссоединению с Россией уже было невозможно.

Поэтому, с исторической точки зрения присоединение Беларуси к России в конце XVIII века, несмотря на конъюнктурную политику царизма, следует считать прогрессивным событием, устранившим угрозу денационализации, то есть исчезновения белорусского народа.

Выдающиеся историки и философы однозначно оценивали государственное устройство Речи Посполитой как исторический анахронизм, как самую примитивную общественную форму. Ни для кого не составляло тайны, что узкоэгоистические интересы польско-литовского магнатства ведут к гибели само государство. Видный польский мыслитель и гуманист XVI века Анджей Моджевский писал: «Не нужно предсказаний астрологов, чтобы увидеть, что спесь и крайний произвол приведут это королевство ни к чему иному, как только к гибели»¹³². Крупнейший просветитель и подвижник славянского единства во время царствования Алексея Михайловича хорват Юрий Крижанич, прекрасно знакомый с устройствами различных государств,

отмечал, что «Польское государство находится в состоянии величайшего упадка»¹³³. И даже современные литовские историки признают, что «шляхетская демократия... к концу XVIII века выродилась в полную анархию»¹³⁴

Белорусский историк Михаил Коялович в своей «Истории воссоединения западных униатов старых времен» (1873) аргументированно обосновал положительное значение раздела Речи Посполитой для нашего народа.

Разделы Речи Посполитой в конце XVIII века подвели черту под целым периодом истории Беларуси и Украины, когда последние наконец-то освободились от неестественной цивилизационной связи с Польшей. Екатерина II имела полное право в знак этого исторического события выбить медаль с надписью «Отторгнутое возвратих». Историческая правда состоит в том, что Россия объективно играла прогрессивную роль в деле освобождения Беларуси и Украины от польского гнета.

2. Фальсификации «национально-сознательных» литераторов о польском восстании 1794 года

«Национально-сознательные» литераторы много пролили лицемерных слез насчет агрессивности России, «о русском империализме и его опасности». Но вот проблема: они почему-то помалкивают об агрессивности западных государств, в частности, Германии в отношении славянских стран. Исторически установлено, что главным инициатором раздела Речи Посполитой выступил прусский король Фридрих II. Напротив, Россия как раз не была заинтересована в разделе Польши и всячески старалась сохранить Польское государство в этнических границах в качестве славянского противовеса милитаристской Пруссии и реакционной Австрии. Только лишь неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства (война с Турцией, поддержка Пруссии Англией) заставили царское правительство уступить домоганиям Фридриха II.

В результате раздела Речи Посполитой все этнографические польские земли были захвачены Австрией и Пруссией. Кроме того, оба немецкие государства прихватили еще по изрядному куску белорусских, украинских и литовских земель. Австрия присоединила к себе Галицию со Львовом, а Пруссия – занеманскую Литву и Подляшье с Белостоком.

Второй раздел Речи Посполитой (1793) вызвал национально-освободительное движение польского народа во главе с Тадеушем Костюшко. Восстание началось в марте 1794 года и продолжалось до ноября.

Самая большая фальсификация русофобов о восстании 1794 года состоит в несостоятельном отождествлении интересов польской шляхты с интересами белорусского крестьянства. Рисуется совершенно ложная картина, будто бы восстание 1794 года за независимость Польши было одновременно и восстанием белорусов против России. Это – чудовищная иезуитская ложь. Чтобы убедиться в нелепости подобного утверждения, достаточно перечислить наиболее важные пункты польского восстания: Краков, Рацловицы, Поланец, Щекоцины, Великая

Польша, Варшава, Мацеевице, Вильно. Перечисленные пункты, за исключением Вильно, находились на этнической территории Польши. Ни одного, даже самого маленького очага повстанцев не было в Беларуси, хотя польская шляхта и старалась привлечь белорусское крестьянство к своей борьбе против России. Но белорусский народ остался глух к призывам польской шляхты. Иначе и быть не могло. Белорусы прекрасно понимали, что их враг – не Россия, а польский пан и латинский иезуитизм. Сами католические миссионеры, видя провал своих проповеднических трудов в среде белорусов, в сердцах произносили: «Грубый и окаменелый в схизме (православии. – Л.К.) народ»¹³⁵. Еще после первого раздела Речи Посполитой та часть нашего народа, которая осталась под властью польского правительства, в своем прошении на имя Екатерины II высказывала следующую замечательную мысль: «Когда же и для нас взойдет солнце, когда и мы будем присоединены к единой России, избавимся от ига Польского!»

136

Крупнейшей политической ошибкой польского повстанческого правительства было требование восстановления Польши в границах 1772 года, т.е. включения в состав Польского государства белорусских и украинских земель. Разумеется, такая программа в корне подрывала саму идею восстановления национальной независимости. Нельзя было освободить польский народ от чужеземного гнета (пруссиков и австрийцев), не освобождая белорусов и украинцев от польского гнета. Собственно территория национально-освободительного движения свидетельствует о той непреложной истине, что, в лучшем случае, это было восстание польского народа за независимость своей родины.

Другая фальсификация русофобов заключается в том, что они рассматривают восстание 1794 года как что-то однородное и цельное в социально-классовом отношении. На самом деле все обстояло по-другому. С точки зрения социального состава восстание 1794 года характеризуется своей неоднородностью, полярностью. Если повстанческое руководство в основном смотрело назад (Польша в границах 1772 г.) и тем самым объективно низводило значение национально-освободительного движения до обыкновенной войны польской шляхты с Россией и Пруссией, то народные массы (крестьяне и горожане) национально-освободительную борьбу тесно связывали с социальным освобождением от панского гнета. В польском восстании 1794 года была сильная демократическая яacobинская струя, наложившая свой отпечаток на весь ход национально-освободительного движения.

Среди восставшего народа было сильно влияние варшавского «Яcobинского клуба». По инициативе последнего 9 мая варшавяне потребовали казни изменников Родины. Повстанческое руководство вынуждено было уступить требованиям народных масс. Были казнены четыре деятеля старого марионеточного правительства, сотрудничавшего с прусским и царским

правительствами: великий коронный гетман Ожаровский, литовский польный гетман Забелло, епископ Юзеф Коссаковский и маршалок Анквич. Лозунг варшавян «Кара изменникам Родины» созвучен лозунгу французских якобинцев – «Роялистов на фонари». 28 июня варшавяне устроили новый народный трибунал, повесив еще ряд изменников. Среди них были: князь Четвертинский и виленский епископ Массальский.

Становилось очевидным, что национально-освободительное восстание перерастает в социальную революцию. Польская шляхта забеспокоилась за свою судьбу и пошла на сговор с прусским и царским правительствами. Так, брат польского короля, примас Михал Понятовский обратился к пруссакам с просьбой ускорить штурм Варшавы и даже указал наиболее уязвимые места в обороне города. Письмо было перехвачено. Гнев народа был беспределен. Варшавяне стали обвинять самого короля в национальной измене. Примас Михал Понятовский, не желая быть повешенным, покончил жизнь самоубийством. В Варшаве разыгрывался сценарий французской революции. Польские магнаты решили никоим образом не допустить подобного развития событий. Пытаясь сохранить свои сословные привилегии, они пошли на национальное предательство, сорвав тем самым план Тадеуша Костюшко создать крестьянскую повстанческую армию в 300 тыс. человек. Судьба восстания была предрешена.

После Третьего раздела Речи Посполитой царское правительство не оставляло мысли восстановления Польского государства. Этим объясняется лояльное отношение к польским повстанцам со стороны царизма. Павел I практически всех поляков вернул из сибирской ссылки и возвратил им конфискованные у них имения. К слову сказать, даже Тадеуш Костюшко получил земельный подарок от Павла I. Но польские историки почему-то скрывали этот факт. Похоже, они полагали, что это может выставить Тадеуша Костюшко в невыгодном свете. Совершенно напрасно. Никто не сомневался в демократизме вождя польского восстания. Своим отказом от сотрудничества с Наполеоном Тадеуш Костюшко лишний раз подтвердил верность демократии и не питал иллюзий в отношении французской буржуазии, стремящейся использовать польские легионы в своих захватнических целях. Видимо, в душе Тадеуш Костюшко понимал, что подлинная свобода Польши невозможна в войне против России.

При Павле I польская шляхта была приравнена к русскому дворянству и русскому чиновничеству. Она получила право избирать местные органы власти: делопроизводство велось на польском языке. Фактически, власть поляков в Беларуси стала еще сильнее, чем во времена Речи Посполитой. Подтверждение этому – судьба польского магната Адама Чарторыйского. В царствование Александра I Адам Чарторыйский был даже заместителем министра иностранных дел России. Опираясь на дружеские отношения с Александром I, умело обыгрывая польский вопрос во внешнеполитической деятельности России, Адам Чарторыйский полностью восстановил польское влияние в

Беларуси и на Украине. Одновременно было восстановлено значение католической церкви в духовной жизни белорусского народа. Парадоксально, но царское правительство сохранило в Беларуси иезуитский орден, который явно действовал в антирусском духе, хотя даже поляки в 1772 году ликвидировали у себя эту антинациональную заразу. Громадные имения иезуитов были отданы на устройство народных училищ и на преподавание на польском языке. Павел I, став гроссмейстером мальтийского ордена, еще больше укрепил положение иезуитов и римско-католической церкви в Беларуси. Он во многом поспособствовал полонизации нашего народа. Поляки оказались господствующей нацией в Беларуси.

Необъяснимый на первый взгляд союз царского правительства с польской шляхтой и католической церковью тем не менее имел свои причины. Дело в том, что царское правительство очень настороженно относилось к деятельности православных священников в Беларуси и на Украине. Православие, будучи в Речи Посполитой угнетенной религией, в основном выражало интересы белорусского и украинского крестьянства. После раздела Речи Посполитой белорусские крестьяне вполне обоснованно считали, что тем самым покончено не только с национально-религиозным угнетением, но и социальным. Таким образом, православие становилось знаменем борьбы белорусского народа против гнета польских помещиков. Это всегда чувствовало царское правительство и этого оно больше всего боялось. Отсюда и то правительственное покровительство польской шляхте и католическо-униатской церкви, что приводило в недоумение православных иерархов. Отсюда всяческая задержка с решением униатского вопроса в Беларуси. Белорусский епископ Георгий Конисский забрасывал своими прошениями Синод Русской православной церкви, но так и не мог добиться ясного ответа, почему белорусскому народу нельзя добровольно переходить из униатства в православие.

Только лишь с течением времени, когда религиозный фактор все более и более утрачивал свою национальную и общесоциальную функцию и превратился в частноконфессиональное явление, борьба между белорусским крестьянством и польским помещиком стала разворачиваться под чисто светскими и народническими лозунгами.

Таким образом, не Россия погубила Польское государство, а антирусская и латинско-иезуитская политика господствующего класса Речи Посполитой привела ее к гибели. Если Польша, опираясь на поддержку русского народа, сумела противостоять немецкой агрессии в 1410 году, то в результате последующей неразумной антирусской политики она стала жертвой немецкого капитала и прусского милитаризма в конце XVIII века, а затем и немецкого фашизма в 1939 году.

Исторический опыт свидетельствует, что всякая попытка правительства Польши разыграть антироссийскую карту в своей политике неизбежно приводила к самым плачевным результатам для Польского государства. Только

союз русского и польского народов является основой стабильности на европейском континенте и гарантией независимости Польши.

3. Панский синдром

Воссоединение Западной Белоруссии с Советской Белоруссией обыкновенно встречаются в современной Польше очередным приступом русофобии и антисоветизма. Этой антироссийской кампании на берегах Вислы активно подыгрывают так называемые «демократы» в Беларуси и России. В своих изданиях они всячески обеляют недалёковидную политику польского правительства в 1939 г. и всю вину за разгром Польши возлагают на руководство СССР. Это не случайное явление, а глубинная позиция как нынешних властей в Польше, так и их прозападных адептов в Беларуси и России. Обусловлена эта позиция ненавистью к России и раболепием перед западными правительствами.

Словесная приверженность принципам демократии и независимости некоторых правительств постсоциалистических стран зачастую оказывается в полном разладе с практической политикой. Характерный пример – политика нынешнего польского правительства. Реанимируя исторические предрассудки польского панства, современный правящий класс Польши теряет всякое чувство политического такта и национального достоинства. Демократия и независимость – это, конечно, хорошо. Но разве русофобия и антикоммунизм – это непрменные атрибуты демократии и независимости? И разве раболепие перед дядюшкой Сэмом тождественно национальным интересам Польши? «Слушайте нашего посла, он скажет, что вам делать», – советовал Дж. Буш польской правительственной делегации во время ее визита в США в апреле 1992 года.¹³⁷

Чем обусловлена очевидная проамериканская ангажированность современной польской политической элиты, ничего общего не имеющая с национальными интересами Польши? Думается, во многом такое поведение порождено неадекватным восприятием прошлой и современной действительности Польши. Сущность подобной неадекватности наиболее выпукло представлена в психологии и мировоззрении польского панства, считавшего себя неподвластным историческому развитию. Отсюда и его политический принцип мышления – либерум вето, то есть что хочу, то и ворочу. Белорусский народ, хорошо знавший природу польского пана, метко окрестил его поведение как безмозглое. С чем, кстати, вынужден был согласиться даже Черчилль, отмечавший, что «добрый Бог дал полякам много достоинств, но даже на грош не дал им политического рассудка».¹³⁸ В самом деле, история жестоко наказывала Польшу за безмозглость ее правителей.

Нормальные люди, в том числе и политики, как известно, учатся на собственных ошибках. Но не такова «демократическая» польская элита. Неадекватность ее политического мышления и поведения заключается в том, что во всех бедах, выпавших на долю польского народа, она обвиняет не собственных правителей, а другие государства, прежде всего Россию. Подобная

аберрация политического мышления была характерна даже для крупных польских писателей, например, Адама Мицкевича и Генрика Сенкевича. Первый, исходя из своих романтических мечтаний, не стеснялся брататься с откровенным диктатором Европы – Наполеоном III, а другой в своих исторических романах в иносказательной форме инсинуировал против России и русского народа.

Взять, к примеру, разделы Речи Посполитой в XVIII веке, как наиболее расхожий аргумент польских политиков против России. Хотя Россия не заняла ни клочка исконно польских земель, а лишь осуществила вековую мечту братских народов о воссоединении, почему-то именно против нее направлены польские стрелы. Разве это не безмозглость? Кому же в действительности достались исконные польские земли? Двум немецким государствам – Австрии и Пруссии. Самое любопытное, что главным инициатором раздела Польши была Пруссия в лице своего короля Фридриха II. Польская элита, ослепленная и одурманенная русофобией, не хочет признать очевидного исторического факта: идея раздела Польши – это чисто западный проект. Возник он на Западе еще в XIV веке. Германский император, браденбургский маркграф и Тевтонский орден уже тогда составили план раздела Польши.

Польское правительство добилось вступления в НАТО, не понимая того, что такая политика есть не что иное, как новое издание старой прусской идеи раздела страны. Весь анализ показывает, что вхождение Польши в НАТО облегчит и санкционирует Германии экономическое, культурное и политическое господство на польских землях. И «чем громче поляки будут кричать о своих моральных и территориальных потерях на Востоке, о необходимости «репараций и компенсаций» со стороны восточного соседа, тем быстрее они приблизят своими криками время, когда немцы решительно и бесповоротно отберут у них свои силезские и прусские земли, подаренные Польше Сталиным в 1945 году, и тоже потребуют «репараций и компенсаций».¹³⁹ Напомним, «что в Конституции Германии, - акцентирует внимание польский профессор Анджей Зависляк, – остается действительной статья 116, провозглашающая существование немецкого рейха (в юридическом смысле) в границах 1937 года. А поскольку эта статья сохраняется, можно догадаться, что для немецких законников вопрос о польской границе остается открытым».¹⁴⁰

4. Цивилизационное единство белорусского и русского народов как фактор победы в Отечественной войне 1812 года

В 2012 году белорусско-российское общество отметило важную дату в истории наших братских народов – 200-летие Отечественной войны 1812 года. Актуальность этого исторического события обусловлена тем, что современные «переоценщики» исторических фактов стремятся фальсифицировать не только конкретные события Отечественной войны 1812 года, но и весь смысл истории нашего общего Отечества. Они

стараятся изобразить дело таким образом, что эта была обыкновенная русско-французская война, ничего общего не имеющая с защитой Отечества. Всячески стремятся польскую шляхту назвать белорусской, а польские военные формирования Иосифа Понятовского, Доминика Радзивилла и других наполеоновских марионеток представить в качестве белорусских корпусов, воевавших на стороне французов. При этом ставят знак равенства между агрессорами и защитниками Отечества, лицемерно призывают вспомнить всех земляков, воевавших, дескать, по обе стороны, насыпать в их честь курганы, поставить им памятники. Так фальсифицируется Отечественная война 1812 года в Беларуси, когда, как справедливо заметил Президент Александр Лукашенко, пытаются «растворить наше прошлое в истории как Польши, так и Литвы». Вот почему восстановление исторической правды об Отечественной войне 1812 года важно для понимания подлинной истории нашей страны, общности исторических судеб белорусов и русских и сохранения их единства как главного условия развития Беларуси и России в современном мире.

Сражение за свою историю

Отечественная война 1812 года – эпохальное событие в истории белорусского народа. Эта была война не только против вражеского нашествия, но и война за свою культуру и веру, за право иметь свое Отечество, за свое историческое развитие. «Всеобщая война народов против Наполеона, – писал Ф. Энгельс, – была ответной реакцией национального чувства, которое Наполеон попирает ногами у всех народов»¹⁴¹.

Проблема здесь еще и в том, что наполеоновское нашествие для Беларуси представляло собой одновременно и польское нашествие с целью восстановления власти польского панства на белорусских землях. Не следует забывать того, что прошло совсем немного времени, когда белорусский народ освободился от национального и религиозного угнетения польских магнатов. Весь XVIII век до окончательного раздела Речи Посполитой в 1795 году характеризуется ожесточенной борьбой белорусов против польской шляхты. Крупное восстание белорусских крестьян против польских феодалов произошло в 1740 – 1744 годах в Кричевском старостве, принадлежавшем польскому князю Иерониму Радзивилу, одному из наиболее омерзительных угнетателей белорусского народа. Лишь только с помощью королевских войск Иерониму Радзивилу удалось расправиться с восставшими крестьянами. «Многих мужиков, поймав, за ребра на кручье, других по деревьям перевешено», – отмечал современник¹⁴².

Несмотря на жестокое подавление крестьянских восстаний в Беларуси, было очевидно, что процесс воссоединения белорусов с русским народом остановить было нельзя. Белорусы прекрасно видели и понимали, что их главный враг – польский пан и латинский иезуитизм. Сами иезуитские миссионеры, видя провал своей политики среди белорусов, в сердцах и произносили: «Грубый и окаменелый в схизме (православии – Л.К.) народ»¹⁴³. Еще после первого раздела Речи Посполитой та часть нашего народа, которая осталась во власти польского правительства, в своем прошении на имя Екатерины II высказала проникновенную мечту: «Когда же и для нас взойдет солнце, когда и мы будем присоединены к единой России, избавимся от ига Польского!»¹⁴⁴. С исторической точки зрения присоединение Беларуси к России в конце XVIII века, несмотря на крепостническую политику царизма, следует считать прогрессивным событием, устранившим угрозу денационализации белорусского народа.

Таким образом, Отечественная война 1812 года против наполеоновского нашествия была для белорусов одновременно и национально-освободительной войной против польской агрессии.

Моральный облик польских помещиков

Общеизвестно, что после разделов Речи Посполитой польские помещики сохранили все свои сословные привилегии и земельные владения в Беларуси, хотя и ненавидели как белорусских крестьян, так и российскую власть. Тем не менее, несмотря на свою ненависть ко всему русскому и православному, они занимали господствующее положение как в дворянском сословии, так и на государственной службе. Например, Людвиг Каминский был председателем Минского главного суда, Игнатий Монюшко – минским уездным предводителем дворянства, Михаил Пузына – минским подкоморием. Но как только наполеоновские войска подходили к Минску, то все они радостно приветствовали французов как своих избавителей от власти российского императора Александра I. «Непобедимые войска Великого Наполеона, императора французского, короля Италийского, избавителя Польши, сегодня вступили в наш Минск», с восторгом сообщает «Gazeta Minska»¹⁴⁵. С такой же эйфорией были встречены польской шляхтой французы и в Борисове. В городе была учреждена временная администрация из польских помещиков: Пиуса, Тышкевича, Воловича, Слизни и Стацевича, которые горячо приветствовали своих, как они говорили, освободителей. Таким же образом встречали французов польские помещики и чиновники и в других белорусских городах, стараясь при этом передать в руки захватчиков находившееся в их ведении государственное имущество.

Чтобы рельефнее оттенить нравственный уровень польской знати, приведем прокламацию комиссии временного правления Минской губернии, учрежденной приказом наполеоновского маршала Даву: «Граждане – поляки! Час нашего счастья наступил. Попечением величайшего из монархов и мужеством непобедимых войск его мы возвращены отчизне. Временное правительство, учрежденное по приказанию князя Экмюльского, маршала французской империи, объявляет вам правило оного и доводит до сведения вашего о столь радостном для сердца поляков событии, в надежде, что каждый добрый поляк будет содействовать его начинаниям, направленным к счастью отечества и осуществлению предначертаний Великодушного Избавителя, Великого Наполеона»¹⁴⁶.

И это произносили люди, многие из которых были награждены русскими государственными орденами и присягнувшие на верность Александру I. Более гнусного отношения польской шляхты к понятиям чести и верности присяге представить себе нельзя. И вообще, какова стилистика! Как это похоже на воззвания фашистских прислужников времен Великой Отечественной войны, для которых Гитлер был «освободителем» их отчизны.

Налетела саранча

В отличие от польской шляхты белорусское население с первых же дней войны поднялось на борьбу против захватчиков. Крестьяне повсеместно выходили из повиновения польским помещикам, ярым приверженцам Наполеона. Они со всем своим имуществом скрывались в лесах или отходили вместе с отступающими русскими войсками, так что вступление французов в опустевшие деревни совсем не походило на торжественные встречи их со стороны польской шляхты и как нельзя лучше показывало, что захватчики находятся не в польской стране, а на белорусской земле. Таким образом, в самый судьбоносный момент нашей исторической жизни во всей своей силе проявилось цивилизационное единство белорусов и русских, которое и было главным фактором победы наших братских народов в Отечественной войне 1812 года.

Значительную роль в своей завоевательной политике в Беларуси Наполеон отводил именно польским администрациям и польским войскам, входившим в состав его Большой армии. В Могилеве находится польский корпус князя Иосифа Понятовского, генерал Домбровский охранял Могилев, Минск и коммуникации между ними, а генерал Брониковский был назначен

Наполеоном минским губернатором. Из Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области Наполеон образовал Временное правление Великого Княжества Литовского, а в Могилевской и Витебской губерниях были созданы свои особые правления, состоявшие из польских помещиков и ксендзов. Цель этих марионеточных администраций заключалась в том, чтобы обеспечивать захватчиков продовольствием, одеждой и дополнительными воинскими формированиями для охраны коммуникаций в Беларуси и борьбы с русскими войсками и белорусскими партизанами. Так польский князь Доминик Радзивилл, который владел Несвижем, сформировал целый полк для Наполеона. Полк этот во время Отечественной войны был почти полностью уничтожен. Русский адмирал Чичагов сообщал Александру I, что уцелевших польских вояк Радзивилл отправил в Несвиж с обозом в 50 возов с награбленной в Москве добычей. Обоз этот попал в руки русской армии. Князь Радзивилл разразился по этому случаю оскорбительными для русских воинов намеками. За это, пишет Чичагов, я позволил порыться в подвалах его замка. Там нашли сокровища: жемчуг, бриллианты, золотые монеты и т.д., которые были награблены радзивиллами в течение нескольких веков их господства в Беларуси.

Вся польская шляхта в Беларуси приняла присягу на верноподданство Наполеону. Принявшие присягу получали цветную кокарду, которую обязаны были носить на рукаве. Нечто вроде бело-красно-белой полицейской повязки и герба «Погоня» во время фашистской оккупации Беларуси. Активно французским захватчикам помогали и другие слои польского общества. Так полоцкие иезуиты в течение четырех месяцев обеспечивали продовольствием весь штаб наполеоновских военачальников - сначала Удино, а потом Сен-Сира. Разумеется, Наполеон меньше всего думал о реализации польских мечтаний. Для него важно только снабжение своей армии. Как говорил маршал Даву в Могилеве, Наполеон требует от поляков трех вещей: «хлеба, хлеба и хлеба».

Вторжение армии Наполеона в пределы Беларуси сразу же, как признавали сами французские генералы, «приняло характер варварского нашествия». Беспощадный грабеж белорусского населения при содействии польской шляхты стал системой снабжения наполеоновской армии с первых же дней войны. Войска Наполеона, точно саранча, истребляли все на своем пути. Солдаты грабили население, забирали у него продовольствие, скот, лошадей, ломали и жгли постройки, табунами лошадей кавалерии и артиллерии уничтожали посевы и травы. Отряды фуражиров и банды мародеров разбойничали, расстреливали мирных жителей, насильничали, отнимали имущество, деньги и ценности.

17 июня 1812 года в Гродно прибыл брат Наполеона, вестфальский король Жером Бонапарт с корпусом вестфальцев и польским корпусом Понятовского. Он разрешил своим войскам (немцам и полякам) открыто грабить население города. «Жером потребовал от населения города полмиллиона порций хлеба, говядины и водки»¹⁴⁷. На пути своего движения войска Жерома Бонапарта разграбили Слуцк. «Наступил грабеж, люди уходили куда могли. Солдаты бегали по домам, рубили шкафы и сундуки...одни с нагайками, другие саблями обнаженными требовали денег»¹⁴⁸.

Повсеместное разорение учинили на своем пути до Витебска французские и итальянские солдаты корпуса, которым командовал итальянский вице-король Евгений Богарне. Проходя через местечко Докшицы, они полностью разграбили его и сожгли. «Такое большое село, как например, Задвинская Слобода в 120 дворов, находившееся в 10 километрах от Бешенкович, было разграблено, сожжено и навсегда исчезло с лица земли»¹⁴⁹. И так повсюду, как в Беларуси, так и в России.

Рассказывают такой случай с пророческим оттенком. Какой-то польский генерал, квартировавший в Могилеве, проходя мимо огорода, заметил старуху, которая согнувшись, тщательно чего-то искала. Генерал спросил ее, чего она там ищет? – Та ответила, что ищет что-нибудь из овощей после грабежа французов. Тогда генерал спросил, помнит ли она такое тяжелое время для жителей? – А как же, ответила старуха, помню, было такое время, когда налетевшая саранча все истребила, да тогда наступили морозы и саранча погибла.

Наглядное представление о масштабах наполеоновского грабежа дает гибельная переправа французов через Березину у деревни Студенки. Как рассказывает историк XIX века Адам Киркор, «в Березине много было найдено в каретах, фургонах, ящиках – денег, драгоценностей. Все это забирали крестьяне, развозили по господским домам и продавали за бесценок. Золотые часы, цепочки, кольца, серебряные сосуды и несессеры продавались за несколько копеек. Железных разных изделий собрано было столько, что железа хватило для домашнего употребления лет на двадцать. Находилось много таких предметов, как, например, мраморные статуи, большие картины и т.п. Конечно, все эти предметы были награблены»¹⁵⁰.

Борьба белорусского народа против наполеоновских захватчиков

Политика грабежа и насилия, которую осуществляли наполеоновские солдаты в Беларуси, еще больше усиливала ненависть белорусского народа к иноземным поработителям. Крестьяне и жители городов делали все для

того, чтобы сорвать мероприятия наполеоновских войск по сбору продовольствия, гужевого транспорта, одежды. Жители оставляли свои дома и уходили в леса, угоняли скот, прятали продовольствие и другое имущество.

На ход борьбы, на ее формы и методы значительное влияние оказывала специфика природных условий того времени. Территория белорусского края в то время была покрыта огромными лесными массивами и сильно заболочена, вследствие чего повсюду царило большое бездорожье. Знание лесистой и заболоченной местности, ее дорог и троп, умение свободно ориентироваться при передвижениях было большим преимуществом белорусов перед чужеземцами. Это преимущество и особенно возможность использовать места надежных укрытий в непроходимых для врага лесах объективно способствовали успешной борьбе белорусского народа против наполеоновских захватчиков.

В начальный период, пока русские армии отходили в глубь страны, белорусы оказывали им всемерную помощь продовольствием, подводами, давали надежных проводников и разведчиков, и даже принимали участие в боевых операциях вместе с русскими войсками. В этом плане особенно примечателен подвиг белорусского крестьянина Слуцкого уезда. Дело было так. Польский корпус князя Понятовского, принимавшего участие в преследовании 2-й русской армии Багратиона, выслал отряд поляков в местечко Грозово с предписанием забрать у жителей этого местечка 35 тысяч фунтов хлеба, 150 волов, 250 гарнцев водки, 120 пудов овса и 250 фунтов соли и доставить все это продовольствие в местечко Копыль Слуцкого уезда. В предписании указывалось, что оно должно быть приведено в исполнение под угрозой «строжайшей военной экзекуции». Крестьянин, взявший на себе роль проводника польского отряда, сумел привести его в расположение русской армии. Грозное предписание было передано командующему русской армии князю Багратиону. Неприятельский отряд был уничтожен. Жаль только, что имя и дальнейшая судьба белорусского крестьянина, совершившего героический поступок, остались неизвестны.

Большую помощь оказывал белорусский народ русской армии сбором и передачей сведений о неприятеле. «Мы своевременно узнавали, - писал один из русских офицеров, - не только о передвижениях и о местах расквартирования французских войск, но даже и о тех пунктах, где Наполеон намечал переправы. Так, Барклаю де Толли из Полоцка 5 июля сообщили, что часть французских войск двинулись от Борисова к Орше и что французы уже в Толочине, в пяти верстах от Бобра»¹⁵¹.

Уже в самом начале Отечественной войны белорусские крестьяне начали партизанскую борьбу против наполеоновских захватчиков. На первых порах скрывавшиеся в лесах крестьяне производили нападения на небольшие группы противника, которые часто удалялись от дорог в поисках продовольствия или отставали от своих колонн. «Стоило только отдельным солдатам удалиться в сторону от движения колонны, и перед ними, как из-под земли, вырастали вооруженные вилами, топорами или просто дубинами крестьяне, и тогда расправа с врагами была коротка»¹⁵².

Крестьяне деревни Тростянки, Игуменского уезда, Минской губернии организовали в лесу партизанский отряд, в который входило все взрослое население этой деревни. Во главе отряда стоял крестьянин Тарас. Отряд производил нападения на вражеских солдат и местных польских помещиков, помогавших Наполеону.

Крестьяне деревень Староселье, Можан, Есьмон и Клевки, Борисовского уезда, Минской губернии ушли в лес, где организовали партизанские отряды, которые нападали на захватчиков и истребляли их.

В Могилевской губернии борьба против оккупантов приняла настолько большой размах, что командование находившегося в Могилеве гарнизона французских и польских солдат приняло в самом городе ряд предосторожностей, опасаясь открытого народного восстания. Приказано было даже подвязать веревками церковные колокола под предлогом, что, дескать, «звон во все колокола означает возмущение в городе».

Широкий размах приняли действия партизанских отрядов в конце лета 1812 года в окрестностях Витебска. Партизаны производили массовое истребление наполеоновских солдат витебского гарнизона, отправлявшихся из города в деревни на поиски продовольствия. Наполеоновский интендант Витебска маркиз де Пасторе признавал в своих записках, что ему с большим трудом удавалось обеспечивать продовольствием 12-тысячный гарнизон города, «из которого выйти было невозможно, не рискуя попасть в руки партизан»¹⁵³.

О том насколько угрожающий характер приняло для оккупантов партизанское движение в Беларуси, говорит хотя бы тот факт, что Наполеон, незадолго до Бородинского сражения вынужден был выделить из своих главных сил отряд в 10 тысяч солдат и отправить его на подкрепление витебского гарнизона, изнемогавшего под ударами партизан.

История знает примеры совместных боевых действий партизанских кавалерийских разъездов русской армии с белорусскими партизанами. В таких действиях особенно отличились крестьяне деревни Жарцы, Полоцкого уезда. Партизанский отряд под руководством крестьянина Максима

Маркова 8 сентября 1812 года разбил французский разведывательный отряд, стремившийся занять деревню Жарцы. В рапорте русского генерала Властова дается высокая оценка патриотическому подвигу белорусских партизан деревни Жарцы.

Все это проливает яркий свет на то огромное значение боевого взаимодействия, которое сложилось между русской армией и белорусскими партизанами против наполеоновских захватчиков.

Таким образом, в Беларуси развернулось массовое партизанское движение против наполеоновского нашествия. Наполеон был вынужден выделять целые дивизии для борьбы с партизанами и охраны своих растянутых коммуникаций. В Беларуси для этой цели им было оставлено около 30 тысяч солдат, в том числе итальянская и баварская кавалерия. Он вынужден был признать, что «теряет ежедневно более людей во время фуражирования, чем на поле сражения». В Витебске Наполеон жаловался своему адъютанту Коленкуру на «новую манеру войны, усвоенную русскими». Он даже направил к Кутузову полковника Бертеми, с жалобой, что партизаны воюют «не по правилам». На что прославленный полководец справедливо ответил: «Трудно остановить народ, ожесточенный всем тем, что он видел, народ, готовый жертвовать собой для Родины».

Фактически, благодаря сопротивлению белорусского народа была сорвана попытка Наполеона навязать русским армиям генеральное сражение, то есть осуществить своеобразный «блицкриг», что в дальнейшем предопределило бесславный конец всего иноземного нашествия.

Следует учесть и то, что многие полки и дивизии русской армии были сформированы на территории Беларуси и почти полностью состояли из белорусов. Сформированные на Витебщине четыре полка 3 пехотной дивизии защищали на Бородинском поле знаменитые «Багратионовы флешы». 24 дивизия, которая состояла из крестьян Минской губернии, героически сражалась в центре позиции русских войск около «батареи Раевского».

Разумеется, в этой судьбоносной битве между силами народного самосознания и иноземного порабощения находились и на белорусской земле люди, перебежавшие на сторону врага, изменившие служению своему Отечеству и народу. Печальным примером этого является измена могилевского православного епископа Варлаама. После того как французы заняли Могилев, епископ Варлаам принес присягу на верноподданство Наполеону и особыми циркулярами, написанных на польском языке, предписывал подведомственному духовенству исполнить присягу и удовлетворить все требования французских оккупантов. Как сообщают очевидцы, епископ Варлаам твердо уверовал, что Беларусь достанется

полякам, а он при покровительстве Наполеона станет патриархом в Польше. Таково поведение всех изменников и всех фарисеев во все времена, когда шкурные интересы ставятся выше национально-государственных и нравственной порядочности.

Но измена епископа Варлаама, польской шляхты не могла быть определяющей в такой войне, когда все зависело от состояния нравственной силы общества и от реальных действий больших масс людей. А то, что белорусский народ поднялся на борьбу с наполеоновским нашествием – это непреложная историческая истина.

Это была действительно Отечественная война белорусов и русских против, как тогда говорили наши соотечественники, иноземного вторжения «двунадесятых языков». Такова правда истории.

5. О некоторых фальсификациях истории Отечественной войны 1812 года

Несколько соображений о самом механизме фальсификации, о социально-психологической природе фальсификаторов. Фальсификаторы нашей общерусской истории обычно прикрывают свои фальсификаторские попытки ссылкой на другую точку зрения, которая, как они заявляют, имеет право на существование и обсуждение в плюралистическом обществе. Апелляция к плюрализму и другой точке зрения на самом деле призвана не выяснить как обстояли дела в реальной истории, а замаскировать тайное желание фальсификаторов как им бы хотелось, чтобы происходили события в те исторические времена, о которых они взялись говорить.

Например, фальсификаторы отказываются называть Великую Отечественную войну Великой, Отечественной, Священной не по причине того, что они хотят обсудить другую точку зрения на это событие, а потому, что им хочется, чтобы эта война не была ни Великой, ни Отечественной, ни Священной, чтобы не было никакого всенародного сопротивления врагу. Почему им этого так хочется? Чтобы оправдать агрессора и агрессию. Зачем они хотят оправдать Гитлера? Чтобы лишить наши народы исторической памяти, национального самосознания и внушить исторически ложную и глупую мыслишку о том, что если бы наши народы (белорусы, русские, украинцы) не сопротивлялись захватчикам, что если бы победил Гитлер, то мы бы жили, как в Германии и пили бы баварское пиво. Вот почему важно уяснить, что фальсификаторы не только объективно, но и субъективно всегда стоят на позиции агрессора, всегда желают победы захватчикам, всегда пропагандируют антиисторические и антинациональные взгляды.

Аналогично обстоит ситуация и с фальсификацией истории Отечественной войны 1812 года. Остановимся на четырех основных фальсификациях, связанных с событиями Отечественной войны 1812 года.

Первая из них сводится к следующему. Поскольку фальсификаторам очень хочется, чтобы Наполеон победил в этой войне, а польские помещики и чиновники восстановили свою политическую власть на территории Беларуси, то они пытаются изобразить Наполеона таким «освободителем» белорусского народа, а польскую шляхту представить в качестве белорусской. Дескать, власть Наполеона была более прогрессивна, чем власть Александра I, а белорусская шляхта с радостью приветствовала Наполеона как своего освободителя. Отсюда их отрицание отечественного характера войны 1812 года применительно к территории Беларуси. Это самая настоящая фальсификация.

Во-первых, никакой белорусской шляхты как целостного социального сословия в то время в Беларуси не существовало. Здесь важно иметь в виду, что на рубеже XVI–XVII веков произошла денационализация высшего сословия в белорусском обществе того времени. В знаменитом произведении Мелетия Смотрицкого «Фринос, или Плач восточной церкви» (1610) выдающийся писатель вопрошает: «Где теперь дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей древней православной веры? Где и другие славные роды русских князей – князья Слуцкие, Заславские, Вишневецкие, Чарторыйские, Соколинские, Лукомские и другие без числа?» Все они, отвечал Мелетий Смотрицкий, погибли в полонизме и латинстве. То есть денационализировались, стали польскими магнатами, которые не только в социальном, но и в национально-ментальном плане уже ничего общего не имели с белорусским народом, с белорусскостью. Взять, к примеру, Адама Чарторыйского, который был другом Александра I и заместителем министра иностранных дел России. Это уже был не русский (белорусский) князь, а прожженный польский аристократ, который всеми фибрами своего польского гонора ненавидел как русскую власть, так и белорусский народ и делал все возможное, чтобы на территории Беларуси сохранить польское шляхетство и польский шовинизм.

Таким образом, наличие польской шляхты (польских помещиков и польских чиновников), которая с радостью приветствовала наполеоновское нашествие – это абсолютно исторически достоверный факт. Когда войска французского маршала Даву заняли Минск и было учреждено временное правление Минской губернии, то было опубликовано следующее воззвание: «Граждане-поляки! Час нашего счастья наступил. Попечением величайшего из монархов и мужеством непобедимых войск его мы возвращены отчизне. Временное правительство, учрежденное по приказанию маршала французской империи, объявляет вам о столь радостном для сердца поляков событии, в надежде, что каждый добрый поляк будет содействовать его начинаниям, направленным к счастью отечества и осуществлению предначертаний Великодушного Избавителя, Великого Наполеона». Скажите, пожалуйста, причем здесь белорусская шляхта, белорусский народ и Беларусь? Разве не очевидно, что речь шла только о восстановлении политической власти польского панства над белорусским народом и превращении Беларуси в польскую провинцию?

Во-вторых, Наполеон никаким освободителем Беларуси не являлся. В лучшем случае он вел речь только «об устройении Польши», то есть восстановлении польского господства на белорусских землях. И все. Но все это осталось лишь разговорами, ибо в действительности Наполеон требовал

от польской шляхты лишь одного – безоговорочного выполнения приказаний французских военных властей на оккупированной территории Беларуси. Даже польская шляхта вынуждена была признать, что «вместо политической свободы, которой ждали поляки от своих освободителей, они испытали лишь гнет французской военной власти, принесшей им полное разорение и унижение их самолюбия».

Вторая фальсификация заключается в том, что фальсификаторы пытаются представить Великое княжество Литовское в составе Минской, Гродненской, Виленской губерний и Белостокской области, учрежденное приказом Наполеона от 1 июля 1812 года, в качестве некоего прообраза белорусской государственности. Это очередная фальшивка. Ибо ни по персональному составу, ни по самому историческому смыслу это Великое княжество Литовское даже намека не носило на подобие белорусской государственности. По своему персональному составу так называемое Временное правительство ВКЛ включало в себя таких представителей польской аристократии, как Иосиф Сераковский, Иосиф Коссаковский, Александр Сапега, ректор Виленского университета Иван Снядецкий. А начальником над этими аристократами Наполеон поставил немецкого барона Гогендорфа.

А по своему историческому смыслу Великое княжество Литовское, учрежденное Наполеоном, польская шляхта рассматривала лишь как переходную форму на пути к воссозданию Польши в границах 1772 года. Поэтому согласно приказу Временного правительства ВКЛ в поветах этого княжества необходимо было провести сеймики с избранием делегатов на Варшавскую генеральную конференцию для восстановления польского королевства.

Таким образом, так называемое Великое княжество Литовское никакого отношения к белорусской государственности не имеет. И те «исследователи», которые считают, что ВКЛ – это некое подобие белорусской государственности, являются заурядными фальсификаторами.

Третья фальсификация, отрицающая отечественный характер войны 1812 года для белорусского народа, основывается на разделении понятий государства и Отечества. Фальсификаторы согласны признать войну 1812 года Отечественной только для русского народа, но никак не для белорусского народа, поскольку, дескать, в это время не было белорусского государства, а следовательно, нельзя говорить об Отечественной войне 1812 года для белорусов. Логика фальсификаторов такова: раз нет государства, то нет и Отечества. Но это очевидный исторический абсурд, историческая глупость. Ведь должно быть понятно, что Отечество – это более широкое понятие, чем государство. Государства может не быть, но Отечество,

безусловно, всегда есть, если есть данный народ, который этнически себя идентифицирует, который знает свою родную землю, ощущает свою национально-культурную, цивилизационную самобытность. Что была Беларусь, был белорусский народ, который рассматривал свою землю как составную часть Русской цивилизации, образ жизни которого объединялся понятием Русь как корневой основой этнической общности белорусов и русских – это не вызывает никаких сомнений. Хотя белорусский народ и не имел своего собственного государства, но он имел свое Отечество, которое было единым как для белорусов, так и для русских. Именно поэтому для белорусского народа война 1812 года была Отечественной войной, которую он вел вместе с русским народом против иноземных захватчиков.

Отечественная война – значит война народная. Это интуитивно уловил Денис Давыдов, который снял гусарский мундир, надел мужичий кафтан, отпустил бороду, ибо понял, как он сам говорил, что война против французского нашествия из обычной войны между государствами стала народной войной. Примечательно, что Михаил Кутузов наполеоновскому посланнику Лористону ответил, что «мир с французами не в силах заключить и государь, ибо война сделалась народной». И для белорусов война 1812 года была войной Отечественной, народной войной. Отрицать отечественный характер войны 1812 года для белорусов – значит отрицать само бытие белорусского народа. Вот до какой абсурдности могут прийти фальсификаторы в своем стремлении отделить белорусов от русских.

Можно сказать даже больше: для белорусского народа война 1812 года была вдвойне Отечественной войной. Ибо наш народ сражался не только с французским нашествием, но и с польским нашествием, агрессией польской шляхты, которая стремилась лишить наш народ своей национальности, превратить Беларусь в окраину польского государства. Не надо забывать, что прошло еще немного времени, когда белорусские земли освободились от неестественной связи с Речью Посполитой. Прошло еще немного времени, когда белорусский народ избавился от грозящей ему денационализации со стороны польской шляхты.

Таким образом, это была война не только против французского военного нашествия, но и духовно-нравственная, ментальная война нашего народа против антиисторизма польского панства. Это было сражение за свою культуру и веру, за свою цивилизацию и образ жизни, за право иметь свое общерусское Отечество, за свои общерусские святыни, за свои алтари и очаги, за свое историческое развитие. И благодаря победе в Отечественной войне 1812 года белорусский народ укрепил свой цивилизационный код и сохранил все предпосылки для последующего национального и государственного развития.

Четвертая фальсификация состоит в том, что фальсификаторы пытаются принизить историческое значение заграничного похода русской армии, изобразить его как некое реакционное мероприятие царской власти против европейской свободы. В чем причина этой фальсификации? В том, что фальсификаторы не способны мыслить конкретно-исторически. Они прочитали в учебниках, что Россия в то время была крепостническим государством, а наполеоновская Франция, так сказать, правовым государством, поскольку возникла после французской революции, отменившей крепостничество, и, как несмышленные ученики, повторяют, что Россия – это реакция, а Франция – это прогресс. Но парадокс истории состоит в том, что, разгромив французов на своей территории, русские войска перенесли отечественный характер войны 1812 года на территории европейских стран. Заграничный поход русских войск продолжил национально-освободительный, народный характер войны против наполеоновской Франции в Европе. Как отмечал Ф.Энгельс, которого нельзя заподозрить в симпатиях к царской России, «всеобщая война народов против Наполеона была ответной реакцией национального чувства, которое Наполеон попирает ногами у всех народов». Благодаря заграничному походу русская армия принесла мир европейским народам, освободила их от империализма Наполеона, предоставила им возможность национально-государственного развития. Вот и выходит, что дальнейший прогресс европейских стран невозможен был без разгрома наполеоновской Франции, решающая роль в котором принадлежит России. И об этом должны помнить европейские народы, что именно Россия принесла им освобождение от наполеоновского ига. О чем прекрасно сказал Александр Сергеевич Пушкин в своем философско-историческом стихотворении «Клеветникам России».

6. Беречь общерусскую историю

В своей борьбе против общерусской природы белорусского народа фальсификаторы отечественной истории сконструировали миф о «белорусской» шляхте. Цель этой фальсификации путем подмены польской шляхты шляхтой «белорусской» противопоставить белорусов и русских по культурно-цивилизационным и ментальным основаниям и представить польские восстания в конце XVIII века и в XIX веке в качестве «белорусского» национального движения. Зачем фальсифицируется наша история? Затем, чтобы разрушить цивилизационное единство белорусского и русского народов, лишить белорусов своей общерусской корневой основы, навязать белорусам антирусские взгляды на нашу общерусскую историю и тем самым осуществить деисторизацию белорусского национального самосознания с целью перевода его на позицию чуждых исторических, точнее, антиисторических измышлений.

Фальсифицируя наше прошлое, преследуется цель лишить нас настоящего и будущего. В результате белорусский народ, лишенный своей истории, которая включает в себя прошлое, настоящее и будущее, становится удобным материалом для реализации антирусских и антибелорусских замыслов в современном мире. Именно подобная фальсификация отечественной истории характерна при оценке польского восстания 1863 года на территории Беларуси, когда польская шляхта и ее лидеры квалифицируются в качестве «белорусских» феноменов.

Но вся закавыка в том, что никакой «белорусской» шляхты ни в XVIII, ни в XIX веках на территории Беларуси не было. Что такое шляхта? Шляхта – это высшее привилегированное сословие, характерное для феодального общества. Шляхта включала в себя помещиков, чиновников, разорившихся землевладельцев, так называемое образованное общество – преподавателей Виленского университета, Полоцкой иезуитской академии и других образовательных учреждений, писателей, музыкантов, католических священнослужителей. По своей национально-культурной идентификации это были поляки, которые ментально были абсолютно чужды коренному населению, т. е. белорусам. Даже если отдельные представители этой шляхты сочувственно относились к белорусским крестьянам, занимались собиранием белорусского фольклора и называли себя литвинами, а не поляками, то сущность данного сословия от этого нисколько не менялась. К примеру, Адам Мицкевич называл себя литвином, а свою отчизну Литвой не по причине якобы своей литвинской самоидентификации, а с точки зрения романтических реминисценций исторического прошлого, что объективно ни у кого из современников Адама Мицкевича не вызывало ни малейших сомнений, что они имеют дело не с какой-то литвинской национальностью, а с глубоко шовинистичным польским шляхтичем. Белорусский историк Михаил Коялович в 1884 году отмечал, что поляки стремятся сойтись с местным народом и привлечь его на свою сторону. Они говорят о своем уважении к белорусской народности и желают, чтобы эта народность развивалась и создала свою письменность, печатала книги на своем языке. Но в то же время они говорят, что только польская народность является творческим народом и должна двигаться на Восток, а белорус, получая образование, должен делаться поляком¹⁵⁴. В этом плане показательны откровения польского этнографа Александра Рыпинского, который в своей работе «Поэзия простых людей нашей польской провинции», изданной в Париже в 1840 году, призывал белорусских матерей «первой своей обязанностью учить своих детей произносить святое имя Польши еще до того, как ребенок научится выговаривать слово «мама». «Рука матери, – требует польский шовинист, – не должна давать ребенку необходимую пищу до того времени, пока он не попросит ее по-польски». Таким образом, за всей этой мнимой заботой польской шляхты о белорусах скрывался все тот же польский шовинизм с его антибелорусской политикой – восстановления Польши в границах 1772 года.

Отсутствие собственно белорусской шляхты как высшего сословия в тогдашнем обществе на территории Беларуси обусловлено своеобразием исторического развития нашей земли. Здесь необходимо сделать следующее пояснение. Дело в том, что на протяжении XIII–XVII веков, когда территория современной Беларуси и Украины входила в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, белорус, точно так же, как и украинец, выступают не столько под своими современными этническими обозначениями, сколько под общим названием древнего русского народа. Понятие «русский» было одновременно и синонимом последующих понятий белоруса и украинца. Все историки того периода, подчеркивая особенность национальности коренного населения на территории современной Беларуси и Украины, именно говорят о древнем русском народе, сохранившем в первоизданной чистоте свою русскую веру, полученную от восточных патриархов.

Мысль о русской природе белоруса и украинца постоянно присутствует на страницах исторических источников. В известном смысле она даже приобретает императивную окраску, когда требуется подчеркнуть этническую природу коренного жителя нынешней территории Беларуси и Украины. Например, в послании киевского воеводы, князя Константина Острожского епископу Ипатию Потею от 21 июня 1593 года по поводу замышляемой унии с римской церковью говорится: «Донести князю великому Московскому и московскому духовенству, какое гонение, преследование, поругание и уничтожение **народ тутошний Русский** в порядках, канонах и церемониях церковных терпит и поносит». Эта же мысль звучит и в выступлении на Варшавском сейме в 1620 году депутата и чашника земли Волынской, члена Виленского православного братства Лаврентия Древинского, который, описывая положение своих соотечественников, горестно констатирует: «Кто же явственно не видит, сколь великие притеснения и несносные огорчения **сей древний русский народ** претерпевает? Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях вместо монахов скот запирают. В Могилеве и Орше церкви также запечатаны, священники разогнаны. В Пинске монастырь Лещинского в питейный дом превращен; тела умерших без церковного обряда из городов как падаль вывозятся; народ без исповеди, без приобщения святых тайн умирает».

Сами сенаторы Речи Посполитой, когда речь шла об этнической принадлежности коренного жителя Белой Руси, никогда не отождествляли его ни с поляком, ни с литвином, а всегда именовали русским человеком. Вот описание положения коренных жителей Белой Руси из прошения к польскому сейму в 1623 году от имени всего русского народа Речи Посполитой. «В том же белорусском Полоцке, тот же отступник владыка полоцкий (Иосафат Кунцевич), чтобы досадить тамошним мещанам, приказал вырыть недавно похороненные подле церкви христианские тела умерших и бросить на съедение собакам, как какую падаль! О нечестие! О невыносимая неволя! И подобные беззакония и притеснения, подобную неволю, хуже турецкой неволи, терпим по всем воеводствам и поветам **мы, народ русский**, не сделавший ничего дурного».

В процессе дальнейшего исторического развития Белой Руси происходит разделение первоначально древнего русского народа, как именовали себя белорусы и украинцы в XIII–XVII веках, на два, хотя и родственных, но отдельных народа. Более или менее завершающим этапом в этом процессе складывания собственно белорусского народа, не растворявшегося уже в едином древнем русском народе, можно считать XVIII век. В этом плане симптоматично высказывание белорусского епископа Георгия Конисского на коронации Екатерины II, где бывший ректор Киевской Академии прямо говорит о православном белорусском народе, ожидающем избавления от национально-религиозных гонений польской шляхты.

Специфика формирования белорусской народности на протяжении длительного исторического развития выразилась в том, что к середине XVII века белорусский народ состоял лишь из низшего сословия – крестьян и мещан – и потерял высшее сословие – шляхту. Именно на рубеже XVI – XVII веков в жизни наших предков произошло важнейшее событие, которое и определило исчезновение этнически своего высшего сословия. Речь идет о насильственном введении в 1596 году церковной унии, которая привела к окончательной денационализации русской (белорусской) шляхты. Она ополячилась и окатоличилась. Уже в челобитной Львовского православного братства русскому царю Федору Иоанновичу от 15 июня 1592 года с печалью говорится о денационализации православной русской шляхты. «Поелику в Польских странах в великих печалях обретаемся, а **все благородные в различные иноверия пали**; мы же, как не имеющие пристанища, к тебе благоутробному, тихому и благонадежному притекаем. Да уподобишься, всесветлый царь, Великому Владимиру, просветившему весь род Российский святым крещением». А знаменитый автор «Славянской грамматики» Мелетий Смотрицкий в своем известном «Фриносе», или «Плаче восточной церкви» (1610) окончательно констатирует смерть высшего сословия русского народа, погибшего в полонизме, латинстве и иезуитизме. «Где теперь, – вопрошает Мелетий Смотрицкий, – дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей древней православной веры? Где и другие славные роды русских князей – князья Слуцкие, Заславские, Вишневецкие, Чарторыйские, Соломерецкие, Соколинские, Лукомские и другие без числа?» Высшее (русское) сословие исчезло, оно денационализировалось. Русскими по своей ментальности остались лишь крестьяне и мещане. Им противостояла лишь этнически чуждая и культурно несовместимая польская шляхта, которая экономически, административно, идеологически господствовала на Белой Руси вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

Статистика свидетельствует, что польские помещики практически полностью владели землями в белорусских губерниях. К примеру, в Виленской и Гродненской губерниях они держали в своих руках 95% земли, в Минской губернии им принадлежало 94% земли. Даже в Киевской губернии у них находилось 82% земли. Такой беспристрастный свидетель, как Александр Цвикевич, который являлся идейным руководителем национального движения в

Беларуси в конце XIX – первой четверти XX века, в своей книге «Западно-Руссизм» отмечал, что Польша душила Беларусь своим земельным капиталом с такой силой, что даже Российская империя со всей своей государственной машиной ничего здесь не могла сделать. Польскость – как проявление польской экономической силы в крае – всегда побеждала и низводила на нет все официальные наскоки российской политической власти. «Экономика, культура, администрация, – подчеркивал Александр Цвикевич, – все находилось в руках польской интеллигенции, все управлялось ею». Сами белорусы указывали, что виленский поземельный банк принимает под залог исключительно польские имения, держит в руках все земельные богатства девяти западных губерний и стоит на страже польских интересов в Беларуси.

Современное белорусское общество в конечном итоге есть воплощение национального характера и национальных традиций народа. Так, например, сложно представить себе в Беларуси ту или иную модификацию западной политической системы, ибо она не соответствует представлениям белоруса, не вписывается в парадигму национального самосознания. Западный человек, обустроивший свое благополучие за счет эксплуатации колониальных народов, объективно рассматривал незападного человека как материал для удовлетворения своих жизненных потребностей. Отсюда и западная ментальность с ее принципами индивидуализма и расового превосходства над другими народами. Для белоруса такие представления абсолютно невозможны в силу принципиально другого образа жизни. Мир в представлении белоруса был его реальный «мир» (общины, братства), где все должны трудиться и жить по справедливости. Такой мир априорно не знает и не принимает разделения людей на высших и низших, ибо все люди божьи создания. Подобного рода представления и были закреплены на ментальном уровне нашего народа.

Представляется необходимым адекватно оценить роль религиозного фактора как в процессе формирования национального самосознания белорусов, так и в ходе государственного строительства. Данный тезис может быть сформулирован следующим образом: выбор православия был обусловлен, среди прочих факторов, ментальностью народа, однако, в свою очередь, православие закрепило и сохранило тот исторический тип самосознания белорусов, который сегодня можно охарактеризовать как современный. Без всякой мистики и фантастических легенд: православие пришло именно на ту землю, где существовали ментальные предпосылки его сохранения. И именно оно, православие, скрепило и сцементировало теоретически существующее положение вещей. Рассматривая данный вопрос, нельзя не коснуться и униатства, которое некоторые белорусские писатели и политики по недоразумению зачисляют в разряд национальной религии белорусов. Здесь важно отметить, что в то время, когда в Беларуси вводилось униатство (XVI-XVII века), меняли вероисповедание не простые верующие (крестьяне), а их патроны (паны, шляхта, церковные иерархи). В тот период считалось: чья власть, того и вера. Поскольку привилегированное сословие (шляхта) окатоличилось или приняло униатство, то оно заставляло и своих подданных

(крестьян) принимать их веру, механически переводило православные приходы в приходы униатские путем навязывания православным униатских священнослужителей. «Загоняемый подобными насилиями в унию русский (белорусский. – Л.К.) народ не мог, конечно, искренно держаться унии. В глубине своей души он продолжал хранить старые свои верования, старые православные убеждения и искал только случая избавиться от насильно навязанной ему унии. Сами защитники латинства сознавались, что все униаты или открытые схизматики (православные), или подозреваются в схизме»¹⁵⁵. Поэтому, когда говорят, что в XVIII веке 80% белорусов были униатами, то это относится не столько к белорусским крестьянам, сколько к формальному количеству униатских приходов на Беларуси. Крестьяне, как и раньше, так и в XVIII веке оставались верными вере своих предков, то есть православию. Не случайно переход из унии в православие для белорусов был осуществлен без больших затруднений, поскольку все дело свелось к формальному переводу священников из унии в православие. И об унии в народном самосознании не осталось никакого воспоминания.

Необходимо подчеркнуть, что национальное самосознание не означает буквального совпадения с исторической хронологией. В национальном самосознании история закрепляется не в исторических событиях, а в смысле истории. А смысл истории данной нации вполне может быть противоположен определенным историческим явлениям, свидетелем которых она являлась. Дело в том, что определенные исторические события могут быть временны и преходящи, а смысл истории данного народа непреходящ до тех пор, пока живет этот народ. Вот почему все историко-культурологические усилия некоторых историков, направленные на то, чтобы из аббревиатуры ВКЛ (Великое княжество Литовское) вывести некую белорусскую идентичность, носят сугубо софистический характер. Отсюда должно быть понятно, что подобные попытки никакого отношения к действительной белорусской государственной традиции не имеют. В данном контексте важно обратить внимание на следующее соображение. Национальное самосознание, если можно так выразиться, «мудро» и «избирательно». Оно сохраняет лишь то, что позволяет нации сохранить себя в истории. Если агрессивные, кровопролитные события истории на территории Беларуси не закрепились на ментальном уровне как белорусские события, то это означает, что это не была белорусская история, что эти исторические события не были связаны с процессом национального самосохранения и развития. Отсюда основной вывод: не надо реанимировать то, что не закреплено в национальной памяти. Такого рода «традиции» – софистика.

Но есть традиции, которые закреплены в национальном самосознании нашего народа. Это касается традиции общности исторических судеб белорусов и русских. Всякие попытки иронизировать над этой традицией как раз и свидетельствуют или о непонимании белорусского самосознания, или о желании смены национального самосознания и привязке его к чужой системе исторических представлений и взглядов. Да, белорусы и русские – два народа.

Но это народы-братья. Отличаясь эмоциональными оттенками, они тем не менее представляют собой единую этнокультурную и цивилизационную общность. Этого никогда не следует забывать.

Таким образом, исторический путь развития Беларуси проходил в русле национального, культурного, цивилизационного единства с Россией. Для белорусского и русского народов характерны языковое родство, единство образа жизни и территории, одна и та же социальная система ценностей, одни и те же мировоззренческие и политические убеждения, общность исторической судьбы.

Объективно белорусское самосознание сформировалось в условиях восточнославянского цивилизационного пространства, союза с русским народом. Такова специфика исторического формирования и белорусской государственности.

Существует расхожее мнение, что национальная культура сводится к реставрации исторических памятников, возрождению фольклористики, старинных ремесел и обрядов, – так сказать, к некоему внешнему этнографическому антуражу. Все это, безусловно, входит в содержание национальной культуры, но не образует ее смысла. Смысл же национальной культуры выражается в ее национальном самосознании. Именно национальное самосознание является основой этнической самоидентификации личности, ее принадлежности к нации, любви к Родине. Понятия «национальное самосознание» и «патриотизм» – синонимичны. Вот почему значимость каждого человека измеряется его заслугами перед Родиной, а человеческое достоинство – силой его патриотизма. Это подтверждается словами песни: «Была бы наша Родина богатой да счастливою, а выше счастья Родины нет в мире ничего!». Патриотизм не только консолидирует нацию, позволяет ей выбрать и осознать путь развития, основанный на собственных жизненных традициях, но и выступает своего рода защитой нации от вызовов окружающего мира.

Очевидно, что национальная культура может быть только патриотической, то есть такой, которая культивирует любовь к своему народу и уважительное отношение к другим народам. Нетрудно заметить, что белорусская национальная культура формировалась как культура высокого патриотизма, где не было места ни мракобесному национализму, ни раболепному космополитизму. Наша задача в области культурной политики в том и состоит, чтобы укреплять и развивать патриотическую линию в белорусской культуре.

С формированием настоящего патриотизма, укреплением национального самосознания тесно связан и вопрос о сохранении исторической памяти нашего народа. История народа – это продолжение прошлого, наполнение реальными делами настоящего и послание общества в будущее. Только уважение к своей истории, своим национальным ценностям и традициям является основой процветания страны. Ибо лишь одна история народа может объяснить его истинные потребности и идеалы. Но говоря об уважении к своей истории, надо иметь в виду именно историю белорусского народа. Почему это важно? Потому

что под видом национальных ценностей нам стремятся навязать ценности какой угодно истории, но только не нашей, белорусской.

Надо честно признать, что многие работники культуры и журналисты не понимают взаимоисключающих вещей. Им кажется, что если государство реставрирует Несвижский замок, то это означает и реставрацию образа жизни польских магнатов, включение его в каталог белорусской истории. Именно такое ложное отождествление является причиной представления нашей истории в искаженном виде, где жестокая и необузданная польская магнатская анархия преподносится как проявление белорусского самосознания. Фабрикуется иллюзорная картина: будто бы польские магнаты заботились о процветании белорусских крестьян.

Возьмем, к примеру, жизнь польского аристократа Ошторпа, который был предводителем дворянства Минской губернии. В своем имении в Дукоре он завел театр, картинную галерею, шляхта, по свидетельству очевидцев, пировала неделями, так сказать, у гостеприимного хозяина. Но за счет чего и кого просвещалась и веселилась польская шляхта? За счет нещадной эксплуатации белорусских крестьян. Когда Ошторп умер, то польский поэт-юморист Легатович в своей язвительной эпиграмме метко подметил:

«Smierc Osztorpa w Dukorze zrobi zmianę znaczną:

Panowie pic przestana, chłopi jesc zaczął!»¹⁵⁶.

То есть, смерть Ошторпа в Дукоре произведет большую перемену: господ перестанут пить, а мужики начнут есть.

Нужно четко понимать, что это не некие абстрактные исторические дискуссии, не имеющие отношения к настоящему. Проталкивая польскую панскую культуру, ее апологеты делают это для того, чтобы подчеркнуть неправильность избранного белорусами пути развития, попытаться навязать чуждые нашему народу ценности, а значит, в корне пересмотреть политику государства! Именно этим объясняются звучание лозунгов об исключительно европейском характере Беларуси и игнорирование ее древнерусских корней. Отказ от древнерусских корней белорусского самосознания – это отказ от союза с братской Россией, а шире – от участия в каких-либо интеграционных процессах на постсоветском пространстве, смена геополитической ориентации нашей республики.

Вот почему совершенной софистикой являются попытки некоторых, так сказать продвинутых, ученых и писателей зачислить в разряд белорусских князей Миндовга и Витовта, тащить в белорусскую историю Радзивиллов, Сапег, Огинских и так далее как видных представителей белорусских знатных родов, белорусского самосознания. Это не только насмешка над белорусской историей, но и прямое оскорбление национального достоинства нашего народа, потратившего немало сил и времени, чтобы освободиться от подобных «благодетелей».

Непонимание специфики формирования белорусского самосознания лежит в основе фальсификаторского тезиса о русификации белорусского народа в

досоветский и советский периоды. Можно с уверенностью утверждать, что вопрос о белорусском языке не является ключевым для формирования белорусской идентичности. Данные социологических исследований показывают, что число граждан республики, считающих своим родным языком белорусский или русский приблизительно равно. В то же время, хотя белорусами себя называют более 80% жителей страны, большинство наших соотечественников в повседневной жизни пользуются русским языком. Признавая себя белорусами, и в то же время считая родным языком русский, тем самым опровергается выдумка русофобов о русификации белорусского народа, подтверждается специфика белорусской идентичности, которую нельзя подвести под шаблоны исторического словаря. Это и выражается в том, что русский язык – это не иностранный язык, а такой же родной язык для белорусов, как и белорусский. Это выражается и в том, что русский народ – это не иностранцы, как например, французы, немцы или поляки, а родной для белорусов этнос. Причем важно понять, что русский язык был родным языком для белорусов и в досоветский период. Поэтому ни о какой русификации белорусского народа не только в XX веке, но и даже в XIX веке не может быть речи.

Подтверждение этой бесспорной мысли можно видеть в языковой политике польского правительства в Западной Белоруссии в 1921-1939 гг. Так, в секретной записке полесского воеводы В. Костек-Бернацкого министру внутренних дел Польши в январе 1937 года указывается, что «не может быть и речи о том, чтобы в течение ближайших 10 лет учителем на Полесье был белорус или даже местный полешук. Учитель-полешук православного вероисповедания чаще всего русифицирует местное население, вместо активной учительской деятельности для пользы Польши»¹⁵⁷. А в аналогичной секретной записке белостокского воеводы Г. Осташевского от 23 июня 1939 г. говорится: «Сознательный белорусский элемент придерживается прорусской ориентации. В первом ряду стоят здесь древние русские симпатии... Мы должны одолеть древнюю белорусскую культуру»¹⁵⁸.

Таким образом, даже идеологические и политические недруги России, говоря о том, что белорусский учитель русифицирует местное население, тем самым объективно признают тот очевидный факт, что для нашего народа не существовало проблемы выбора между белорусским и русским языками, поскольку последние для белорусов были одинаково родными языками, а белорусская культура, основывающаяся на древних русских традициях, рассматривалась как неотъемлемая часть общерусского культурного мира.

Поэтому, традиционная истерика «белорусизаторов» о так называемой русификации белорусов вызвана не заботой о развитии белорусского языка, а совершенно другими соображениями. Какими? Под предлогом возрождения родного языка преследуется цель противопоставить белорусский язык русскому, зачислить русский язык в разряд иностранного наподобие английского и немецкого, т.е., лишив русский язык всякого упоминания о его

родстве с белорусским языком, тем самым противопоставить белорусов и русских друг другу как совершенно разные народы, которые не имеют ничего общего между собой. «Белорусизаторы» не дураки, они понимают, что для отрицания этнического родства белорусов и русских необходимо именно отрицание русского языка как родного для белорусов. Зачем это делается? Чтобы осуществить вековую мечту всех русофобов – путем разъединения наших братских народов разрушить нашу общерусскую историю, нашу общерусскую цивилизацию с целью реализации их программы «Натиска на Восток», будь это крестовые походы немецких рыцарей, агрессивная политика против Руси и православия польской шляхты, «жизненное пространство» фашизма или современное продвижение НАТО на Восток. Все это – составляющие части одной и той же геополитической программы. Имя этой программы – русофобия. И «белорусизаторы» в этой геополитической борьбе являются обыкновенными русофобами, а не деятелями белорусской культуры.

Вся их возня вокруг возрождения белорусского языка – это имитация, пыль в глаза доверчивой публике. Ибо, изгоняя русский язык из категории родного для белорусов, «белорусизаторы» тем самым делают белорусский язык незащищенным, производят над ним операцию кастрации. В чем это будет выражаться? Сначала «белорусизаторы» переведут белорусский язык с кириллицы на латиницу, чтобы ликвидировать даже визуальное родство белорусского и русского языков, а затем этот уже наполовину кастрированный белорусский язык доведут до полной кастрации, наспиговав его всевозможными полонизмами. Так что от белорусского языка останутся рожки да ножки. Ни для кого не секрет, на таком белорусском языке наш народ уже не будет способен не только писать, но и разговаривать.

Парадокс заключается в том, что попытка подобной кастрации белорусского языка в нашей истории уже была. Напомним о деятельности в 1920-годы такого «белорусизатора», как академик Белорусской академии наук Язэп Лесик. Будучи автором учебников по белорусскому языку и активно участвуя в создании белорусского литературного языка, Язэп Лесик предпринимал все меры, чтобы противопоставить белорусский язык русскому, как можно дальше отдалить белорусский язык от родного ему русского языка. Всякое заимствование в белорусский язык из русского (в том числе даже научно-технической терминологии) Язэп Лесик объявлял недопустимой русификацией. В своих публикациях он выступал против употребления белорусскими писателями и учеными даже извечно белорусского слова, если оно хотя бы внешне совпадало с русским словом.

Вместе с тем Язэп Лесик охотно включал в белорусский литературный язык всевозможные полонизмы. Усилиями Лесика и других аналогичных «белорусизаторов» белорусам навязывался такой «белорусский» язык, который для них был абсолютно непонятен. Такая «белорусизация» мешала, а не помогала белорусам получить образование на родном языке. Да и чего можно было ожидать от этих русофобов, которые в свое время посылали благодарственную телеграмму германскому кайзеру Вильгельму II, где выражали

благодарность ему за освобождение Белоруссии «от тяжелого гнета, господства чужого, издевательства и анархии». Эти «белорусизаторы», потеряв последние остатки стыда и совести, заявляли, что «независимость Белоруссии может быть обеспечена только в союзе с Германской империей».

Таким образом, под видом возрождения белорусского языка современные «белорусизаторы» реализуют давнюю иезуитскую программу: сменить ментальность белорусской интеллигенции, превратить ее хотя бы на первоначальном этапе, так сказать, в литвинскую. Что касается белорусского народа, то и тут «белорусизаторы» действуют, как иезуиты. Главное, считают они, чтобы интеллигенция отказалась от своей русскости, а народ никуда не денется. Как прикажут ему, так и будет. Но такая «белорусизация» есть ничто иное, как программа ликвидации белорусского народа и Беларуси. Ведь должно быть понятно, что если отдельные люди и могут сменить свою национальность, стать, к примеру, поляками или литовцами, то весь народ это сделать не может именно по причине невозможности превратиться в другой народ. Такая ситуация в истории вела лишь к исчезновению самого народа. Посмотрите на судьбу полабских славян – лютичей, ободритов и других. Стали ли они немцами? Нет, они исчезли из истории как народы. Хотя, разумеется, отдельные представители полабских славян идентифицировались в качестве немцев. Вот почему в реальности «белорусизаторы» ведут дело не к возрождению белорусского языка, а к ликвидации как белорусов, так и Беларуси. Вот почему важно понимать, что русский язык – это не только родной язык для белорусов, но это тот язык, который выполняет функцию главного гаранта сохранения и укрепления белорусской идентичности. Поэтому всякое противопоставление белорусского и русского языков, попытка зачислить русский язык в категорию иностранного языка для белорусов будет вести к утрате этнического самосознания нашего народа и к ликвидации самого белорусского языка.

Чтобы нас признавали в современном мире, надо, прежде всего, беречь свою общерусскую историю. Отказываться же от нее или подменять ее чужой – значит отказываться от своей идентичности, то есть исчезнуть как народ, как нация.

Нужно четко себе уяснить: формирование истинного патриотизма – это залог крепости государства, стойкости нации, своего рода иммунитет от внутренних и внешних потрясений.

Мы должны с уважением относиться к историческому выбору белорусского народа как результату многовекового формирования общерусского национального самосознания, в рамках которого вызрела и приобрела силу белорусская государственность.

7. Наша общая вера

Знаменательное событие

В 2013 году народы России, Беларуси и Украины отмечали знаменательное событие – 1025-летие Крещения Руси. Зачастую, говоря о Крещении Руси, все дело сводится к сугубо религиозно-церковному фактору. Дескать, древние русичи приняли православную христианскую веру. В чисто догматическом плане, разумеется, правильно. Но такое понимание сущности Крещения Руси, ограниченное лишь рамками церковного календаря, будет недостаточно. Дело в том, что Крещение Руси было не только важным религиозно-церковным событием, но оно имело фундаментальное значение в дальнейшей жизни наших предков. Фактически Крещение Руси явилось завершающим этапом в формировании общерусской этнической идентичности, выражавшейся в единой общерусской письменности, едином искусстве и архитектуре, едином образе жизни, общерусской народности и общерусском государстве. Языческие восточнославянские племена полян, древлян, кривичей, словен, дреговичей, радимичей, северян, вятичей уступили свое место единой общерусской народности – колыбели трех братских народов – русского, белорусского и украинского. Именно с этого времени исчезают племенные территориальные образования восточных славян, которые уступают место единой Русской земле, границы которой простирались от Черного и Азовского морей на юге до Белого моря на севере, от Красной Руси на западе до берегов Волги на востоке.

Складывается единая общерусская цивилизация со своими пространственными, временными и ментальными параметрами. Уже при выборе веры можно зафиксировать ментальную специфику древних русичей, которая отличалась от веры других народов.

Об этом образно повествуется в «Повести временных лет». Когда к киевскому князю Владимиру пришли хазарские евреи с предложением своей веры, то Владимир спросил: «А где земля ваша?». На что хазарские евреи ответили: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши». В ответ Владимир остроумно заметил: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны? Или и нам того же хотите?» Или вот еще другие ходоки. Пришли иноземцы из Рима и предложили свою веру. Владимир спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; если кто пьет и ест, то все это во славу божию». И сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого».

О чем свидетельствуют эти рефлексии киевского князя Владимира? О том, что своя земля, родина, отечество лежат в основе истинной веры. О том, что традиции отцов, предков – священны. Этим традициям нельзя изменять, потому что они опора, фундамент, на котором только и может строиться настоящий Храм. Важно отметить то, что православная вера в те далекие времена в первую очередь называлась русской верой. Русская – это определение не только религиозно-церковное, но и цивилизационно-культурное. Отсюда и название

нашей церкви – не просто православная, а Русская Православная Церковь, где понятие Русь является корневым, определяющим. В строго историческом, научном плане нет ни белорусской, ни украинской православной церкви, а есть лишь общая Русская церковь, где общерусскость является ментальной характеристикой белоруса, русского и украинца. Все дальнейшие процессы – национальные, религиозные, политические, культурные – на территории всей Русской земли уже определялись общерусским цивилизационным кодом, протекали в логике общерусской истории. Это полностью относится и к Беларуси.

Беларусь – русская страна

Президент Беларуси Александр Лукашенко отмечал, что «Беларусь является православной страной, и мы всегда будем верны православию». Что это означает? Если подойти к этому тезису только с религиозно-церковной точки зрения, то он явно будет некорректен. Ведь очевидно, что в религиозно-церковном плане Беларусь является многоконфессиональной страной. В нашей республике, кроме православия, существуют и другие традиционные конфессии – католичество, иудаизм, ислам, различные направления протестантизма. Поэтому единственно правильное прочтение данного тезиса может быть следующим: Беларусь является русской страной, и белорусы верны своей общерусскости. Это надо понимать в том смысле, что Беларусь является составной частью общерусской цивилизации, а белорусы, русские и украинцы – это братские народы, в основе которых лежит общерусская идентичность. Эта же идея проводилась Александром Лукашенко и в его выступлении на XV Всемирном конгрессе русской прессы, где он подчеркнул, что если брать понятие русской цивилизации в самом широком смысле этого слова, то оно относится ко всем нам – и русским, и украинцам, и белорусам¹⁵⁹.

Отсюда должно быть понятно как несостоятельны попытки определенных историков вывести из Великого Княжества Литовского некую белорусскую идентичность. Несостоятельны по той простой причине, что образование ВКЛ именно основывалось на отрицании общерусского характера формирующейся белорусской народности. Уже в грамоте, данной виленскому католическому епископу, великий князь литовский Ягайло приказывает, чтобы литовцы не заключали браков с русскими (так именовались в то время нынешние белорусы и украинцы), а если такие браки заключены или будут впредь заключаемы, несмотря на запрещение, то их не расторгать, но лицо русской веры должно принять латинство, к чему принуждать таких людей даже наказанием розгами. Но перейти в другую веру в то время было актом не только религиозно-церковным, но актом историческим, цивилизационно-ментальным. Отказаться от своей русской веры означало отказаться от своей истории, от своей идентичности. Означало исчезнуть как русский народ. Поэтому историческая парадигма движения ВКЛ была абсолютно противоположна

движению общерусской истории, общерусской традиции. Об этом красноречиво свидетельствует Михалон Литвин, который подчеркивал, что «рутенский (т.е. русский) язык чужд нам, литвинам, то есть италианцам, происшедшим от италийской крови». Эта сентенция показательна не с точки зрения уяснения исторической достоверности происхождения литовцев, а как ясное указание одного из литовских интеллектуалов XVI века о принципиальном отличии философии истории Великого Княжества Литовского от развития общерусской цивилизации. Отсюда вывод: история Великого Княжества Литовского никакого отношения к белорусской ментальности, белорусской исторической традиции не имеет. Это не белорусская история, это чужая история.

Но есть традиции, которые закрепились в ментальности белорусского народа. Это касается традиции общности происхождения, общности исторических судеб белорусов и русских. Всякие попытки иронизировать над этой традицией как раз и свидетельствуют или о непонимании исторического процесса формирования белорусской народности, или о сознательном намерении фальсифицировать белорусскую историю, осуществить ликвидацию белорусской ментальности, чтобы навязать нам чужую систему исторических взглядов и представлений. Да, белорусы и русские – два народа. Но это народы-братья. Отличаясь эмоциональными оттенками, они тем не менее представляют собой единую этнокультурную и цивилизационную общность. Этого никогда не следует забывать. Парадокс в том, что в известном смысле есть основания утверждать, что белорус является более русским человеком, чем великоросс. Как образно сказал Президент Александр Лукашенко, «белорус – это русский со знаком качества»¹⁶⁰. Обусловлено это спецификой исторического развития Беларуси, когда от белорусов требовалось большое напряжение сил и ума в защите своих общерусских начал от посягательства иноземцев (крестоносцы, иезуиты, польские магнаты). Не случайно белорусы отнеслись более негативно к разрушению СССР, чем великороссы.

Итак, белорус и русский – это родные братья, потому что они сыновья одной и той же матери – имя которой Русь.

Две истории на территории Беларуси

Специфика исторического развития Беларуси проявляется в том, что на территории Белой Руси функционировали две истории. История польско-шляхетская и история общерусская (белорусская). После того как земли Белой Руси оказались в составе Великого Княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой, происходит становление польско-шляхетской истории. Первоначально польско-шляхетская история существовала наравне с общерусской и нисколько не превосходила по своему каталогу последнюю. Но по мере денационализации высшего русского этнического сословия польско-шляхетская история не только стала доминировать над общерусской, но и полностью завладела литературным пространством всей Белой Руси. Этот

процесс ликвидации общерусской исторической литературы затянулся на целое столетие, начиная от Люблинской унии 1569 года и кончая, примерно, серединой XVII века. «Диариуш» («Дневник») Афанасия Филипповича (1646) можно считать одним из последних видных произведений общерусской истории. А в конце XVII века старорусский язык, на котором печаталась общерусская литература, был окончательно заменен польским языком.

Знаменитый автор «Славянской грамматики» Мелетий Смотрицкий в своем другом общерусском произведении «Фриносе», или «Плаче восточной церкви» (1610) констатирует смерть высшего сословия древнего русского народа (так именовались в то время будущие белорусы и украинцы), погибшего в полонизме, латинстве и иезуитизме. «Где теперь, – вопрошает Мелетий Смотрицкий, – дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей древней православной веры? Где и другие славные роды русских князей – князья Слуцкие, Заславские, Вишневецкие, Чарторыйские, Соломерецкие, Соколинские, Лукомские и другие без числа?»¹⁶¹. Все они, отвечал Мелетий Смотрицкий, денационализировались, стали польскими магнатами, которые в национально-ментальном плане уже ничего общего не имели с простым народом, с общерусскостью. Взять, к примеру, Адама Чарторыйского, который был другом Александра I и заместителем министра иностранных дел России. Это уже был не русский князь, а прожженный польский аристократ, который всеми фибрами своей иезуитской души ненавидел как русскую власть, так и белорусский народ и делал все возможное, чтобы на территории Беларуси сохранить польское шляхетство и польский шовинизм. Особенно он усердствовал в насаждении польско-шляхетского самосознания в качестве попечителя Виленского учебного округа. Образовательная и воспитательная деятельность Виленского учебного округа распространялась на территории современной Литвы, Беларуси и значительной части Украины (Киевская, Волынская и Подольская губернии). Все преподавание велось на польском языке, все гимназии, училища, приходские школы при католических и базилианских монастырях, при костелах контролировались руководством Виленского университета. Студенты, учащиеся и школьники воспитывались в духе преданности польской истории и польской национальности. Надо прямо сказать, что этому способствовала политика заигрывания царских чиновников с польской шляхтой. Польская шляхта при императоре Павле I была приравнена к русскому дворянству и русскому чиновничеству. Объективно власть польской шляхты в Беларуси стала гораздо сильнее, чем во времена собственно Речи Посполитой. Как справедливо указывал белорусский этнограф Евдоким Романов (под псевдонимом Е. Белицкий) в своей книге «Под польским игом» (1908), «чего под польским гнетом могилевчане и витебляне не допустили сделать Кунцевичу (униатский архиепископ XVI века, жестокий гонитель православной веры), несмотря на кровавые расправы, устраиваемые поляками, то с лихвой доделала

петербургская бюрократия. В этом отношении она прямая преемница Кунцевича»¹⁶².

Русскими по своей ментальности остались лишь белорусские крестьяне и мещане. Им противостояла этнически чуждая и ментально несовместимая польская шляхта, которая экономически, культурно и идеологически господствовала на Белой Руси вплоть до Октябрьской революции 1917 года. Господство польской шляхты выражалось и в господстве польско-шляхетских исторических концепций на белорусской земле, которые современными квазиисториками и квазикультурологами выдаются за белорусскую историю. Эта подмена белорусской, т.е. общерусской истории польской историей в значительной степени затронула даже сознание значительного круга научного и культурного сообщества в Беларуси. Логика здесь проста. Раз эта литература создавалась местными уроженцами, то значит это белорусская литература. Отсюда заявления такого рода: раз Адам Мицкевич родился и писал свои творения в Беларуси, то это белорусский поэт. Если Иосиф Ярошевич, Игнатий Данилович, Иосиф Крашевский родились и творили в Беларуси, то это белорусские историки. При этом отсутствует понимание того, что само по себе место рождения человека еще нисколько не говорит о его ментальности, о его национальном характере.

Все дело в том, что по своей национально-культурной идентификации это были типичные польские шляхтичи, которые ментально были абсолютно чужды коренному населению, т.е. белорусам. Даже если отдельные представители этой шляхты сочувственно относились к белорусским крестьянам, занимались собиранием белорусского фольклора и называли себя литвинами, то антирусская сущность данного сословия от этого нисколько не менялась. К примеру, Адам Мицкевич называл себя литвином, а свою отчизну Литвой не по причине якобы своей литвинской самоидентификации, а с точки зрения романтических реминисценций исторического прошлого, что объективно ни у кого из современников Адама Мицкевича не вызывало ни малейших сомнений, что они имеют дело не с каким-то белорусским поэтом, а с глубоко шовинистичным польским шляхтичем. Ведь сам Адам Мицкевич воспринимал белорусов как нечто неполноценное, неисторическое, существующее не в реальном времени, а в мифологическом, заколдованном.

Адам Мицкевич, Игнатий Данилович, Иосиф Ярошевич, Игнатий Домейко и другие так называемые «литвины» по совокупности своих исторических представлений и политических ориентаций ничем не отличались от польского этнографа, тоже уроженца белорусской земли Александра Рыпинского, который в своей книге «Поэзия простых людей нашей польской провинции», изданной в Париже в 1840 году, призывал белорусских матерей «первой своей обязанностью учить своих детей произносить святое имя Польши еще до того, как ребенок научится выговаривать слово «мама». «Рука матери, – требует польский шовинист, – не должна давать ребенку необходимую еду до того времени, пока он не попросит ее по-польски»¹⁶³. Таким образом, во всей этой

польско-шляхетской литературе с ее мнимой заботой о белорусах проводился все тот же польский шовинизм, рассматривавший Беларусь как свою польскую провинцию и ориентировавшийся на восстановление Польши в границах 1772 года.

Но общерусская история, прекратив свое письменное существование с конца XVII века, тем не менее не исчезла. Она сохранила себя в устнопоэтическом творчестве белорусского народа. Именно в белорусских песнях, легендах, сказках, пословицах, поговорках, праздниках, обрядах продолжала жить наша родная общерусская история на протяжении XVIII–XIX веков. Она ждала своего часа, чтобы стать источником национального возрождения собственно белорусского самосознания. И этот час наступил. Благодаря помощи Российской академии наук и Русского географического общества с середины XIX века в Беларуси основательно взялись за разработку древних памятников и издание древней общерусской литературы. Путь этот оказался самым продуктивным. Было опубликовано множество исторических источников, в том числе Акты Западной России, Акты Южной России, произведения полемической литературы конца XVI – начала XVII века, в которых заиграла всеми красками общерусская история. Благодаря этой титанической работе появилась реальная возможность представить верное понимание белорусской истории, ибо в этой древней литературе везде звучало одно великое, объединяющее русских, белорусов и украинцев слово – Русь, древний русский народ, Русская земля. Вся эта литература была написана на старорусском языке, который был общим языком для Белой Руси и Украины. И не случайно «Славянскую грамматику» Мелетия Смотрицкого Михаил Ломоносов называл «воротами своей учености». Признаем очевидное: ни при какой другой вере (польско-шляхетской, униатской, протестантской) никогда бы не появились ни белорусский народ, ни белорусское государство. Таким образом, современное белорусское общество в конечном итоге есть воплощение традиций и ценностей исторической Руси.

8. Какой дорогой идти белорусу (Вместо заключения)

В настоящее время вопрос о важности развития культуры нашего народа ни у кого не вызывает сомнений. В формальном смысле это бесспорно. Спорное начинается тогда, когда речь заходит о содержании национального развития.

«Нам надо закончить выработку белорусской идеи», – заявляют «национально-сознательные» историки, филологи и философы в Беларуси. Звучит, несомненно, патриотично. Но как обстоит дело с научностью? Парадокс состоит в том, что наша «национально-сознательная» интеллигенция абсолютно не понимает той проблемы, которую она взялась трактовать. Поясним.

Что такое идея в философско-историческом смысле? Идея – это «теоретический и практический разум» народа. Ни государственность, ни национальные особенности ничего еще не говорят об идее в философско-историческом плане. Государств, наций может быть много, а идея, их объединяющая и оживотворяющая, – одна. Это прекрасно объяснил крупнейший английский философ нашего времени А.Тойнби. В частности, он отмечал:

«Действующие силы истории не являются национальными, но проистекают из более общих причин. Взятые в частном национальном проявлении, они не могут быть правильно поняты, и поэтому их должно рассматривать только в масштабах всего общества. Таким образом, английская история не прояснится до тех пор, пока она не будет рассмотрена в сопоставлении с историями других национальных государств, входивших в более широкое сообщество, каждый из членов которого реагировал специфическим образом на происходящее»¹⁶⁴. Это широкое сообщество, в которое входила Англия, он называет «Западом», «западным миром» или «западным обществом». По Тойнби, нет ни английской, ни французской, ни немецкой идеи, а есть общая для всех этих государств и наций западная идея. Методологически неверно отождествлять идею с государственностью, национальностью.

Историю белорусского народа можно понять, когда она будет рассмотрена в контексте более широкого сообщества. Что Беларусь не входила в ареал «западного мира» – это общеисторический факт. А. Тойнби пространственные границы «западного общества» очерчивает Западной Европой, включая в нее США и Канаду. Беларусь же входила и входит в более широкое сообщество, которое мы имеем все основания обозначить понятием «русская идея». Реальное пространственное и временное поле, на котором протекала жизнь белоруса, всегда было русским. «Белорусы во многом больше русские, чем великороссы. Можно сказать, что суть «белорусскости» – это общерусский патриотизм. Беларусь на сегодня – это освобожденная территория исторической России».¹⁶⁵

Идея – синоним цивилизации. Смешно говорить о польской или белорусской цивилизации, если даже крупнейшие мыслители Западной Европы не считают нужным вести речь об отдельной французской или английской цивилизации. Но никто не сомневается, что наряду с «западным миром» существует отличный от него русский мир.

Фундаментальное влияние русской цивилизации на формирование белорусского национального характера – документально-источниковедческий и философско-исторический факт. В связи с этим важное значение имеет выяснение характерных признаков русской цивилизации, которые одновременно являются сущностными определениями национального самосознания белорусского народа. Перечислим их.

С точки зрения *исторической*, русская цивилизация представляет собой особый тип цивилизации, неразрывно связывающей тысячелетнюю традицию Киевской Руси с настоящим временем.

С точки зрения *мировоззренческой*, русская цивилизация является выразителем культурной и нравственной традиции, основополагающие ценности которой лучше всего назвать ценностями трудового человека.

С точки зрения *национальной*, русская цивилизация есть многоаспектная этническая общность, в основе которой лежит национальное ядро белорусов, великороссов и украинцев.

С точки зрения *экономической*, русская цивилизация есть самобытный хозяйственный организм, принципиально отличающийся по законам своей жизнедеятельности от западной модели свободного предпринимательства.

С точки зрения *геополитической*, русская цивилизация есть стержень и главная опора евразийского континентального блока, интересы которого противостоят агрессивным установкам западной цивилизации или так называемого Атлантического Большого Пространства¹⁶⁶.

Сущность русской цивилизации не в ее особой святости¹⁶⁷, а в трудовом принципе человеческой жизни. В этом принципиальное отличие русской цивилизации от западной. Недаром современный американский мультимиллионер Бенджамин Сорез в своей известной книге «7 ступеней свободы. Как избежать крысиной гонки в Америке» (1994) признается, что «в мире свободного предпринимательства нет людей, есть только продавцы и покупатели». «Таким образом, абсолютно бесспорным является положение о том, что белорусский народ с самого начала своей истории формировался как органическая часть славяно-православной, или иначе, славяно-русской цивилизационной общности. Беларусь, безусловно, принадлежит к славяно-православной цивилизации»¹⁶⁸.

Упорное насаждение в нашем Отечестве западных идеалов, уже дискредитировавших себя на Белой Руси и Украине в XVI – XVIII веках, кроме недоумения и тревоги, ничего хорошего на русской земле вызвать не может. Вспомним, пожалуй, достаточно показательную деталь: конюшню в Успенском соборе Московского Кремля в 1812 году.

Из множества факторов цивилизационной агрессии Запада следует отметить распространение западного утилитаризма и воинствующего антихристианства на весь мир (США здесь в авангарде), которые имеют своей целью создание мамонистского общества и формирование человека-манипулятора.

Русская модель развития единственно возможная для нашего Отечества – Беларуси, России, Украины, для славянства вообще. Без всеобщего радикального изменения всех сфер общественной и личной жизни в общерусском цивилизационном русле борьба с «нетрадиционными религиозными течениями» и с «деструктивными верованиями и тоталитарными сектами» будет бесплодной.

Западом ведется тотальная информационно-психологическая война против общерусского мировоззрения нашего народа. Изнутри православную церковь пытаются подорвать внедрением экуменических, модернистских, еретических и раскольнических воззрений. Извне довлеют оккультно-мистические и психомагические формы воздействия на сознание человека. По результатам своим, к примеру, методы современного психоанализа и психотерапии, внедряемые даже во внутрицерковный обиход и настойчиво популяризируемые современными «богословами», ничем не отличаются от оккультно-мистических. И те, и другие – все они базируются на откровенном антихристианстве.

Поэтому необходимо подлинное восстановление истинной духовности, ибо дестабилизация общественно-политической жизни напрямую зависит от нестабильности в сфере духовной.

Все усилия ученых в конечных итогах своих будут бесплодны и бессмысленны до тех пор, пока из поля зрения их выпадают фундаментальные вопросы цивилизационной самоидентификации нашего народа. «Веками родство русских, украинцев и белорусов почиталось святыней. В его основе лежали общность происхождения, близость языков, места проживания, характера и исторических судеб». ¹⁶⁹

Белорус, как и великоросс, и украинец, по своей теоретической и практической жизни является русским человеком, а Беларусь, как Россия и Украина, составляет часть единой общерусской цивилизации. «Белорус, великоросс и украинец по своему мирозерцанию, практической жизни и культуре относятся к особому культурно-историческому типу – славянской православной цивилизации». ¹⁷⁰

Таким образом, рассуждения «национально-сознательной» интеллигенции о некоей автономной белорусской идее на практике оказывают плохую услугу белорусскому народу и белорусской государственности. Националистический миф о белорусской идее ведет к смене пространственно-временных и духовно-нравственных ориентиров нашего народа, к отрыву Беларуси от своих общерусских корней. Только следуя общерусским путем, может плодотворно развиваться белорусская национальность и белорусская государственность.

Библиография

1. Акты Западной России. – СПб., 1848. – Т. 2.
2. Акты Западной России. – СПб., 1851. – Т. 4.
3. Акты Западной России. – СПб., 1853. – Т. 5.
4. Акты Южной и Западной России. – СПб., 1863. – Т. 1.
5. Апокрисис Христофора Филалета. – Киев, 1870.
6. *Бантыш-Каменский Н.* Историческое известие о возникшей в Польше Унии. – Вильна, 1866.